

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1905.

№ 14.

ІЮЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Рѣчь, сказанная при вручені жезла архимандриту Михаилу, ректору Казанской духовной семинаріи, 17-го іюля 1905 года, въ Кафедральномъ соборѣ. *Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго* . . . . . 69—70

Очеркъ архипастырской дѣятельности Высокопреосвященнаго Арсенія (Брянцева), Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, во время его пятилѣтняго управленія Казанскою епархією, въ связи съ общимъ обзоромъ его святительскаго служенія. *Леонида Багрецова* . . . . . 71—100

Христосъ въ современной духовной жизни. (Christus im modernen Geistesleben). Е. Пфеннигсдорфа. (Переводъ съ нѣмецкаго). (Продолженіе). N. N. . . . . 101—127

Путешествіе Гоголя въ Святую Землю. *Ө. Воронина*. . . . . 128—136

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Современный пессимизмъ и ветхозавѣтное ученіе о суетности всего земного. *Теодора Владимірскаго*. . . . . 33—59

Соціальныя идеи Ницше, въ критическомъ изложеніи А. Фуилье. (Переводъ съ французскаго). *Д—ва*. . . . . 60—64

III. ИЗВѢСТІЯ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Высочайшія награды.—Благодарность Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Епархіальныя извѣщенія.—Отчетъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1904 годъ (29 годъ его существованія).—Журналъ Общаго годичнаго Собранія Харьковскаго Отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества 20-го марта 1905 года.—Отъ Харьковскаго Отдѣленія Понечительства Государыни Императрицы Маріи Теодоровны о глухонѣмыхъ —II. Похищеніе и обрѣтеніе изъ Ахтырскаго Собора Чудотворной Иконы Божіей Матери 1-го апрѣля 1905 г. *Священника Гауріила Вьюсова*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д № 17.

1905.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА въ уплату денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г.—по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Бронтапо. Съ французскаго пероваль Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πότε: νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 іюля 1905 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

Р Ъ Ч Ъ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО АРСЕНІЯ,

Архієпископа Харьковского и Ахтырскаго,

сказанная при врученіи жезла архимандриту Михаилу, ректору Казанской духовной семинаріи, 17-го іюля 1905 года, въ кафедральномъ соборѣ.

Привѣтствую тебя, о. Архимандритъ Михаилъ, съ назначеніемъ на почетную должность ректора семинаріи и съ посвященіемъ въ санъ архимандрита. Когда ты будешь вступать на новую должность свою, несомнѣнно ты услышишь слово руководства отъ своего новаго архипастыря. Но, согласно церковному уставу, при посвященіи въ санъ архимандрита, при врученіи жезла новопосвященному архимандриту должно быть преподано слово назиданія, что я и исполняю.

Званіе „архимандрита“ или „игумена“ указываетъ на назначеніе руководить и управлять иноческою обителью. Но тебѣ, Отче, вручается не иноческая обитель, а юношескій разсадникъ, чтобы ты воспитывалъ его,—насажденія онаго приготовлялъ для благоуханія и украшенія Церкви Христовой. Дѣло это сколько великое, столько и трудное, особенно въ нынѣшнее время.

Развѣ можетъ быть что важнѣе приготовленія достойныхъ пастырей Церкви? О, какъ нужны добрые пастыри въ нынѣшнее маловѣрующее и развращенное время! Руководители, учителя и воспитатели духовнаго юношества, приготовляемаго на служеніе Церкви, должны быть прежде всего сами проникнуты сознаниемъ важности своего дѣла, должны быть сами глубоковѣрующими, безусловно-нравственными, благочестивыми и образцовыми христианами: тогда они будутъ имѣть авторитетъ предъ своими учениками. Добрый собственный примѣръ есть самый лучшій учитель! Если о пастырѣ Церкви говорится въ

Евангеліи: добрый пастырь полагаетъ душу свою за овецъ своя, — то что же сказать объ учителѣ самыхъ пастырей?... Любовь его къ своимъ ученикамъ, забота о нихъ у него должны быть безпредѣльны. Только при этомъ условіи возможна любовь учащихъ къ своему учителю и ихъ довѣріе. Къ сожалѣнію нынѣ часто перваго не бываетъ и второе не достигается. А гдѣ такъ бываетъ, тамъ благонадежности мало...

Нынѣ такъ много недовольныхъ существующими порядками. Это недовольство проникаетъ и въ духовно-учебныя заведенія. Оно весьма затрудняетъ, останавливаетъ и портитъ святое дѣло воспитанія духовнаго юношества. Недовольныхъ мы спрашиваемъ: „укажите лучшее“. Они или путаются, не находя, что сказать, или указываютъ на мнимое лучшее, чего никакъ нельзя принять и ввести въ школу и въ жизнь. Упорство и недоувѣріе требующихъ чего-то новаго часто производятъ безпорядки. Это наше великое современное горе. Что же дѣлать начальствующимъ, учащимъ и воспитывающимъ юношей въ учебныхъ заведеніяхъ? Могущественныя средства къ успокоенію ихъ — отеческая любовь къ нимъ, заботы объ ихъ благѣ и стараніе пріобрѣтать ихъ сыновнюю любовь и довѣріе. Эти свойства сближаютъ тѣхъ и другихъ, облегчаютъ прохожденіе труднаго служенія — воспитанія юношества и будутъ лучшимъ и вѣрнымъ побужденіемъ для учащихъ искать правды, утѣшенія и успокоенія своихъ мятущихся юныхъ душъ не за стѣнами своихъ учебныхъ заведеній, а внутри ихъ — у своихъ любимыхъ и любящихъ ихъ воспитателей.

Вручая жезлъ тебѣ, о. архимандритъ Михаилъ, я желаю, чтобы онъ былъ выраженіемъ твердой силы къ возбужденію и проявленію взаимной любви между учащими и учащимися во врученной твоему управленію семинаріи, истинно-отеческой заботы объ учащихъ и сыновней любви, довѣрія и преданности сихъ послѣднихъ къ тебѣ и всѣмъ твоимъ сотрудникамъ. Аминь.

О Ч Е Р К Ъ

архипастырской дѣятельности Высокопреосвященнаго Арсенія (Врянцева), Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, во время его пятилѣтняго управленія Казанскою епархіею, въ связи съ общимъ обзоромъ его святительскаго служенія.

(Продолженіе *).

4-го февраля 1903 г. Казанская епархія торжественно праздновала другой юбилей Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія.—Въ этотъ день исполнилось 35-лѣтіе служенія Владыки въ священномъ санѣ. Высокопреосвященный, по чувству пастырскаго смиренія и во избѣжаніе „праздныхъ разговоровъ“²⁾, не намѣривался дѣлать торжественнаго приѣма поздравленій отъ пасомыхъ въ этотъ знаменательный для него день. Отслуживъ литургію и благодарственный молебенъ въ Крестовой церкви, Архіепископъ выѣхалъ въ этотъ день въ загородный архіерейскій домъ. Пасомые пожелали однако достойно отпраздновать упомянутый юбилей Владыки.—Въ кафедральномъ соборѣ и другихъ городскихъ храмахъ были совершены въ этотъ день литургіи и молебны о здравіи Архіепископа. Въ соборѣ среди молящихся находились представители мѣстной администраціи, попечитель учебнаго округа, директоръ народныхъ училищъ, начальствующіе и учащіея всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній и церковно-приходскихъ школъ г. Казани. Богослуженіе въ соборѣ совершали Преосвященные Викаріи Казанской епархіи: Алексій, Епископъ Чистопольскій и Іоаннъ, Епископъ Чебоксарскій, въ сослуженіи

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 13 за н. г.

2) „День исполнявшагося 35-лѣтія служенія въ священномъ санѣ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Казанскаго и Свѣяжскаго“. „Изв. по Каз. еп.“ 1903 г. № 4, стр. 121. А также отд. брошюра. Каз. 1903 г., стр. 11.

многочисленнаго городского и приѣзжаго ¹⁾ духовенства. Въ концѣ литургіи Преосвященнымъ Алексіемъ было произнесено поученіе о нравственной силѣ христіанскаго единенія въ вѣрѣ, молитвѣ и добродѣляхъ.—Сказавъ о томъ, что въ христіанской церкви съ первыхъ же дней ея существованія всегда сознавалось внутреннее и внѣшнее церковное единство, преосвященный остановилъ вниманіе молящихся на томъ фактѣ, что именно это единеніе членовъ Церкви всегда являлось надежнымъ оплотомъ противъ всѣхъ ея враговъ. „Когда церковь Христова, говорилъ онъ, призывалась Промысломъ Божиимъ вести долгую и упорную борьбу за свою вѣру и цѣлость съ своими лютыми внѣшними врагами, когда она почти каждый уголокъ земли должна была отвоевывать себѣ у враждебнаго ей міра цѣною цѣлыхъ потоковъ крови; когда она вмѣстѣ съ тѣмъ принуждена была считаться съ различными противоположными ей теченіями и направленіями, разнаго рода ересями и расколами во внутренней своей жизни: тогда сознаніе ею своего единства, всегда отличавшее ее духовно-благодатное единеніе ея членовъ, было поистинѣ самымъ надежнымъ оплотомъ противъ всѣхъ ея враговъ, защитой, которая оказалась крѣпче всякихъ стѣнъ каменныхъ. Святая церковь, мы знаемъ, вышла изъ этой тяжелой борьбы побѣдительницей“. Послѣ этой исторической справки, преосвященный обратилъ вниманіе на то, гдѣ должно искать опоры въ борьбѣ и съ теперешними врагами церкви.

„Если въ древнее время, продолжалъ онъ, враги церкви Христовой искажали или отрицали тѣ или другіе частныя догматы христіанскаго вѣроученія, то наше время хочетъ дать рѣшительную битву христіанству вообще, замышляетъ совсѣмъ искоренить его въ сердцахъ людей, какъ религію устарѣвшую, отжившую свой вѣкъ, поэтому неспособную-де болѣе удовлетворять запросамъ современнаго культурнаго человѣка. Нѣкоторымъ фанатикамъ невѣрія хотѣлось бы даже совсѣмъ уничтожить въ человѣчествѣ вообще какую бы то ни было вѣру въ Бога.

¹⁾ На 3-е февр., по распоряженію Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія, назначенъ былъ въ Казани вышеупомянутый съѣздъ о.о. благочинныхъ.

Освободивъ себя отъ узъ религіи, на правахъ людей, достигшихъ якобы давно всѣми желанной свободы совѣсти, и понятой и истолкованной и вкривъ и вкось, современные жрецы невѣрія дѣйствительно почитаютъ себя въ правѣ дѣлать рѣшительно все, что только способна вынести ихъ свободная, вѣрнѣе—разнузданная, совѣсть... Невѣріе и безстыдная жизнь такъ называемыхъ образованныхъ и полуобразованныхъ классовъ, оставившихъ вѣру и церковь, разрушительно дѣйствуютъ на цѣлность христіанскихъ убѣжденій и чистоту жизни людей простыхъ. Не будемъ убаюкивать себя ложною мыслью, что здѣсь все обстоитъ благополучно: паденіе народной нравственности фактъ безспорный. Только не забудемъ, что вмѣстѣ съ этимъ неизбежна утрата и народной силы, народной доблести.

Остановить этотъ потокъ невѣрія и нечестія едвали въ состояніи какая-либо другая сила, кромѣ святой церкви Христовой... Только общія дружныя усилія всѣхъ друзей церкви въ единеніи съ ея пастырями могутъ обезпечить скорую и вѣрную побѣду вѣры надъ невѣріемъ, добродѣтели надъ порокомъ. Дружная работа спорится. Господи, да будутъ же вси едино!“ Свое поученіе преосвящ. закончилъ такими словами:

„Настоящее церковно епархіальное торжество наше, собранное такой тѣсной толпой вѣрующихъ членовъ Казанской церкви вокругъ своего маститаго Архипастыря въ день свершившагося 35-лѣтія Его пастырскаго дѣланія на нивѣ Христовой, да укрѣпитъ нашу надежду на то, что духовно-благодатное единеніе паствы и архипастыря и нынѣ, какъ во дни быны, поможетъ намъ, если не искоренить, то по крайней мѣрѣ ослабитъ силу окружающаго насъ невѣрія и нравственнаго растлѣнія“.

Многіе въ этотъ день пріѣзжали въ архіерейскій домъ для принесенія поздравленія Владыкѣ и, за его отсутствіемъ, оставили карточки. Въ числѣ пріѣзжавшихъ привѣтствовать Высокопреосвященнаго были: Казанскій Губернаторъ П. А. Подторацкій, Попечитель Казанскаго учебнаго округа С. О. Сдѣшковъ, помощникъ попечителя учебнаго округа А. А. Остроумовъ, директоръ народныхъ училищъ А. С. Никольскій,

предсѣдатель военно-окружнаго суда В. О. Басковъ, предсѣдатель департамента Судебной Палаты Н. А. Ридманъ и др. Получено было въ этотъ день на имя Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія не мало и поздравительныхъ телеграммъ и писемъ. Высокопреосвященный Антоній, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій, привѣтствовалъ, напр., Архіепископа телеграммой слѣдующаго содержанія: „Сердечно привѣтствую Васъ, Владыко, съ 35-лѣтіемъ ревностнаго и благоплоднаго служенія Вашего святой Церкви. Молитвенно желаю Вамъ здоровья и преуспѣянія въ дѣлахъ Вашего святительскаго служенія“. Преосвященный Іоакимъ, Епископъ Гродненскій, почтилъ Высокопреосвященнаго Арсенія такою телеграммою: „Вседушевно поздравляю Ваше Высокопреосвященство съ 35-лѣтіемъ плодотворнаго служенія Вашего Церкви Божіей. Вознося благодареніе Христу Богу, усерднѣйше молюсь о Вашемъ здравіи, благоденствіи, долгоденствіи во благо Православной Церкви“.

Въ шесть часовъ вечера въ тотъ же день назначено было Архіепископомъ въ его покояхъ собраніе о.о. благочинныхъ епархіи и миссіонеровъ. Къ этому времени Владыка возвратился въ Казань. „Велико было его удивленіе, говоритъ хроникеръ „Извѣстій по Казанской епархіи“¹⁾, когда онъ узналъ здѣсь, что избѣгнутое имъ утромъ должно было неизбежно произойти вечеромъ: лица и учрежденія, подвѣдомственныя Его Высокопреосвященству, не могли позволить себѣ опустить случай торжественно, предъ всѣми, засвидѣтельствовать чувства своей глубокой благодарности, неизмѣнной преданности Архипастырю и вмѣстѣ—свои сердечныя пожеланія ему.

Къ шести часамъ вечера въ покои Высокопреосвященнаго прибыли: Преосвященные Викаріи Алексій и Іоаннъ, настоятельницы и настоятели монастырей Казанской епархіи, представители отъ академіи, семинаріи, духовныхъ училищъ, консисторіи, кафедральнаго собора; о.о. благочинные и миссіонеры Казанской епархіи. Здѣсь же находились многіе и изъ свѣтскихъ высокопоставленныхъ лицъ.

¹⁾ 1903 г. № 4, стр. 119.

Когда Высокопреосвященный Юбиляръ вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ въ залу, всѣ собравшіеся пропѣли молитву, „Царю Небесный“, а затѣмъ „ис полла эти, деспота“. Преподавъ общее благословеніе, Архипастырь обратился къ нимъ съ краткою рѣчью.

„Благодарю васъ, отцы и братіе, говорилъ онъ, глубоко благодарю за ту молитву, которую вы сегодня вознесли за меня; нынѣ я особенно нуждаюсь въ ней; вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ я не знаю, что значитъ быть вполне здоровымъ; немолодые годы, утомленіе, наша непостоянная казанская погода даютъ себя чувствовать. Вѣрю, что ваша общая сердечная молитва предъ престоломъ Всевышняго не будетъ тщася: сообщить мнѣ прежнюю крѣпость и силу... Какъ вы знаете, у меня не было намѣренія устраивать сегодня то, что называется юбилейнымъ торжествомъ: изо-дня въ день все болѣе и болѣе учащающіеся юбилеи, устраивающіеся иногда повидимому безъ всякихъ серьезныхъ основаній, дали поводъ и обществу и нашей прессѣ относиться къ нимъ подчасъ съ нескрываемымъ недоувѣріемъ... Во избѣжаніе этихъ-то лишнихъ разговоровъ да пересудовъ, чтобы не вводить людей въ грѣхъ, я и рѣшилъ уклониться отъ торжества,—какъ-бы ни было сердцу трудящагося человѣка пріятно услышать то, что даетъ увѣренность, что жизнь его не даромъ прошла, что, благодаря Бога, онъ не менѣе другихъ потрудился на пользу того дѣла, къ которому былъ призванъ. Придя къ этому рѣшенію, я написалъ Преосвященному Алексію письмо такого содержанія:

„Ваше Преосвященство! Я не желаю ослаблять усердія и вниманія ко мнѣ паствы, но опасаясь разнаго рода праздныхъ разговоровъ по поводу юбилейныхъ торжествъ. По желанію и усердію, 4 февраля можетъ быть скромное богослуженіе въ кафедральномъ соборѣ, отъ котораго я лично уклоняюсь. Въ этотъ день до вечера меня не будетъ дома. Въ 6 час. вечера ко мнѣ соберутся о.о. благочинные и миссіонеры на засѣданіе,—предъ коимъ желающіе могутъ меня скромно попривѣтствовать. И только“.

Неожиданное для меня многолюдное собраніе чествующихъ, единодушіе пожелавшихъ почтить меня своимъ привѣтствіемъ

меня удивило, но вмѣстѣ и разстрогало, до глубины сердца разстрогало... Еще разъ приношу вамъ свою глубокую благодарность за ваше желаніе привѣтствовать меня и своимъ привѣтствіемъ ободрить меня для перенесенія новыхъ трудовъ и заботъ. Молю Господа Бога, чтобы мои непрестанныя многолѣтнія молитвы предъ престоломъ Всевышняго послужили во здравіе и спасеніе какъ мнѣ самому, такъ и тѣмъ, за кого я молился, молюсь и буду молиться“.

По окончаніи рѣчи Высокопреосвященнаго, къ нему приблизился Преосвященный ректоръ академіи и прочиталъ адресъ отъ духовно-учебныхъ заведеній Казанской епархіи. Вотъ краткія выдержки изъ этого обширнаго адреса:

„Казанскія духовно-учебныя заведенія, порученныя Вашему мудрому руководительству, счастливы, что на ихъ долю выпало чествовать Васъ, Милостивѣйшій Архипастырь, въ день тридцатипятилѣтняго юбилея Вашего плодотворнаго пастырскаго служенія.

Мы, Ваши подчиненные и сотрудники въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія, въ лицѣ начальниковъ, наставниковъ и служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ собрались сюда, чтобы высказать предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ свои чувства благодарности и мысли, волнующія насъ въ день Вашего пастырскаго юбилея.

Казанскіе разсадники духовнаго просвѣщенія счастливы, что ввѣрены руководительству такого опытнаго педагога, какъ Вы, Мудрый Наставникъ. Ваше служеніе на Казанской кафедрѣ и управленіе казанскими духовно-учебными заведеніями являются не первыми шагами Вашей педагогической дѣятельности, но плодомъ тридцатипятилѣтняго опыта въ школьномъ дѣлѣ, когда успѣваютъ воплѣниться сложившіяся опредѣленные взгляды на постановку школы и отношенія къ начальникамъ, наставникамъ и учащимся.

Не легкая жизнь въ дѣтствѣ, труды на школьной скамьѣ въ сиротской долѣ при строгихъ порядкахъ въ нашей старой духовной школѣ, тяжелые удары судьбы во время пастырскаго и педагогическаго служенія выработали въ Васъ, Милостивѣйшій Владыко, добраго отца, мудраго наставника и опыт-

наго руководителя. Вы лично пережили все, что переживала наша духовная школа болѣе чѣмъ за полстолѣтіе, и являетесь живымъ носителемъ и выразителемъ полувѣковой исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія. Будучи администраторомъ, искусеннымъ и окрѣпшимъ въ принципахъ стараго и новаго воспитанія, Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, опытомъ прошлаго провѣряете настоящее. Нынѣ чуть-ли не на всѣхъ русскихъ окраинахъ и на разныхъ поприщахъ служенія находятся Ваши ученики, вышедшіе изъ Бѣлоцерковской гимназіи, гдѣ Вы были законоучителемъ, изъ Таврической духовной семинаріи и С.-Петербургской академіи, гдѣ Вы были ректоромъ.

Обремененный сложными заботами и нелегкими трудами по управленію обширной, разноплеменной и разновѣрной епархіей, требующей особеннаго Архипастырскаго вниманія ко всѣмъ многообразнымъ явленіямъ мѣстной церковной жизни, Вы, Благостный Архипастырь, ни на минуту не упускаете изъ вниманія и вѣреныхъ Вамъ разсадниковъ духовнаго просвѣщенія, вникая во всѣ крупныя и мелкія дѣла казанскихъ духовно-учебныхъ заведеній. Внимательностью высшаго духовнаго начальства казанскія духовно-учебныя заведенія всего болѣе обязаны Вашему мудрому представительству и ходатайству за свои заведенія.

Мы осмѣливаемся назвать эти заведенія своими для Васъ, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ, въ той увѣренности, что нужды ихъ всегда являются Вашими нуждами, ихъ радости Вашими радостями, ихъ горе Вашимъ горемъ. Мы живые свидѣтели того, какъ Вы мужественно стояли и продолжаете стоять за честь Вашихъ заведеній, и всѣ они сознаютъ, что находятся подъ руководствомъ опытнаго и надежнаго наставника, руководителя и защитника ихъ интересовъ.

Прошло только пять съ половиной лѣтъ, какъ Вы, Милостивѣйшій Архипастырь, встали во главѣ казанскихъ духовно-учебныхъ заведеній, но уже успѣли сдѣлать очень много для всѣхъ ихъ вообще и для каждаго въ отдѣльности...

Но у подвѣдомственныхъ Вашему Высокопреосвященству духовно-учебныхъ заведеній такъ много нуждъ, что покончить съ ними вужень не пятилѣтній срокъ, а многіе годы, при

томъ такой энергичной дѣятельности, какую проявляете Вы, Милостивый Архипастырь.

На образованіе дочерей Казанскаго епархіальнаго духовенства Вы, Владыко, обращали особенное вниманіе и быстро спѣшили здѣсь на помощь всякой нуждѣ. Быстрымъ и цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ давно назрѣвшаго вопроса о преобразованіи и расширеніи, Казанское Женское Епархіальное Училище всецѣло обязано инициативѣ и твердой настойчивости Вашего Высокопреосвященства. Съѣздъ духовенства 1899 г., руководимый Вашими мудрыми Архипастырскими совѣтами, изыскалъ средства на расширеніе училищнаго зданія, а 5 сентября 1900 года училище было преобразовано изъ трехкласснаго въ шестиклассное. Небогатое Казанское духовенство могло такъ быстро разрѣшить такую сложную и трудную задачу только благодаря мудрымъ Вашимъ указаніямъ. Вы, какъ Благопопечительный Отецъ, обратили свое вниманіе и на другое Казанское училище для дочерей духовенства—Окружное училище. По Вашему предложенію тѣсный храмъ его въ настоящее время распространень и заново отдѣланъ и самое училище близко также къ преобразованію изъ трехкласснаго въ шестиклассное.

Всѣмъ извѣстная Ваша Архипастырская благотворительность и отеческая заботливость о бѣдныхъ учащихся, порученныхъ Вашему покровительству, не обошли ни одного заведенія. Ваши взносы и пожертвованія въ Общество бѣдныхъ студентовъ Академіи достигаютъ суммы въ 1000 руб.; въ Попечительствѣ о бѣдныхъ ученикахъ Семинаріи они также очень значительны и составили особый капиталъ Имени Вашего Высокопреосвященства; въ Попечительствѣ Казанскаго Мужскаго Духовнаго Училища они превысили 400 руб. Ваша помощь училищу въ неурожайный 1899 годъ положительно не оцѣнима. Тотчасъ по приѣздѣ въ Казань Вы, какъ заботливый Архипастырь, приняли самое дѣятельное участіе при открытіи Попечительства при Женскомъ Епархіальномъ Училищѣ и уже успѣли внести въ его кассу 600 рублей.

Ваша щедрость не ограничивалась взносами въ Попечи-

тельства. Вы не отказывали въ скорой матеріальной помощи учащимся, лично за нею обращавшимся къ Вамъ. Въ тяжелую годину, пережитую населеніемъ Казанской епархіи, когда многіе родители, вслѣдствіе недорода хлѣба, очутились въ безвыходномъ положеніи и рѣшительно были не въ состояніи внести деньги за содержаніе своихъ дѣтей, Вы, Владыко, съ истинно-отеческою готовностію поспѣшили на помощь родителямъ и дѣтямъ. Для Женскаго Епархіальнаго училища Вы исходатайствовали у Святѣйшаго Синода 1000 руб. пособія на покрытіе недоимокъ по содержанію въ училищѣ бѣдныхъ воспитанницъ. Благодаря этому пособию, училище вышло изъ крайняго экономическаго затрудненія.

Ваши торжественныя служенія въ училищныхъ храмахъ и душевныя отеческія бесѣды навсегда будутъ памятны воспитанникамъ.

Какъ опытный хозяинъ и заботливый покровитель во время своихъ неоднократныхъ посѣщеній подвѣдомственныхъ Вамъ учебныхъ заведеній Вы обращали свое вниманіе на самыя ихъ зданія и внѣшнюю обстановку учащихся, и замѣтивъ хозяйственныя нужды заведеній, старались затѣмъ при первой возможности помочь имъ своимъ совѣтомъ и ходатайствомъ предъ высшимъ духовнымъ начальствомъ. И мы знаемъ, что эти ходатайства Ваши тамъ—и личныя и бумажныя—всегда уважались и уважаются, хотя знаемъ также и то, что частыя наши слезвицы, направляемыя Вашимъ Высокопреосвященствомъ къ высшей духовной инстанціи, не могли не доставлять Вамъ иногда и нѣкоторыхъ огорченій. Но всѣ такія огорченія ничуть Васъ не огорчали тамъ, гдѣ дѣло шло объ удовлетвореніи той или другой насущной потребности ввѣренныхъ Вашему Архипастырскому попеченію духовно-учебныхъ заведеній.

Благословенъ Богъ, даровавшій Вашему Высокопреосвященству крѣпость и силу пройти тридцатипятилѣтіе Вашего достославнаго пастырскаго служенія. Да сподобитъ общій Нашъ Пастыреначальникъ Господь Іисусъ Христосъ, Пречистый образъ Коего просимъ Васъ всѣ мы—представители духовно-учебныхъ заведеній Казанской епархіи—принять, отъ нашей

любви въ благодарно-молитвенную память о настоящемъ знаменательномъ дѣѣ Вашей и нашей духовной жизни,—да сподобить Онъ святыню Вашу и впредь еще долгіе годы свершать также благопоспѣшно и также многоплодно Ваше Архипастырское служеніе“.

Принявъ св. икону и облобызавъ се, Архіепископъ сказалъ: „Давно успѣлъ я позабыть тѣ многочисленныя заслуги, которыя Вы, Ваше Преосвященство, только—что перечислили, да и не слѣдуетъ мнѣ помнить о нихъ: все, что Господь сподобилъ меня сдѣлать во славу Его, я долженъ былъ сдѣлать, такова моя обязанность. Слава и благодареніе Тому, Кто далъ мнѣ силы для этихъ дѣлъ. Вамъ же моя благодарность за то искреннее чувство, которое Вы выразили сейчасъ: оно для меня дорого какъ успокоеніе для моей совѣсти, какъ ободреніе для моихъ силъ“.

Послѣ Преосвященнаго Алексія выступилъ Преосвященный Іоаннъ, Епископъ Чебоксарскій, предсѣдатель Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и Совѣта Братства св. Гурія. Прежде всего онъ прочиталъ адресъ отъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Указавъ на содѣйствіе Высокопреосвященнаго постепенному росту церковно-школьнаго дѣла въ Казанской епархіи вообще,—архипастырскую попечительность объ изысканіи мѣсвныхъ средствъ для удовлетворенія школьныхъ нуждъ, особенно въ годъ постигшаго Казанскую губернію неурожая,—и на личныя пожертвованія Архіепископа на устройство церковно-приходскихъ школъ, преосвященный закончилъ чтеніе адреса такими словами:

„Епархіальный Училищный Совѣтъ исполненъ чувствъ сердечной благодарности и всецѣлой преданности Вашему Высокопреосвященству, при молитвенномъ благопожеланіи, чтобы Господь хранилъ Ваше здоровье и подкрѣплялъ Ваши силы, исполняя Своимъ благословеніемъ Ваши неусыпные труды и попеченія о распространеніи и утвержденіи свѣта Христова ученія во вѣренной Вамъ паствѣ“.

Затѣмъ Преосвященнымъ Іоанномъ прочитанъ былъ слѣдующій адресъ отъ Совѣта Братства св. Гурія:

„Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Архипастырь и Отецъ!

Совѣтъ Братства св. Гурія, въ своей просвѣтительной дѣятельности проникнутый ревностнымъ стремленіемъ служить по мѣрѣ силъ и возможности дѣлу религіозно-нравственнаго просвѣщенія Богомъ ввѣренной Вамъ паствы Казанскія, въ настоящій глубоко-знаменательный день Вашего Пастырскаго служенія церкви Божіей воодушевленъ чувствами искренней и сердечной благожелательности Вашему Высокопреосвященству, какъ своему Архипастырю и руководителю. Совѣтъ глубоко сознаетъ и живо чувствуетъ Вашу неусыпную заботливость о развитіи и расширеніи дѣятельности его, о поддержаніи, ободреніи и воодушевленіи лицъ, дѣйствующихъ въ учрежденіяхъ его. Благодаря этой заботливости: 1) Число братчиковъ вмѣсто десятковъ теперь считается сотнями, и съ тѣмъ вмѣстѣ матеріальныя средства Братства получили существенное улучшеніе. 2) Сознавая значеніе христіанскаго просвѣщенія инородцевъ посредствомъ самихъ же инородцевъ въ санѣ священника и діакона, Вы неоднократно предлагали Совѣту Братства представлять Вамъ списки лицъ изъ инородцевъ, достойныхъ занятія священническихъ и діаконскихъ мѣстъ въ приходахъ съ татарскимъ, чувашскимъ и черемисскимъ населеніемъ. 3) Лучшихъ и многолѣтне потрудившихся учителей братскихъ школъ Вы удостоивали сана діакона, а затѣмъ и священника, чѣмъ усиливалось благородное соревнованіе между ними. 4) Матеріальное положеніе учителей Братскихъ школъ за время Вашего управленія паствою Казанскою значительно улучшилось, и 5) Братскія школы получили лучшую организацію наблюдателей чрезъ назначеніе на эту должность, соотвѣтственно племенному составу школъ, природныхъ инородцевъ—священниковъ наиболѣе опытныхъ въ школьномъ дѣлѣ. Не ограничиваясь этимъ, для наиболѣе успѣшнаго дѣйствованія среди взрослога населенія инородцевъ какъ крещенныхъ, такъ и не крещенныхъ, Вы вызвали къ бытію учрежденія особыхъ миссіонеровъ противомусульманскихъ и противоязыческихъ; а для

борьбы съ расколомъ и сектанствомъ всячески поддерживаете, усиливаете и воодушевляете миссіонеровъ противораскольническихъ и противосектантскихъ; и вотъ теперь, въ пастырской ревности о паствѣ, собрали тѣхъ и другихъ, чтобы совместно обсудить, какими путями идти въ дѣлѣ миссіи, чтобы достигнуть наиболѣе многоплодныхъ результатовъ.

Въ чувствѣ глубокаго уваженія предъ живою, энергичною, всеобъемлющею Архипастырскою дѣятельностью Вашего Высокопреосвященства по насажденію христіанской вѣры и христіанскаго просвѣщенія въ паствѣ Казанской, Совѣтъ Братства св. Гурія, трудящійся въ томъ же дѣланіи подъ Вашимъ Архипастырскимъ смотрѣніемъ и руководствомъ, усердно молитъ Господа Бога, да укрѣпляетъ Онъ Васъ въ Вашемъ неусыпномъ бодрственномъ служеніи церкви Божіей на многія и многія лѣта“.

Окончивъ чтеніе названныхъ адресовъ, Преосвященный Іоаннъ привѣтствовалъ Архіепископа Арсенія лично отъ себя, какъ его сотрудникъ въ дѣлѣ епархіальнаго управленія.

„Высказывая привѣтствіе Вашему Высокопреосвященству отъ лица Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и Совѣта Братства Св. Гурія, какъ предсѣдатель того и другого, я, говорилъ преосвященный Іоаннъ, съ тѣмъ вмѣстѣ прошу Васъ, Владыко, принять всеусерднѣйшее привѣтствіе отъ меня, какъ одного изъ Вашихъ помощниковъ-викаріевъ. Настоящимъ своимъ положеніемъ я обязанъ благосклонному вниманію Вашего Высокопреосвященства и потому въ сердцѣ своемъ ношу глубокое чувство благодарной признательности Вамъ. Это чувство по той мѣрѣ, какъ я здѣсь живу, во мнѣ усиливается и укрѣпляется отъ Вашего добраго, милостиваго, предупредительно-внимательнаго отношенія ко мнѣ и вызываетъ собою въ душѣ моей чувство искренней благопожелательности Вашему Высокопреосвященству, да поможетъ Вамъ Богъ среди поистинѣ великихъ (что я лично вижу) трудностей Архипастырскаго служенія Вашего. Но и среди трудностей есть отрада, когда видятся добрые плоды отъ трудовъ. Недавно по Вашему распоряженію я ѣздилъ по селамъ, обозрѣвая Церкви и школы управляемой Вами епархіи. Сколько тутъ свѣта и

христіанской радости я увидалъ! Правда, видѣлъ и темныя стороны, но онѣ закрываются какъ бы совсѣмъ свѣтлыми сторонами. Храмы Божіи почти всюду въ тѣхъ селахъ, которыя я посѣтилъ, благоустроенные и благоукрашенные, пастыри ревностные къ своему долгу. Куда ни пріѣдешь, вездѣ слышишь, за малыми исключеніями, церковное пѣніе или хоровое или общецерковное, болѣе или менѣе стройно-организованное, вездѣ встрѣчаютъ толпы дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ, учащихъ въ школахъ и наперерывъ другъ передъ другомъ спѣвающихъ высказать свои познанія по Закову Божію. Посѣщалъ я и школы: и церковно-приходскія и Братства св. Гурія,—и тамъ дѣло идетъ утѣшительно, благоуспѣшно. Вы сейчасъ высказали, что за послѣднее время, недуги стали посѣщать Васъ. Мое душевное пожеланіе: будьте Вы, Владыка, крѣпки тѣломъ и бодры духомъ и Свѣтъ Вашъ какъ Свѣтильника Церкви Божіей да горитъ въ должайшее время немерцающимъ свѣтомъ, возжигая и воспламеняя собою стоящіе въ своихъ паствахъ свѣтильники—пастырей церкви, учителей и учительницъ подростяющихъ молодыхъ поколѣній, миссіонеровъ и реввителей вѣры и благочестія. Въ видимый же знакъ моихъ молитвенныхъ благожеланій прошу принять отъ меня икону св. мучениковъ Кизическихъ, Небесному Покровительству которыхъ ввѣрена та обитель, гдѣ я имѣю пребываніе какъ второй викарій Казанской епархіи“.

Выслушавъ содержаніе адресовъ отъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и Совѣта Братства св. Гурія, а также и личное привѣтствіе Преосвященнаго Іоанна, Высокопреосвященный Юбилляръ обратился къ своимъ Викаріямъ съ такими словами:

„Вы, Ваши Преосвященства, не только мои помощники по долгу своей службы, Вы—мои самые близкіе совѣтники и друзья, съ которыми я дѣлю свои труды, свои духовныя радости и горе..... За привѣтъ отъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и Совѣта Братства Св. Гурія благодарю. Просвѣщеніе иновѣрцевъ и инородцевъ свѣтомъ божественнаго ученія по руководству св. Православной церкви было всегда роднымъ для меня дѣломъ. Одному Господу Богу извѣстно, сколько я выстрадалъ душою, какъ болѣло мое сердце, когда я видѣлъ,

что многія необходимыя начинанія въ указанномъ направленіи не могутъ получить скорого осуществленія за недостаткомъ къ тому средствъ!..... Да, не легко мнѣ тогда бывало. Но я не падалъ духомъ, я надѣялся, что Богъ поможетъ мнѣ въ Его святомъ дѣлѣ. И Богъ, дѣйствительно, помогалъ мнѣ. По моимъ хлопотамъ, Высочайшею Волею ассигнована на нужды Казанскаго церковнаго и школьнаго дѣла не одна сотня тысячъ рублей. Слава Богу, хвала—нашимъ высокимъ покровителямъ св. вѣры православной“.

По окончаніи рѣчи Высокопреосвященнаго, его привѣтствовалъ представитель Казанской духовной консисторіи, ея секретарь А. И. Орловъ. Адресъ отъ духовной консисторіи составленъ былъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Архипастырѣ и Отецъ!

Позвольте мнѣ отъ лица подвѣдомственной Вамъ Консисторіи, постоянной Вашей сотрудницы въ дѣлѣ епархіальнаго управленія, принести искреннее сердечное поздравленіе съ знаменательнымъ днемъ 35-лѣтія Вашего служенія въ священномъ санѣ.

Сегодняшній день—высокознаменательный праздникъ не только для насъ, окружающихъ Васъ, своего дорогого Архипастыря, но и для всѣхъ ревнителей православія, и вѣрныхъ сыновъ церкви Христовой. Въ Вашемъ лицѣ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, мы чествуемъ одного изъ выдающихся дѣятелей на нивѣ Божіей, ревностнѣйшаго Архипастыря, вся жизнь и дѣятельность котораго была одушевлена апостольскою ревностью о славу церкви Христовой и о распространеніи свѣта православной истины. Мы далеки отъ мысли, хотя приблизительно, изобразить въ своемъ краткомъ словѣ всю тяжесть понесенныхъ Вами благоплодныхъ трудовъ, все величіе Вашихъ подвиговъ во славу церкви Христовой; трудно и даже невозможно исчислить въ настоящую минуту все сдѣланное Вами въ долгій періодъ 35-лѣтняго Вашего пастырскаго служенія. Всесторонняя оцѣнка этой дѣятельности—задача послѣдующей

исторіи, которая отведеть Вамъ видное мѣсто среди выдающихся архипастырей Русской церкви.

Какъ ревностный стражъ православія, Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, волею Промысла Божія призваны были въ началѣ своего самостоятельнаго Архипастырскаго служенія на одну изъ иновѣрныхъ окраинъ нашего отечества, туда, гдѣ малое, угнетенное православное стадо давно съ петербургскимъ ожидало энергичнаго мужественнаго архипастыря, твердо державшаго жезлъ правленія; и тамъ, среди разноплеменнаго населенія, подъ вѣпоромъ воинствующаго протестантизма, Вы какъ неусыпный и мудрый ревнитель церковныхъ интересовъ и опытный администраторъ твердо держали кормило правленія, бодро стояли на стражѣ стада Христова. Время Вашего управленія Рижскою епархіей является повстинѣ выдающеюся эпохою въ ея жизни. Угнетаемому тамъ православію Вы возвратили подобающую славу и величіе; Вы собрали во едино разсѣянное православное стадо и приумножили его. Дотолѣ робкая и слабая православная паства окрѣпла и воспрянула духомъ. Тамъ, гдѣ богослуженіе прежде совершалось въ жалкихъ лачугахъ, Вашими трудами воздвигнуты и благоукрашены, достойные имени православія, храмы. Духовенство возвышено и ограждено въ своей дѣятельности отъ всякихъ незаконныхъ посягательствъ. Во всѣ стороны епархіальной жизни внесено оживленіе.

Въ настоящее время Вы, Ваше Высокопреосвященство Господу споспѣшествующу, являетесь руководителемъ религіозной жизни на другой, противоположной, но также разноплеменной, окраинѣ, гдѣ значительная часть населенія еще блуждаетъ во тьмѣ язычества; и здѣсь Вы проявляете ту же неусыпную ревность о славіи церкви Христовой; также неутомимо право правите слово истины; высоко держите знамя православія и дѣйствуете, какъ избранный Апостольскій мужъ, Самимъ Господомъ посланный для укрѣпленія слабыхъ, для поддержанія падающихъ, для охраненія отъ расхищенія стада Христова; и здѣсь главною Вашею заботою является возможно широкое распространеніе свѣта евангельскаго, возможно полное удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ и запросовъ пасо-

мыхъ и обращеніе на путь истины блуждающихъ во тьмѣ религіознаго невѣдѣнія. Во множествѣ воздвигаемые Вашими заботами храмы, въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ уголкахъ Казанской епархіи, служатъ постоянными свидѣтелями Вашей святой ревности о славѣ имени Христова. Ни въ одинъ періодъ предыдущаго существованія Казанской епархіи мы не видимъ такого обильнаго, въ такой короткій срокъ, построенія храмовъ, какъ въ правленіе Вашего Высокопреосвященства. За пятилѣтній періодъ Вашими заботами отъ частныхъ благотворителей, изъ Государственнаго Казначейства привлечено на церковное строительство въ Казанской епархіи болѣе 400 тысячъ рублей. Въ такой, сравнительно короткій, срокъ, Вашими заботами воздвигнуто болѣе ста храмовъ и молитвенныхъ домовъ... Вспыхнуло болѣе ста новыхъ свѣтильниковъ для людей, сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной. Цѣлыя тысячи инородцевъ получили возможность слѣшать на своемъ родномъ языкѣ глубоконазидательное православное богослуженіе!.. Изъ тысячи устъ и сердець возносятся къ Господу Богу молитвы о здравіи и благоденствіи своего дорогого Владыки и просвѣтителя.

Въ настоящую торжественную минуту мы не можемъ не высказать своихъ чувствъ, и какъ Ваши подчиненные. Въ Васъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, мы видимъ начальника, твердо держащаго бразды правленія, право правяща, взирающаго на лица.

Предъявляя требованія къ священно и церковно-служителямъ въ прохожденіи ими служебныхъ обязанностей, Вы въ отноженіи къ виновнымъ въ нарушеніи служебнаго долга являетесь вмѣстѣ съ властной строгостью и любвеобильную снисходительность: въ Вашихъ резолюціяхъ на судебныхъ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ всегда гармонически сочетаются милость и истина, правда и миръ. Своєю энергіею и опытомъ, личнымъ примѣромъ своей кипучей дѣятельности, Вы вносите оживленіе во всѣ стороны епархіальнаго управленія. Лично во все вникая, во всѣхъ дѣлахъ и начинаніяхъ стоя впереди, сами за всѣмъ наблюдая, Вы, Ваше Высокопреосвященство, въ то же время облакаете широкимъ довѣріемъ и подчиненныхъ Вамъ соработниковъ, охотно при-

чимаете ихъ соображенія, клонящіяся къ пользѣ дѣла. Обладая свѣтлымъ умомъ и широкимъ опытомъ, при своей простотѣ, откровенности и доступности въ обращеніи, Вы являетесь для насъ, Вашихъ подчиненныхъ, надежнымъ, назамѣннымъ руководителемъ, всегда по первой просьбѣ готовымъ разъяснить всякое недоумѣніе, исправить опущеніе, поддержать и ободрить въ трудахъ и занятіяхъ.

Близки Вашему любвеобильному сердцу, Милостивый Архипастырь, и ваши личные печали, нужды и невзгоды. Въ тяжелую минуту жизни каждый изъ насъ смѣло придетъ къ своему Архипастырю, какъ любвеобильному отцу, и не уйдетъ отъ него безъ ободренія, поддержки и утѣшенія. Для Казанской паствы, Ваше Высокпреосвященство, всегда будетъ памятенъ тотъ голодный годъ, когда Вы своими отеческими заботами осушили не одну сирую слезу, накормили не одного голоднаго, спасли не одну жизнь! Одушевляемые благоговѣніемъ къ Вамъ, какъ къ своему Архипастырю,—искреннею любовью и преданностью, какъ къ любвеобильному отцу, мы всеусерднѣйше молимъ Господа, да пошлетъ Онъ, Влблагій, Вамъ крѣпость и силу въ Вашемъ многотрудномъ архипастырскомъ подвигѣ! да сохранитъ Вашу дорогую жизнь на многія, многія лѣта во славу православія и на многую пользу пастырей и паствы!..“

На привѣтствіе отъ Консисторіи Высокпреосвященный Архіепископъ Арсеній отвѣтилъ:

„Радуюсь выраженнымъ чувствамъ Консисторіи, глубоко благодаренъ ей за привѣтствіе. А Вамъ, уважаемый Александръ Ивановичъ, благодаренъ за то, что Вы своей энергичной и умѣлой дѣятельностью на предназначенномъ Вамъ посту оправдали всѣ мои ожиданія. Не скрою отъ Васъ, что когда я провожалъ прежняго Секретаря Консисторіи ¹⁾, я опасался—приведетъ-ли мнѣ Богъ видѣть на этомъ отвѣтственномъ мѣстѣ другого такого-же опытнаго человѣка. На мой запросъ мнѣ сообщали, что прежній Секретарь, Вашъ предшественникъ, какъ получившій очень хорошую подготовку въ Казанской ду-

¹⁾ И. О. Самойловича, назначеннаго секретаремъ Харьковской Духовной Консисторіи.

ховной консисторіи, будетъ полезенъ въ другомъ мѣстѣ; и утѣшили, что преемникомъ ему посылается человекъ, зарекомендовавшій себя въ отношеніи предстоящей ему дѣятельности съ лучшей стороны. Вижу, Александръ Ивановичъ, что всѣ мои былыя опасенія оказались напрасными. Дай Богъ Вамъ здоровья и силъ нести Ваше трудное служеніе!“

Затѣмъ слѣдовало чтеніе привѣтствія отъ причта Казанскаго кафедральнаго собора, приписной къ нему Куртинской церкви и ктитора собора. Адресъ былъ прочитанъ кафедральнымъ протоіереемъ А. П. Яблоковымъ.—Въ этомъ адресѣ отмѣчалось прежде всего значеніе кафедральнаго собора въ ряду другихъ храмовъ епархіи, а затѣмъ перечислялись заботы Высокопреосвященнаго Арсенія о томъ, чтобы соборъ имѣлъ дѣйствительно соотвѣтствующее своему положенію значеніе въ епархіи.

„Въ сознаніи важнаго и великаго значенія Кафедральнаго собора Вы, Ваше Высокопреосвященство, говорилось въ адресѣ, имѣете особое, неусыпное попеченіе о немъ. Вы съ первыхъ дней своего пребыванія на Казанской кафедрѣ старались дать ему внѣшнюю красоту и благолѣпіе, а также порядокъ и строй внутренней его дѣятельности, чтобы онъ имѣлъ дѣйствительно соотвѣтствующее своему положенію значеніе въ епархіи.

Совершеніе богослуженія въ воскресные и праздничные дни въ Кафедральномъ соборѣ было Вашею внутреннею потребностію; Вы скорбѣли и беспокоились, когда по какимъ-либо обстоятельствамъ нельзя было Вамъ выполнить эту потребность. И въ этихъ случаяхъ Вы никогда собора не оставляли безъ Архіерейскаго служенія, поручая совершить его кому-либо изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ-викаріевъ. Богослуженіе Вами совершалось всегда съ особенною торжественностію, истово, благоговѣнно, безъ торопливости. Вы всегда сами предъусматривали и опредѣляли заранѣе всѣ подробности состава того или другого богослуженія и порядокъ въ отправленіи его. Ваше благоговѣнное, сосредоточенное, внимательное спокойствіе и умиленіе при высокоторжественномъ и истовомъ отправленіи богослуженія производили всегда сильное впечатлѣніе на молящихся, невольно отрѣшая души ихъ отъ землю

и наполняя сердца священными чувствами. Намъ особенно памятны Ваши службы въ высокаторжественные праздники и дни святыхъ и спасительныхъ страстей Господнихъ. Такого же образцоваго совершенія богослуженія Вы требовали всегда и отъ насъ.

Съ богослуженіемъ Вы соединяли и свое Архипастырское слово назиданія къ молящимся. Эти слова поучительныя, трогательно-назидательныя всегда отвѣчали современнымъ религиозно-нравственнымъ нуждамъ и запросамъ пасомыхъ. Ни одно событіе радостное или печальное въ жизни церковной или общественной, по поводу котораго совершалось Вами въ соборѣ то или другое богослуженіе, не оставалось обойденнымъ въ Вашемъ тепломъ Архипастырскомъ словѣ.

Подъ кровомъ Каѳедральнаго собора покоится дорогая Казанцевъ святыня—святая и многоцѣлебныя мощи Первосвяителя Казанскаго и Чудотворца Гурія, къ которымъ притекають поклонники изъ разныхъ концовъ нашей разноплеменной епархіи. Пламенно и благоговѣйно ревнуя о достойномъ почитаніи угодника Божія св. Гурія и его блаженно почивающихъ въ соборѣ св. останковъ, Вы установили еженедѣльное чтеніе въ соборѣ акаѳиста этому всесильному покровителю нашего града и всей Казанской страны при торжественномъ Архіерейскомъ служеніи въ вечернее время. Эти сердечныя умилительныя чтенія, совершаемыя Вами почти не опустительно, всегда привлекали и привлекають многолюдныя собранія молящихся. А во дни блаженной памяти св. Гурія,—кончины его, обрѣтенія мощей и перенесенія ихъ въ соборъ,—по Вашему Архипастырскому распоряженію, совершаются во всѣхъ церквахъ епархіи торжественныя службы. Особенно торжественное богослуженіе установлено Вами въ эти дни въ Каѳедральномъ соборѣ. Въ день обрѣтенія многоцѣлебныхъ мощей св. Гурія Вы установили навсегда совершать предъ литургіей торжественный крестный ходъ въ Каѳедральный соборъ изъ Казанскаго дѣвичьяго монастыря съ дорогою святынею его—чудотворною Казанскою иконою Божіей Матери и непрѣменно при участіи архіерея-викарія.

Предметомъ Вашей Архипастырской неусыпной заботливости

было и внѣшнее благоустройство, внѣшнее благолѣпіе собора. Вы еще въ первый годъ пребыванія въ Казани обратили свое благосклонное вниманіе на бѣдную соборную ризницу и на несовсѣмъ приглядный внѣшній видъ стѣнъ собора; и несмотря на скудость средствъ соборной кассы, Вы въ тотъ же годъ устранили этотъ недостатокъ во внѣшнемъ благолѣпіи собора. Не станемъ перечислять всего, что Вами сдѣлано для благоустройства собора: укажемъ лишь на то, что Вы во всѣхъ этихъ дѣлахъ были и начинателемъ и руководителемъ; Вами же были изысканы и потребныя средства на это до 10000 р.

Въ своихъ благоплодныхъ заботахъ о соборѣ Вы не забывали и причтъ соборный, недостаточно обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи. Архипастырскими милостями Вашего Высокопреосвященства причтъ собора не разъ пользовался. Благодаря Вашему Архипастырскому милостивому мощному содѣйствію, причтъ имѣлъ счастье два раза получить денежное пособіе отъ Святѣйшаго Синода. И въ нынѣшнемъ году Вы милостиво удостоили насъ своего ходатайства предъ Св. Синодомъ о томъ же пособіи. Съ чувствомъ глубокой благодарности мы вспоминаемъ и о томъ, что Вашими Архипастырскими заботами и содѣйствіемъ капитально отремонтированъ въ истекшемъ году принадлежащій собору ветхій домъ для помѣщенія соборнаго духовенства.

Таковы заботы Ваши и дѣла, совершенныя Вами для пользы собора и его причта. Они краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о Васъ, какъ истинномъ и неутомимомъ радѣтелѣ о благѣ Каѳедральнаго собора. Ваше Высокопреосвященство! Въ Вашемъ умѣ уже назрѣла мысль совершить и болѣе великое, болѣе грандіозное дѣло для благолѣпія собора,—этого древняго святилища, изъ котораго евангельское ученіе, нѣкогда проповѣдываемое Первосвятителемъ Казанскимъ Гуріемъ, исходило во всѣ концы, прежде темнаго, разноплеменнаго и разновѣрнаго Казанскаго царства. Осуществленіе этого великаго св. дѣла составляетъ въ настоящее время предметъ особенныхъ и тяжелыхъ Вашихъ заботъ. Да поможетъ Вамъ Господь совершить и это св. дѣло во славу имени Господня и на память о Вашей неусынной и ревностной дѣятельности для блага собора.

Усерднѣйше просимъ Ваше Высокопреосвященство, благово-лите принять отъ насъ, какъ выраженіе и всегдашнее свидѣ-тельство искреннихъ сыновнихъ чувствъ благодарности, пре-данности и молитвенныхъ нашихъ благопожеланій Вамъ, этотъ образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, предъ которымъ Вы возносите свои святительскія молитвы о всемъ мірѣ и особенно о Казанской паствѣ, предстоя у престола Божія въ соборномъ храмѣ Вашей Архипастырской кафедрѣ. Твердо мы уповаемъ, что Вы, осѣвяемый всеильнымъ покровомъ этой усердной Заступницы рода христіанскаго и по молитвамъ Первосвятителя Казанскаго Гурія, еще долго будете свѣтить на свѣщницѣ Церкви Божіей“.

По окончаніи чтенія адреса староста кафедральнаго собора Б. А. Григорьевъ поднесъ Высокопреосвященному Архіепископу Арсенію полное архіерейское облаченіе изъ бѣлой парчи.

Поблагодаривъ за привѣтствіе и дары, Высокопреосвящен-ный, между прочимъ, замѣтилъ:

„И въ настоящее время, я прилагаю всѣ мои старанія къ изысканію средствъ для необходимаго ремонта собора, требую-щаго внутри обновленія живописи и позолоты, а снаружи—окраски стѣнъ и крыши и перестройки колокольни. Въ надждѣ на Вашу помощь въ моихъ трудахъ по изысканію средствъ на ремонтъ собора и въ увѣренности на сочувствіе всѣхъ лю-бящихъ благолѣпіе Дома Божія, я обращаюсь къ Вамъ и къ духовенству всей епархіи принести посильную жертву на это св. дѣло“.

Послѣ этого было принесено поздравленіе Владыкѣ отъ мо-настырей Казанской епархіи.—Настоятель Свіяжскаго мона-стыря прочиталъ слѣдующій адресъ:

„Ваше Высокопреосвященство,

Милостивѣйшій Архипастыръ и любвеобильнѣйшій Отецъ!

Мы, настоятели мужскихъ монастырей вѣрвонной Вашему Высокопреосвященству епархіи: Свіяжскаго Успенскаго, Че-боксарскаго Троицкаго, Макарьевской и Муромосицкой Пу-стынь и настоятельницы женскихъ монастырей: Свіяжскаго Іоанно-Предтеченскаго и Царевokokшайскаго Богородице Сер-

гiевскаго, смиреннѣйше привѣтствуемъ Ваше Высокопреосвященство съ исполненнымъ 35-лѣтiемъ службы Вашей въ священномъ санѣ. Мы счастливы, что Господь Богъ сподобилъ насъ быть участниками Вашей радости—въ такой дорогой и приснопамятный день Вашей жизни. Мы радуемся отъ всей души, отъ всего сердца тому, что состоимъ подъ управленiемъ такого мудраго, многоопытнаго и любвеобильнаго Архипастыря и Отца. Да и какъ намъ не радоваться? Ваши Архипастырскiе труды по монастырямъ ввѣренной Вамъ епархiи—въ высшей степени благотворны. Вы всегда для насъ служите образцомъ благоговѣйнаго служенiя Господу Богу и образцомъ въ нашей жизни и дѣятельности. Монашествующiе, послѣ присутствiя при Вашемъ Богослуженiи, всегда возвращались въ кельи свои съ чувствомъ особеннаго молитвеннаго настроенiя.

Вы постоянно и неусыпно печетесь о внутреннемъ преуспѣянiи монашествующихъ, и вотъ, благодаря Вашему попеченiю и внушенiю, монашествующiе дѣйствительно стараются о нравственномъ самоусовершенствованiи, видя Вашу отеческую любовь къ себѣ.

Заботясь о внутреннемъ благоустройствѣ монашествующихъ, Вы, Владыко Святый, весьма много положили трудовъ и повнѣшнему благоустройству монастырей: Вы прилагали очень много попеченiя о внѣшнемъ ихъ благолѣпiи. За время Вашего управленiя епархiею, сколько храмовъ Божiихъ благоукрасилось въ монастыряхъ! Сколько построено вновь корпусовъ и сколько исправлено старыхъ! Сколько исхлопотано разныхъ угодiй для монастырей, отчего монастыри и въ матеріальномъ отношенiи улучшились!

За всѣ вышеозначенныя, и далеко нами здѣсь неперечисленныя, труды Ваши и отеческую заботливость о нашемъ недостоинствѣ, осмѣливаемся принести Вашему Высокопреосвященству сердечную и глубокую благодарность, а въ доказательство нашей сыновней любви къ Вамъ всенижайше просимъ Ваше Высокопреосвященство принять отъ насъ икону Трiипостаснаго Божества.

Мы всегда будемъ молить Трiедиаго Бога, да продлитъ Онъ Вашу жизнь на многiя и многiя лѣта—на радость изъ

утѣшеніе не только монашествующихъ, но и всей Вашей паствы“.

Кромѣ иконы св. Троицы, отъ монастырей были поднесены Его Высокопреосвященству иконы: свв. Девяти Кизическихъ мучениковъ (отъ настоятеля Кизического монастыря), Божіей Матери (отъ Казанскаго, Оедоровскаго, Козмодемьянскаго, Лайшевскаго и Александринскаго женскихъ монастырей) и—панагія отъ настоятелей Казанскихъ монастырей. Облобызавъ свв. иконы и панагію, Архіепископъ обратился къ настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей съ краткою рѣчью, въ которой выразилъ пожеланіе, чтобы монашествующіе всегда заботились не только о благоустроеніи своихъ обителей, но и о поддержаніи духовной крѣпости и красоты своихъ внутреннихъ храмовъ, какъ жилищъ Всесовершеннаго Духа, и—о томъ, чтобы монастыри служили распространителями христіанскаго просвѣщенія и свѣточами для всей Казанской инородческой страны.

Послѣ представителей монастырей Казанской епархіи, Высокопреосвященнаго Юбиляра привѣтствовало бѣлое духовенство. Отъ лица послѣдняго о. благочиннымъ Казанской церкви священникомъ П. Руфимскимъ прочитанъ былъ слѣдующій адресъ:

*„Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященный ній Владыко!*

Христіанская семья, союзъ членовъ которой благословленъ и освященъ Самимъ Богомъ, для многихъ „обществъ“, организованныхъ самимъ уже человѣкомъ, служить вѣчнымъ идеаломъ, къ которому стремятся члены этого общества. И чѣмъ поляѣ общества человѣческія воплощаютъ въ жизни и дѣятельности своей начала жизни семейной, тѣмъ яснѣе сознается жизнь этого общества, тѣмъ ближе оно становится къ выполненію поставленныхъ задачъ.

Но я думаю, что никто не осудитъ меня, если я въ настоящія минуты уподоблю строю жизни семейной жизнь такого общества, которое хотя и есть „общество людей“, но общество также Богомъ установленное, какъ и христіанская семья. Это „общество людей“, именуемое церковью помѣстной,

Казанской, нисколько не будетъ умалено отъ того, что во взаимныя отношенія членовъ его будутъ внесены отношенія семейныя.

Въ самомъ дѣлѣ, что обычно происходитъ въ то время, когда глава семьи доживаетъ до одного изъ знаменательныхъ дней въ своей жизни? Къ нему собираются и сродники, и знаеміи, и други, и пріятели. Всѣ они, наперевывъ другъ предъ другомъ, стараются высказать свои чувства предъ виновникомъ торжества.—Не тоже ли самое, Владыка, Ты видишь и здѣсь: въ Твой знаменательный день собрались около Тебя всѣ Твои близкіе; всѣ они, другъ за другомъ, старались высказать свои мысли, свои думы, навѣянные имъ настоящимъ днемъ.

Глава семьи, созерцаая около себя почитателей своихъ, радуется при видѣ ихъ радости.—Возрадуйся и Ты, глава церковной семьи, види насъ церковно веселящимися въ Твой знаменательный день.

Въ семейномъ торжествѣ сначала высказываютъ свои чувства предъ главой семьи гости почетные, люди общественнаго служенія, высокаго положенія и званія; они берутъ на себя смѣлость судить, оцѣнивать труды главы семьи, и по заслугамъ воздаютъ должное ему.—Тожь самое происходитъ и нынѣ: доселѣ Тебя привѣтствовали, перечисляли Твои добрыя дѣла, какъ бы оцѣнивали ихъ, люди почетные, люди и сами высшаго положенія и званія.

На семейномъ торжествѣ дѣти главы семьи, видя все совершающееся, не рѣшаются цѣнить труды своего отца, они только радуются за своего родителя, съ любовью взираютъ на его прошлое, съ надеждой смотрятъ на будущее.—И въ настоящемъ торжествѣ Твои дѣти, духобевство Казанской епархіи, по чувству сыновнему, не берутъ на себя смѣлость судить о Твоей дѣятельности, а съ благодарностью за прошлое, съ вѣрою въ будущее Твоего земного бытія, *любовію связуемъ, объемяютъ Тебя любовію своею.*

Наконецъ, какъ дѣти являютъ свою любовь родителю видимымъ знакомъ, какимъ-либо даромъ, въ которомъ родитель и не нуждается, но съ любовію принимаетъ его, такъ и мы,

духовенство Казанской епархіи, въ лицѣ его представителей, выражаемъ любовь свою не словомъ только, но дѣломъ истинною: прими сей скромный даръ любви, прими съ любовью, возложи его на персяхъ своихъ и съ любовью вмѣщай въ сердцѣ своемъ принесшихъ его“.

Отъ бѣлаго духовенства Высокопреосвященному подвешена была золотая, украшенная драгоценными камнями, павагія. Принявъ даръ, Архипастыръ обратился къ духовенству со слѣдующими словами:

„Вижу, что вы не сердитесь на меня за то, что я иногда бывалъ съ вами и строгъ. Вѣдь строгость и жестокость не одно и то-же. Жестокость является выходомъ мучительскихъ инстинктовъ жестокаго, разумная же отеческая строгость направлена на искорененіе нравственныхъ недостатковъ любимыхъ существъ и, свидѣтельствуя о любви проявляющаго ее, имѣетъ въ виду только благо тѣхъ, на кого проявляется...“

Помню, въ бытность мою Ректоромъ Семинаріи и Академіи, мои ученики и студенты несравненно болѣе любили мои устные резолюціи, хотя и съ нескрываемой строгостью высказанныя, чѣмъ спокойныя резолюціи въ родѣ: „Въ правленіе на разсмотрѣніе“... „Правленіе разсмотреть“... и пр. Бѣжитъ, бывало, послѣ моего выговора, ученикъ. „Ну, что?“ спрашиваетъ его товарищъ. „Ничего, теперь все хорошо, славу Богу!“... Не такъ себя чувствовали провинившіеся, заслужившіе по своему дѣлу писанную резолюцію. На вопросъ заинтересованныхъ товарищей отвѣчали повуря голову: „Плохо, братъ, слѣдствіе“!...

Нужно только звать, гдѣ и какую мѣру взыскація нужно употребить. Иногда требуется длинное бумажное разслѣдованіе, а иногда вполне достаточно ограничиться строгимъ отеческимъ внушеніемъ. Чтобы не уязвляться послѣднимъ, нужно помнить только, что оно вызывается сознаніемъ дѣйствительныхъ недостатковъ и вмѣстѣ любовью къ тому святому дѣлу, которому мы служимъ“.

По окончаніи рѣчи Архіепископа, его привѣтствовала Н. О. Юшкова, прочитавшій слѣдующій адресъ отъ Общества защиты женщинъ: „Сегодня, въ знаменательный день исполняющагося тридцатипятилѣтія служенія Вашего Русской Церкви,

позвольте привести Вамъ, Всемилостивѣйшій Владыко, отъ глубоко чтущаго Васъ Общества защиты женщинъ, искреннѣйшее поздравленіе и сердечное пожеланіе еще многіе годы служить свѣтильникомъ Русской Церкви, вообще, паствы Казанской, въ частности, и нашего скромнаго Общества, въ особенности. Ваше милостивое вниманіе къ нашему юному Обществу, не разъ Вами проявляемое, даетъ смѣлость испрашивать Вашихъ святительскихъ молитвъ для Общества“.

Отвѣчая на это привѣтствіе, Архіепископъ, между прочимъ, замѣтилъ, что онъ и на будущее время будетъ содѣйствовать процвѣтанію этого Общества и—что онъ всегда былъ сторонникомъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія не только мужчинъ, но и женщинъ.

Затѣмъ Владыкѣ былъ поднесенъ его портретъ отъ Иконописной школы при духовной семинаріи. При этомъ о. ректоръ семинаріи прот. А. Зеленецкій произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

„Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Отъ лица учащихся иконописному искусству въ нашей духовной семинаріи позвольте поднести Вамъ Вашъ портретъ, написанный однимъ изъ руководителей этого дѣла (Н. А. Протопоповымъ). Съ Вашего яменно благословенія въ нашей семинаріи открыты иконописные классы и положено такимъ образомъ начало развитія въ воспитанникахъ духовной школы религіозно-художественнаго вкуса. Нѣтъ нужды, конечно, говорить какъ важно для будущихъ пастырей церкви развитіе въ нихъ этого религіозно-художественнаго вкуса, слѣдуетъ только въ данномъ случаѣ сказать, что тѣ, которые благодаря Вашему вниманію получили возможность къ этому развитію, приносятъ вмѣстѣ со своими руководителями Вамъ глубокую благодарность, въ звакъ которой и просятъ Васъ принять сіе скромное приношеніе“.

Благодаря за привѣтъ и даръ, Высокопреосвященный выразилъ пожеланіе, чтобы воспитанники Казанской семинаріи и впредь съ усердіемъ занимались иконописному искусству въ интересахъ развитія религіозно-художественнаго вкуса.

Послѣ этого Его Высокопреосвященству принесено было поздравленіе отъ Архіерейскаго Дома. Въ адресѣ, прочитанномъ личнымъ секретаремъ Архіепископа А. Е. Царгородцевымъ, отмѣчались прежде всего заботы Владыки по благоуукрашенію храма при Архіерейскомъ Домѣ, а затѣмъ—его архипастырскіе труды по внутреннему и внѣшнему благоустройству этого дома.

„Своимъ настоящимъ положеніемъ—внутреннимъ и внѣшнимъ.—Архіерейскій домъ, говорилось въ этомъ адресѣ, обязанъ всецѣло Вамъ. Ревностный охранитель церковнаго и монастырскаго достоянія, при непрестанныхъ заботахъ о построеніи приходскихъ храмовъ и основаніи монастырей въ епархіи, о благоуукрашеніи ихъ, о благоустроеніи духовно-учебныхъ заведеній и проч. Вы, какъ добрый хозяинъ, всѣ годы управленія Казанскою паствою прилагаете неослабно сердечное попеченіе и о благолѣпії всѣхъ четырехъ храмовъ въ городскомъ и загородномъ архіерейскихъ домахъ, о благоприличной внѣшности и внутренней обстановкѣ самыхъ домовъ, и успѣли сдѣлать почти все возможное для архіерейскаго дома, значительно пріумноживъ въ то же время и матеріальное благосостояніе его.

По опыту, Владыко, знаемъ мы, что Вы, съ неутомимой энергіей работая въ области епархіальнаго управленія, во всемъ, чтобы не предпринимали по мѣстнымъ условіямъ жизни церковной, духовно-учебной и пастырской, преуспѣвали добрыми послѣдствіями и результатами. И мы вполне убѣждены, что архіерейскій домъ, имѣя въ лицѣ Вашемъ исполненнаго житейскимъ опытомъ хозяина, при помощи Божіей, достигнетъ во всемъжелаемаго Вами благоустройства.

Въ заключеніе, присоединяясь къ молитвенно выраженнымъ всѣми здѣсь присутствующими благожеланіямъ Вамъ, общаемъ молиться Господу, да сохранитъ Онъ Господина нашего Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, во здравіи и долгоденствіи, право правяща слово Святой истины, сильнаго и бодрого духомъ на многая лѣта“.

Принявъ адресъ, Высокопреосвященный изволилъ благода-

рить г. Царегородцева, какъ представителя Архіерейскаго Домууправленія.

Затѣмъ принесли поздравленіе Владыкѣ миссіонеры Казанской епархіи. Адресъ отъ нихъ (прочелъ о. Миропольскій) составленъ былъ въ такихъ выраженіяхъ:

*Ваше Высокопреосвященство,
Милостивѣйшій нашъ Архипастырѣ
и любвеобильнѣйшій Отецъ!*

Позвольте и мнѣ, миссіонеру, отъ лица всѣхъ миссіонеровъ привѣтствовать Васъ и выразить предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ наши чувства и благопожеланія по случаю знаменательнаго для Вашего юбилейнаго торжества исполненія 35-ти лѣтія многоплоднѣйшаго священнослуженія Вашего Церкви Христовой. Вся Казанская Епархія счастлива тѣмъ, что на ея долю выпалъ жребій и честь молитвенно сорадоваться Вамъ, благоствѣйшій Архипастырѣ нашъ, въ этотъ знаменательный день. Таковою же радостію въ особенности исполнены сердца миссіонеровъ, ибо Вы, со вступленіемъ на Казанскую кафедру, возстановили, обновили и усилили миссію какъ въ личномъ составѣ, такъ и въ ея духѣ. Миссіонерскій огонь святительскаго сердца Вашего переливается и въ сердца наши и возбуждаетъ насъ къ усиленной дѣятельности на полѣ миссіи, въ дѣлѣ просвѣщенія духовнаго мрака, окружающаго инородцевъ и сектантовъ Казанскаго края. Да продлитъ Господь драгоцѣнную жизнь Вашу при вождѣлѣнномъ здравіи на многія, многія лѣта на пользу церкви Христовой и для успѣховъ нашего миссіонерскаго дѣла. Мы не можемъ привести Вашему Высокопреосвященству въ сегодняшній день драгоцѣннаго вещественнаго дара, но мы съ радостію и любовію отдали свои тѣлесныя и душевныя силы на служеніе миссіи подъ Вашимъ мудрымъ Архипастырскимъ управленіемъ и руководствомъ“.

Выслушавъ это привѣтствіе, Высокопреосвященный поблагодарилъ миссіонеровъ за поздравленіе и обратился къ присутствовавшимъ съ краткою рѣчью. Въ этой рѣчи Владыка указалъ на то, что миссіонерство, какъ на Рижской святитель-

ской каедрѣ, какъ и здѣсь—въ Казани—всегда составляло одну изъ главныхъ задачъ его архипастырскаго служенія. „Я всегда, говорилъ Высокопреосвященный, заботился о христіанскомъ просвѣщеніи и духовномъ объединеніи инокцевъ и иноувѣрцевъ съ русскими“. Свою рѣчь Владыка закончилъ пожеланіемъ, чтобы миссіонеры и на будущее время неустанно содѣйствовали ему въ дѣлѣ проповѣдыванія незыблемыхъ истинъ православія.

Послѣ миссіонеровъ, Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія привѣтствовалъ благочинный 3-го благочин. округа Свіяжскаго уѣзда, священникъ Н. Матвѣевскій. Привѣтствіе сказано было слѣдующее:

„Ваше Высокопреосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Вмѣстѣ со всей паствою церкви Казанской духовенство вѣреннаго мнѣ округа свѣтло празднуетъ настоящій день: во всѣхъ церквахъ отслужены сегодня литургіи и благодарственные молебны, всѣ горячо молятся о драгоцѣнномъ здравіи Вашего Высокопреосвященства, всѣ безмѣрно счастливы, что Господь привелъ Вамъ дожить до настоящаго радостнаго дня.

Ознаменовало вѣренное мнѣ духовенство настоящій праздникъ и добрымъ дѣломъ на пользу ближняго: пяти бѣднѣйшимъ сиротамъ духовнаго званія оно выдало денежныя пособія въ размѣрѣ получаемаго ими полугодоваго пособія изъ Епархіальнаго Попечительства и одинъ изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ Теньковской второклассной школы изъ сиротъ того же званія въ теченіе трехъ лѣтъ будетъ содержаться на средства духовенства округа.

Слезы благодарности этихъ бѣдняковъ будутъ усерднѣйшими ходатаями предъ Богомъ о ниспосланіи Вашему Высокопреосвященству благоденствія.

А мнѣ поручило вѣренное духовенство почтительнѣйше выразить Вашему Высокопреосвященству чувства искреннѣйшей сыновней любви и преданности и безпредѣльнаго уваженія и благоговѣнія къ особѣ Вашей и просить принять отъ него

эту Св. Казанскую Икону Божіей Матери. Да ходатайствуетъ Царица Небесная о дарованіи крѣпости Вашимъ силамъ и продленіи Вашей жизни на многіе годы на пользу епархіи, на пользу дорогой родины и св. православной церкви“.

На это привѣтствіе Высокопреосвященный Юбилляръ отвѣтилъ изъявленіемъ своей глубокой благодарности.

Послѣ этого архіерейскимъ хоромъ были исполнены концертъ „Живой въ помощи Вышняго“ и затѣмъ многолѣтіе. Во время цѣнія концерта чествовавшіе Высокопреосвященнаго подходили подъ его архипастырское благословеніе. Въ виду позднего времени собраніе о.о. благочинныхъ и миссіонеровъ было отложено Архіепископомъ до слѣдующаго дня. Торжественное же чествованіе Владыки закончилось тѣмъ, что Архипастыръ предложилъ всѣмъ собравшимся чай и подѣлился краткими автобіографическими свѣдѣніями ¹⁾. Около девяти час. веч. присутствовавшіе, отблагодаривъ Владыку и прощъвъ ему многократное „ис полла эти, деспота“ и „Многая лѣта“, оставили архіерейскій домъ.

Такъ Казанская епархія, въ лицѣ своихъ представителей, выразила свою любовь къ Высокопреосвященному Архіепископу Арсенію по случаю исполнившихся 30-ти и 35-лѣтій его священнослуженія. По поводу послѣдняго торжества справедливо говоритъ хроникеръ „Извѣстій по Казанской епархіи“, что „день 4 февраля 1903 года былъ... днемъ выраженія предъ Владыкой общественнаго сознанія его многополезной дѣятельности на ниспосланномъ ему поприщѣ,—во благо св. Церкви и Отечеству“ ²⁾. Но это послѣднее торжественное собраніе представителей епархіи явилось и какъ бы прощаніемъ епархіи съ Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ.—Спустя нѣсколько дней послѣ этого, состоялось утвержденіе доклада св. Синода о перемѣщеніи Владыки на Харьковскую святительскую кафедру...

Леонидъ Багрецовъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ См. указан. брошюру, стр. 45—50. Журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 5, ч. III, стр. 155—160.

²⁾ Указан. брош., стр. 9.

ХРИСТОСЪ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

(Christus im modernen Geistesleben).

Е. ПФЕННИГСДОРФА. (Переводъ съ нѣмецкаго).

IV. Границы естествознанія.

(Продолженіе *).

Величественна и безмѣрна область естественной науки, велики успѣхи, какихъ она уже достигла. Мы заставили силы природы служить намъ, въ такой мѣрѣ, въ какой это совершенно не грезилось равнѣйшимъ поколѣніямъ. Кто можетъ сказать, какія удивительныя открытія еще ожидаютъ насъ впереди. Безспорно, естественная наука стоитъ въ началѣ, а не въ концѣ своего блестящаго развитія, и то, что она доселѣ произвела, даетъ право намъ на большія надежды. Однако и эти надежды имѣютъ свои границы. Благодаря великимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ нашего времени естествовѣдѣніе для многихъ является съ оттѣнкомъ чернокнижія, которое, наконецъ, сниметъ покрывало съ величайшихъ тайнъ міра и прольетъ подобный солнечному свѣтъ научнаго знанія на цѣлостное бытіе. Но это мнѣніе ошибочно. И для этой науки положены границы, непереступаемыя границы. Еще извѣстный естествоиспытатель Дюбуа Реймондъ рѣшительно указалъ на нихъ ¹⁾. Стоитъ только принять во вниманіе ограниченность внѣшнихъ чувствъ и разума человѣка, равно какъ не исчерпаемость міра, чтобы обнаружить эти границы.

1. *Ограниченность внѣшнихъ чувствъ.* Ареною естественной науки служитъ міръ явленій. Уже Кантъ ясно показалъ, что

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 7 за 1905 г.

¹⁾ См. его чтеніе „Die Grenzen des Naturerkennens“ и „Die sieben Welträtsel“

мы не знаемъ вещей, каковы онѣ сами въ себѣ, а только каковы онѣ для насъ, или каковыми онѣ являются нашимъ чувствамъ. Предметомъ ихъ познанія служить все, что мы можемъ видѣть, слышать, обонять, вкушать или осязать. Пять чувствъ (внѣшнихъ) служатъ такимъ образомъ орудіемъ къ изслѣдованію міра, природы и человѣка. И всякое содѣйствіе микроскопа и подзорной трубы, эксперимента и математики направляется лишь къ тому, чтобы расширить кругъ доступныхъ чувственному воспріятію явленій.

Уже отсюда ясно, что очень многихъ вещей и происшествій въ мірѣ мы не ощущаемъ, потому что наши органы чувствъ несмотря на вспомогательныя механическія средства, не достаточны для того, чтобы обнять ихъ. Ультрафіолетовыхъ цвѣтовъ, напр., мы не видимъ. Свѣтовые лучи кругомъ играютъ, даже чрезъ насъ проникаютъ, однако же мы ихъ не ощущаемъ. Вспомнимъ только о рентгеновскихъ лучахъ. Точно также мы слышимъ только одиннадцать октавъ, между тѣмъ физика учитъ васъ, что ихъ должны быть тысячи. Такъ мы видимъ, слышимъ, вкушаемъ и обоняемъ только частицу творенія, а для многихъ обнаруженій его мы слѣпы, глухи и вообще не воспріимчивы.

Также мы не знаемъ, нѣтъ-ли многихъ, даже безчисленныхъ чувствъ. Такъ существуютъ различныя формы и роды теплоты; но мы ощущаемъ только вообще теплоту, мы различаемъ между теплымъ и болѣе теплымъ; мы относимся такимъ образомъ къ теплотѣ подобно тому, какъ совершенно не различающій цвѣта слѣпой къ свѣту, если онъ видитъ міръ только свѣтлымъ и темнымъ. Также не достаетъ намъ чувства электричества, такъ какъ мы никогда не различаемъ между положительнымъ и отрицательнымъ электричествомъ. Со всякимъ новымъ чувствомъ открывался бы намъ новый, невѣдомый до-толѣ міръ подобно тому, какъ мы никогда не научились бы распознавать чудесный міръ цвѣтовъ, если бы намъ было отказано въ чувствѣ зрѣнія. Такимъ образомъ, мы познаемъ и изслѣдуемъ не міръ, но міръ, какъ его отражаютъ намъ ограниченныя количество и родъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ. И, какъ замѣчаетъ Гамлетъ, между небомъ и землею, можетъ

быть, существуетъ много такого, о чемъ ничего и не снилось нашимъ мудрецамъ.

2. *Границы человеческого ума.* Если уже это необходимо призываетъ благоразумныхъ изслѣдователей къ сдержанности, то насколько болѣе—ясное пониманіе границъ человеческого ума! Упомянутый выше естествоиспытатель Дюбуа-Реймондъ указываетъ на то, что естествоиспытатель можетъ познавать только то, что онъ воспринимаетъ внѣшними чувствами. Напротивъ онъ не можетъ ничего сказать о томъ, что такое матерія и сила, сознаніе, духъ и свободная воля, такъ какъ эти вещи не воспринимаются чувственно. Онъ необходимо ежедневно пользуется ими и безъ нихъ даже не возможно было бы мыслить и изслѣдовать. Несмотря на это, существа ихъ нельзя доискаться; оно остается загадочнымъ. Эти часто такъ бессмысленно употребляемые слова содержатъ въ себѣ „міровую загадку“. Объ этой міровой загадкѣ говорилъ опытный изслѣдователь: „ignotamus и ignovabimus“—не знаемъ и не будемъ знать. Доселѣ напрасно трудились изслѣдователи надъ разрѣшеніемъ простыхъ вопросовъ: „что такое сила, что такое вещество“? „Что такое сознаніе“? Для научнаго самоувѣрія это поистинѣ пристыжающій фактъ.

3. *Неисчерпаемость міра.* Но этотъ фактъ не уравнивается ли великимъ множествомъ современныхъ открытій и успѣховъ науки? Дѣйствительно, наше знаніе разрослось безмѣрно. Несмотря на это, мы нынѣ, какъ и прежде, должны исповѣдать: „мы познаемъ отчасти“, частично, несовершенно. Все вновь появляющіяся открытія естествознанія ничего не измѣняютъ въ этомъ; наоборотъ, они прямо подтверждаютъ истину этого апостольскаго изреченія. Каждое открытіе хотя даетъ отвѣтъ на одинъ вопросъ, но само одновременно порождаетъ тысячи новыхъ вопросовъ, такъ что, какъ однажды остроумно замѣтилъ историкъ культуры Риль, въ извѣстномъ отношеніи мы являемся не только знающими, но одновременно и не знающими. Какъ много новыхъ проблемъ появилось въ мірѣ съ открытіемъ электричества и магнетизма,—проблемъ, которыхъ раннѣйшія поколѣнія совершенно не предполагали. Или возьмемъ, на примѣръ, рентгеновскіе лучи. Конечно, съ

ихъ открытіемъ намъ стало доступно новое знаніе, однакоже только затѣмъ, чтобы тотчасъ же мы сознали частичность, несовершенство этого знанія. Ибо теперь изслѣдователя осаждаютъ цѣлое полчище новыхъ вопросовъ, какъ напр., какія слѣдствія можно извлечь отсюда для химіи, физики, теоріи теплоты и т. под. И такимъ образомъ съ какого бы пункта міра ни начать, всякій разъ натолкнешься на необъяснимое, какъ говоритъ поэтъ: „хочешь ли ты проникнуть въ область безконечнаго? вступи только въ конечное съ любой его стороны“.

Раннѣйшія времена могли гораздо скорѣе убаюкивать себя мечтою, что въ мірѣ можно познать все, что достойно познанія. Мы же болѣе не можемъ дѣлать этого. Мы отовсюду окружены тайнами. Болѣе, чѣмъ когда-либо, мы проникаемся сознаніемъ, что наше знаніе частное, несовершенное, даже больше: что здѣсь, на землѣ, несмотря на всѣ открытія, оно вѣчно будетъ оставаться несовершеннымъ. Это сознаніе наполняетъ насъ благоговѣніемъ предъ неисчерпаемымъ богатствомъ творенія. Какъ чудесенъ этотъ міръ, который открываетъ все новыя глубины, чѣмъ болѣе проникаютъ въ него,—который ставитъ все больше вопросовъ, чѣмъ болѣе познавать его мы научаемся,—который становится все таинственнѣе, чѣмъ яснѣе мы вглядываемся въ него! И опять! Что былъ бы за міръ, еслибы его послѣднее и собственное бытіе могло бы быть освѣщено съ ясностью дневного свѣта при помощи ручного фонаря человѣческаго разума, или еслибы его содержаніе могло бы быть исчерпано, какъ старый угольный пласть и разложено на рядъ отдѣльныхъ истинъ? По истинѣ неисчерпаемость міра есть признакъ его божественнаго происхожденія. Солнечный лучъ достигаетъ моего глаза! Но что мы знаемъ о жизни солнца, его возрастѣ, его будущемъ, о его отношеніи къ другимъ солнцамъ, о его положеніи въ міровомъ пространствѣ, если мы отбросимъ въ сторону голая предположенія? Что мы знаемъ о свѣтовомъ лучѣ, который достигаетъ до насъ? Пусть онъ—результатъ колебаній ээира, которыя съ необычайною быстротою распространяются чрезъ міровое пространство и касаются нашего глаза. Но почему, однако, одно число колебаній порождаетъ зеленый лучъ, а другое—красный?

Что такое эфиръ? Какъ слѣдуетъ объяснять распространеніе колебаній эфира, какія силы посредствуютъ его? И, наконецъ, если колебанія эфира коснулись глаза, кто можетъ прослѣдить тотъ тонкій процессъ, который отражается на концахъ нервовъ и нервныхъ нитяхъ? Кто можетъ описать переходъ отъ этихъ тѣлесныхъ движеній къ душевному факту ощущенія свѣта, не ставя постоянно знаковъ вопроса и не признаваясь въ своемъ незнаніи? Поэтому нельзя не признать глубокомысленнымъ словомъ, когда философъ Glogau въ своей логикѣ (1894 г.) на стр. 149 говоритъ: „Удивленіе предъ чудомъ міра, котораго наука не устраниваетъ, завѣсу же надъ которымъ едва приподнимаетъ, когда открываетъ нѣкоторыя черты бытія,—это удивленіе есть начало мудрости“. Та смѣлость, которая хочетъ объяснить весь міръ изъ силы и матеріи или атома и небеснаго эфира и подобныхъ непостижимыхъ понятій, есть, безъ сомнѣнія, не начало мудрости, но начало совершенно другого чего-то. Къ этимъ грубымъ людямъ примѣнимъ глѣвъ великаго Шотландца: „ты не хочешь имѣть никакой тайны, никакого мистичизма, ты хочешь въ солнечномъ свѣтѣ того, что ты называешь истиною, или даже съ ручною лампою того, что я называю адвокатскою логикою, пройти чрезъ весь міръ и все „объяснить“ и „обосновать“, но ничему при этомъ не вѣрить. Пусть будетъ такъ; ты хочешь даже подсмѣиваться; и всякій, кто принимаетъ *непостижимое* и все проникающее царство тайны, кругомъ обступаящей его, которому весь міръ представляется столько же оракуломъ и храмомъ, сколько кухнею и хлѣвомъ, въ твоихъ глазахъ долженъ быть безразсуднымъ мистикомъ; съ подергиваніемъ носа и величественнымъ сожалѣніемъ ты готовъ предложить ему свой ручной фонарь и, какъ оскорбленный, начинаешь кричать, если онъ отталкиваетъ его ногою и растаптываетъ. Бѣдняга! Развѣ ты не родился? Развѣ ты не умрешь? Объясни же мнѣ все это или сдѣлай одно изъ двухъ: убирайся съ твоимъ глупымъ клохтаньемъ въ какую-либо глушь или, лучше, брось его и плачь не о томъ, чтобы господство благоговѣйнаго изумленія прекратилось и Божій міръ лишился своей красоты и сталъ

прозаическимъ, но о томъ, что ты доселѣ оставался дилеттантомъ и близорукимъ педантомъ“¹⁾).

Чѣмъ далѣе наука подвигается впередъ, тѣмъ неустрашимѣе предъ наиболѣе просвѣщенными головами открываются новыя, еще не завоеванныя научныя области. Наука никогда не является законченною. Если потому иные могутъ успокоиться на той самонадѣянной мысли, какъ далеко мы уже ушли, то мы хранимъ это съ мудростью мірового поэта, который достаточно глубоко проникъ въ тайны этого міра, чтобы воскликнуть: „для изумленія именно существую я“.

V. Чудо и твореніе.

1. *Ежедневныя чудеса.* Пока естествовѣдѣніе и христіанство сохраняютъ созваніе своихъ границъ и особенностей своего званія, они не могутъ впадать въ противорѣчіе между собою; но если естествоиспытатель чувствуетъ себя призваннымъ объяснить послѣднее основаніе и цѣль свего бытія, то онъ оставляетъ область науки—подлежащій внѣшнимъ чувствамъ міръ и переходитъ въ область вѣры. Въ этомъ случаѣ не наука стоитъ противъ вѣры, но одна вѣра противъ другой вѣры, именно вѣра въ недоказанныя гипотезы противъ вѣры въ подлежащія духовному опыту реальности. Если вѣрующій человекъ чувствуетъ себя въ правѣ налагать руки на естествоиспытателя въ его собственной области и навязывать ему собственное мнѣніе—пусть даже и съ наилучшимъ намѣреніемъ—о явленіяхъ подлежащаго внѣшнимъ чувствамъ міра, тогда стоитъ не вѣра противъ науки, но ограниченность или суевѣріе. Это мы должны твердо и постоянно имѣть въ виду. Тогда мы легко можемъ отвѣчать и на тѣ вопросы, какіе ставятъ предъ нами слова: „чудо“ и „твореніе“.

Чудеса суть такія событія, въ которыхъ мы признаемъ и чтимъ дѣйствіе живого Бога. Нѣтъ ни одного христіанина, который бы не вѣрилъ какому-либо чуду. Чудесно все, что возвѣщаетъ ему могущество или благость Бога. Для него, какъ Галилея, чудо—весь міръ, чудо—онъ самъ, со своею любовью

¹⁾ Срав. Карлейль, Sartor resartus.

и ненавистью, своимъ познаніемъ и темнымъ стремленіемъ къ свѣту и истинѣ. Всякое выдающееся событіе его жизни становится для него чудомъ, если онъ въ немъ чувствуетъ или чтитъ воспитывающую руку Божию. Потому истинный христіанинъ переживаетъ множество чудесъ. Лессингъ совершенно справедливо говоритъ: чудеса, о которыхъ мы знаемъ только исторически, что ихъ другіе видѣли и провѣрили, не могутъ быть для насъ тѣмъ самымъ, что чудеса, которыя мы видѣли собственными глазами и имѣли случай провѣрить. Поэтому всякая истинная вѣра въ чудеса прежде всего есть вѣра въ чудеса, которыя еще нынѣ совершаются. Отъ историческаго вопроса о дѣйствительности чудесъ, о которыхъ сохранились преданія, эта вѣра совершенно независима.

2. *Чудо и законъ.* Но эта вѣра въ чудеса не изговяется ли изъ міра разъ навсегда доказанною законосообразностью всего случающагося? То составляетъ великую заслугу естествовѣдѣнія, что оно поставило внѣ всякаго сомнѣнія причинное сдѣпленіе явленій природы, порядокъ въ ней, паличность естественныхъ законовъ. Въ познаніи причинной связи въ конечныхъ видимыхъ вещахъ оно имѣетъ идти все далѣе и явленія неорганической и органической природы все болѣе будетъ уловлять въ сѣть всеобщей законосообразности. Посредствомъ познанія этихъ, надъ вещами господствующихъ, законовъ мы овладѣваемъ этими вещами, посредствомъ же управленія ими мы можемъ господствовать надъ природою. Никто не оспариваетъ всего этого.

Но что такое самыя эти законы? Суть ли они какія либо сами по себѣ существующія силы надъ или подъ дѣйствительными вещами? Составляютъ ли они послѣднее опредѣляющее начало во всякомъ естественномъ явленіи, или они только средства въ болѣе высокой рукѣ? Послушаемъ, какъ одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка (19), который въ естествовѣдѣніи и философіи былъ какъ бы своимъ человекомъ, Германъ Лотце уничтожаетъ разъ на всегда матеріалистическую суетную вѣру въ естественныя законы, какъ иѣкія въ себѣ и для себя пребывающія сущности: „законы вещей проявляются не иначе какъ законы государства, которые живутъ

только въ гражданахъ. Не они вынуждаютъ вещи дѣйствовать такъ, какъ онѣ дѣйствуютъ, но вещи дѣйствуютъ и дѣйствуютъ такимъ образомъ, что, размышляя надъ ихъ дѣйствиємъ, мы можемъ открыть законъ, сообразно съ которымъ, изъ данныхъ состояній напередъ указывая слѣдствіе, мы снова встречаемся съ дѣйствительностью. Но послѣ того, какъ составили понятіе о законѣ, который въ сущности есть постоянная природа дѣйствительнаго и самыхъ его проявленій, созданіе нашей мысли незамѣтно растетъ и намъ легко кажется самою въ себѣ имѣющею значеніе истиною, которая предшествуетъ дѣйствительности, и теперь намъ представляется само понятнымъ, что тому, что само въ себѣ истинно и необходимо, повинуются также и сущее“ (Mikrokosmos III стр. 481).

То просто ошибка мысли, если законы природы рассматриваются, какъ распорядители міра, и ставятся на мѣсто Бога. Конечно, нѣтъ никакого признака ума въ томъ, если забываютъ изъ-за закона—законодателя, изъ-за порядка—его устроителя, или утверждаютъ, что то и другое несоединимо.

Уже Шиллеръ бичуетъ это отсутствіе мысли, когда свое второе Я, маркиза Полу въ „Донъ-Карлосѣ“ заставляетъ говорить королю Филиппу: Въ ней (вселенной) Его, Художника, и не примѣтишь. Скромно Себя Онъ скрылъ въ законахъ, имъ созданныхъ. Ихъ видитъ вольнодумецъ—не Его. Нѣтъ Бога, говоритъ онъ; въ мірѣ—все. И ни одинъ изъ христіанъ не можетъ Ему создать достойнѣйшихъ хваленій, какъ это богохульство вольнодумца ¹⁾.

Дѣйствительно, обнимающіе міръ, въ его цѣломъ, порядокъ, гармонія и законосообразность для Кеплера, Ньютона, Галилея и многихъ другихъ естествоиспытателей являлись всепобѣждающимъ доказательствомъ божественной мудрости и вызвали ихъ на чудные, хвалебные гимны Богу. Совершенный механизмъ—припомните современное фабричное производство—также не исключаетъ творческаго разума, какъ первопричины, но скорѣе требуетъ его. И такимъ образомъ простирающаяся

¹⁾ Полное собраніе сочиненій Шиллера 6 изд. Гербеля въ русск. переводѣ. т. 1 стр. 190.

даже на малѣйшее закономѣрность всего случающагося у тѣхъ великихъ изслѣдователей вызывало предчувствіе далеко превосходящей всякую человѣческую мысль мудрости Божіей и открывалась имъ, чѣмъ болѣе они рассматривали ее неопостижимымъ, неопикуемымъ чудомъ.

Чистая наука никогда не можетъ констатировать чуда. Ея задача—вскрывать видимыя причины явленій. Когда ей это удается, тогда явленіе становится яснымъ и понятнымъ. Но если не удается, тогда она стоитъ предъ чѣмъ—то необъяснимымъ, но она не сомнѣвается, что также и это имѣетъ свои опредѣленныя причины, которыя потомъ, можетъ быть, удастся открыть болѣе счастливому изслѣдователю.

Ибо она познаетъ только такъ называемыя вторичныя причины (Mittelurs), во послѣдняя причина всякаго бытія и быванія—Богъ—лежитъ внѣ ея кругозора. Положительное виѣшателство Бога въ міръ она никогда не можетъ ни констатировать, ни также и отвергнуть. Напротивъ, вѣрующій человѣкъ, можетъ быть, даже естествоиспытатель совершенно также признаетъ „естественныя“ причины; но онъ повсюду видитъ и слѣды живого Бога.

Даже въ самомъ малѣйшемъ цвѣткѣ, онъ, какъ въ зеркалѣ, познаетъ полное отраженіе Бога и все Его величіе. И когда онъ начинаетъ живо сознать Бога, съ Его дѣлами, тогда это исполняетъ его дивнаго благоговѣнія. Даже тамъ, гдѣ для него остается скрытымъ дѣйствіе Бога, онъ понимаетъ, что лишь мракъ нашихъ неразвитыхъ душъ намъ препятствуетъ по отношенію ко всѣмъ вещамъ все болѣе и болѣе познавать исполненіе словъ Христа, Который именно говорилъ: „Мой Отецъ доселѣ дѣлаетъ и Я также дѣлаю“. И это какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ! Чѣмъ живѣе и здоровѣе наша вѣра, тѣмъ болѣе мы будемъ познавать и въ событіяхъ обычной, повседневной жизни пути промысла Божія: „Вѣра въ чудо есть не что другое, какъ истинная, живая вѣра въ Промыслъ“. О противорѣчій между вѣрою и наукою здѣсь, очевидно, не можетъ быть и рѣчи.

3. *Библейскія чудеса.* Кажется иначе обстоитъ дѣло съ библейскими чудесами. При этомъ для многихъ чудо означаетъ

фактъ, въ которомъ Богъ прерываетъ (устраняетъ) естественные законы и дѣйствуетъ непосредственно Самъ. Это противорѣчивая, даже прямо таки превратная мысль о Владыкѣ міра, не уважающемъ Своего собственнаго закона и, слѣдовательно, дѣйствующемъ по совершенному произволу, въ серьезномъ изслѣдователѣ могли бы возбудить подозрѣніе противъ всякаго извѣстія о чудѣ.

Но пусть теперь представятъ ясно слѣдующее: всякій естественный законъ отвлекается отъ суммы одинаковыхъ или аналогичныхъ случаевъ въ природѣ. Мы видимъ, что брошенное къверху тѣло всегда снова падаетъ на землю; относимъ это явленіе къ силѣ притяженія и говоримъ, что существуетъ законъ притяженія къ землѣ. Но этотъ законъ имѣетъ силу всегда только подъ тѣмъ условіемъ, если не выступаютъ какія либо силы, напр., магнетизмъ, и не противодействуютъ силѣ притяженія. Въ этомъ случаѣ къ причинѣ движенія присоединился бы новый факторъ, слѣдовательно, и дѣйствіе необходимо явилось бы въ измѣненномъ видѣ. Въ чудесахъ Откровенія именно и имѣетъ мѣсто этотъ новый факторъ, притомъ духовнаго, личнаго характера, это—любовь Бога. Развѣ такъ трудно повѣять, что личная воля Бога господствуетъ надъ природою со всѣми ея законами и заставляетъ служить ихъ Своимъ цѣлямъ?

Такимъ образомъ въ чудѣ выступаетъ предъ нами не перерывъ дѣйствія законовъ, но, какъ профессоръ ботаники Рейнке замѣчаетъ, только достойное удивленія употребленіе (*Verwendung*) ¹⁾ ихъ, котораго мы не можемъ наблюдать („*Die Welt, als that*“ стр. 481). Другими словами: чудо стоитъ въ противорѣчьи не съ природою, но съ тѣмъ, что мы знаемъ о природѣ.

Не ведетъ ли это къ мысли, что естествоиспытатели перваго ранга не могутъ обойтись безъ понятія о чудѣ? Не даромъ даже Дарвинъ признавалъ, что въ первомъ органическомъ зародышѣ „жизнь изначала должна была быть вдохнута

¹⁾ Въ нашей богословской литературѣ для выраженія этой мысли употребляется болѣе удачный терминъ: „препобѣжденіе“ (смотри. Руков. к. Основн. Богословію Августина, изд. 4, § 34).

Творцемъ". И Иоганнъ Мюллеръ съ полвѣйшимъ убѣжденіемъ провозгласилъ, что „только чудо могло образовать живой организмъ изъ безжизненной матеріи“. Также расположеніе и наследственность, какъ выставляетъ на видъ ботаникъ Рейнке, могутъ быть принимаемы только, какъ чудесныя факты (Die Welt, als that стр. 482). Даже самыя зрые отрицатели чудесъ ежедневно совершаютъ множество поступковъ, которые прямо таки чудесны и не могутъ быть выведены изъ естественныхъ законовъ. Открываемъ ли мы дверь, отправляемся ли мы на прогулку, или выполняемъ какую либо работу, эти дѣятельности всегда предполагаютъ самостоятельное существо, которое полагаетъ для себя цѣли и для достиженія ихъ пользуется внѣшними вещами и отношеніями. Но это самостоятельное Я и его цѣль постоянно остаются невидимыми. Эта духовная сила никакимъ образомъ не можетъ быть понята съ естественно-научной точки зрѣнія, и, однакоже, она собственно и есть дѣйствующее начало; и мы совершенно точно знаемъ, что всѣ наши дѣйствія только тогда могутъ осуществляться и имѣть успѣхъ, если мы серьезно *желаемъ* ихъ. Такимъ образомъ въ области личной жизни всякое свободное дѣло положительно не можетъ быть объяснено изъ простыхъ естественныхъ явленій. Не разрушая природы или не прерывая дѣйствія ея законовъ, мы привлекаемъ ихъ на нашу службу и подчиняемъ ихъ нашей цѣли, чтобы внести относительно новое въ ходъ исторіи. Мы знаемъ, что это самое безъ нашей воли, просто чрезъ слѣпо дѣйствующую силу естественныхъ законовъ, никогда не могло бы возникнуть. На сколько еще яснѣе это станетъ, если мы примемъ во вниманіе проявленіе высшей человѣческой духовной жизни.

. Искусная операція знаменитаго хирурга, подвигъ героя за спасеніе отечества, Бетховенская симфонія, Рафаелевская Мадонна, Шекспировская драма, Гётевскія стихотворенія, короче—всякое эпоху составляющее проявленіе духа есть чудесное событіе, такъ какъ мы никогда не можемъ объяснить его изъ элементарныхъ естественныхъ событій, но къ нимъ необходимо должны присоединить новотворящую силу человѣческаго духа. Но начто человѣкъ, какъ свободное существо,

имѣетъ притязаніе, именно—на господство надъ природою, сообразно съ своими цѣлями, этого мы не должны оспаривать у Милосердаго Бога, особенно если мы вѣримъ, что Онъ проявляетъ Свое господство надъ природою гораздо справедливѣе, мудрѣе и любвеобильнѣе, чѣмъ способенъ къ тому человѣкъ.

Но какъ человѣкъ сообразно съ цѣлью, которую онъ себѣ поставляетъ, избираетъ средства и достигаетъ цѣли, такъ выступаютъ и чудеса откровенія въ великую цѣль совершающихся подъ дѣйствіемъ Божиимъ событій, цѣль которыхъ—основаніе царства личныхъ духовъ.

Такимъ образомъ, чудо теряетъ свой характеръ чего-то произвольнаго и является даже необходимымъ въ божественномъ домостроительствѣ спасенія. Всѣ откровенныя чудеса суть дѣла снисходящей любви Бога. Они суть проявленія Его милосердія къ міру, въ которомъ господствуютъ грѣхъ и страданіе, и служатъ къ основанію Его царства на землѣ. Кто вѣруетъ въ живого Бога, тотъ чрезъ это самое вѣруетъ также и въ личное обнаруженіе Его любви и святости, т. е. въ чудо. Кто отвергаетъ Его, тотъ отвергаетъ, слѣдовательно, и всѣ чудеса. Это отверженіе научно столь же мало можно доказать, какъ и вѣру—въ чудо.

4. *Испыленія по молитвѣ и сціентизмъ.* Вопросъ о чудѣ съ появленіемъ сціентизма снова сдѣлался жгучимъ среди широкихъ круговъ людей.

Основательница секты—М. В. Едди (Eddy), „президентша метафизическаго коллегіума въ Массачусетцѣ“. Ея книга: „наука и здоровье“ съ ключемъ къ Священному Писанію выдержала уже свыше 150 изданій. Секта съ великою быстротою распространилась изъ Америки по всему христіанскому міру, нашла себѣ приверженцевъ въ Германіи среди высшихъ круговъ общества и теперь образуетъ особня общества и строитъ собственные храмы. Профессора открываютъ сціентистамъ свои клиники, другіе осуждаютъ ихъ за плохое лѣченіе. На чью же сторону мы должны встать?

Послушаемъ самое госпожу Едди! „Приближаясь явно къ концу моего земного поприща, я научилась слѣдующимъ истинамъ Божественнаго вѣдѣнія: всякое дѣйствительное бытіе су-

ществуетъ въ духѣ и въ представленіи Бога“. „По своей природѣ Богъ—благъ и можетъ быть представляемъ только въ идеѣ благодати; зло же должно разсматриваться только какъ вѣчто неестественное, такъ какъ оно противорѣчитъ Божественному Духу“. Отсюда открывается и примѣненіе новаго цѣлительнаго искусства: „ты долженъ ясно сознавать, что болѣзнь столь же мало реальна, какъ и грѣхъ: Говори истину въ противоположность всякаго рода заблужденію. Опухоли, нарывы, туберкулезъ, боль, искривленный позвонокъ—все это—свидѣнія, мрачныя картины фантазіи смертнаго“. Всякая болѣзнь—только мечта. Значить, стоитъ прогнать эту мечту изъ головы, тогда само собою исчезнетъ и зло. Медицинская наука можетъ только укрѣплять представленія о болѣзняхъ.

„Трактаты по анатоміи, фізіологіи и гігіенѣ поддерживаютъ и развиваютъ лишь хилость и болѣзнь“... И эта бессмыслица называется „христіанскою наукою“ несмотря на то, что она бьетъ по лицу какъ науку, такъ и христіанство. Не по христіански относить болѣзнь и грѣхъ въ область человѣческаго воображенія, когда Библия повсюду показываетъ намъ грѣхъ въ его страшной реальности, и физическое зло, какъ его слѣдствіе. Не похристіански совершенно не признавать воспитывающей и очищающей силы страданія и понимать Бога только какъ Благодать, тщательно игнорируя Его святость. Крестъ Христа для сціентистовъ, является излишнимъ. Спасеніе и примиреніе можетъ касаться у нихъ только уничтоженія заблужденія. Даже личность Бога исчезаетъ въ неясныхъ изліяніяхъ госпожи Едди. Такимъ образомъ христіанскія основныя понятія являются здѣсь опустошенными и извращенными. Это необходимо стало бы яснымъ даже для простыхъ читателей книги, если бы сочинительница свои метафизическія наставленія не пересыпала разнообразными, большею частію взятыми изъ Библии назидательными увѣщаніями и размышленіями.

Если сціентисты свой образъ дѣйствованія стремятся возвести къ Іисусу Христу, то можно спросить: что дѣлать состраданію Спасителя съ шарлатанствомъ этихъ сектантовъ, которые прекрасно понимаютъ, что ихъ успѣхи могутъ покупаться

звонкою монетою и что изъ своего благочестія—чисто по американски—они дѣлаютъ доходное предпріятіе? Конечно, Иисусъ Христосъ исцѣлялъ больныхъ, но Онъ дѣлалъ это только тогда, когда Ему „даво было отъ Отца“ при выполненіи Его великой миссіи. Сціентисты же, наоборотъ, хвастаются, что они могутъ уничтожить каждую болѣзнь, такъ какъ всѣ онѣ существуютъ только въ воображеніи. Дѣло для нихъ не въ молитвѣ о здоровьи, но въ мысли о здоровьи. Молитва служитъ имъ только къ тому, чтобы сильнѣе воздѣйствовать на духъ больного и прогнать приставшее къ нему представленіе болѣзни: молитва оказывается здѣсь средствомъ гипнотическаго внушенія!

Не мыслимо, чтобы бредни сціентистовъ долгое время могли владѣть головами людей. Въ Америкѣ это движеніе уже пошло на убыль. Но если даже оно совсѣмъ прекратилось бы, останется вопросъ, молитвѣ во Имя Иисуса Христа не дана ли сила—исцѣлять больныхъ и такимъ образомъ содѣйствовать прославленію Бога. Что апостолами и вообще въ первенствующей церкви исцѣленія по молитвамъ совершались, это вѣдъ всякаго вопроса.

5. *Сверхъ нашей силы.* Этотъ первохристіанскій благодатный даръ исцѣленій по молитвамъ. Бьернсонъ поставилъ центральнымъ пунктомъ замѣчательной драмы: „Сверхъ нашей силы“ и выдалъ за сердцевину христіанской вѣры. Пастырь—чудотворецъ, Адольфъ Зангъ во всей странѣ прославляется, почитается, отыскивается ради его могучей вѣры, его нещадящей себя любви, его сверхчеловѣческой чудесной молитвы. Если онъ приходитъ и искренно молится съ вѣрующими больными, то они становятся здоровыми. Но собственную жену онъ не въ состояніи исцѣлить. Между тѣмъ, какъ онъ въ слѣпомъ забвеніи міра все бросаетъ для другихъ, она ведетъ борьбу противъ него во имя материнской любви и интересовъ дома, пока она не истощаетъ своихъ силъ, пока она не оказалась разбитою духовно и тѣлесно. Она не раздѣляетъ его вѣры, равно какъ и дѣти. Несмотря на это, Зангъ исповѣдуетъ могущество Божіе, что онъ одинъ исцѣлитъ жену. Онъ идетъ въ церковь, чтобы тамъ вымолить сонъ, а потомъ и исцѣленіе для своей жены. Подъ звуки молитвенныхъ коло-

кольчиковъ жена его засыпаетъ. Да, когда Зангъ къ ней входитъ, разслабленная оставляетъ постель, идетъ навстрѣчу ему, но только затѣмъ, чтобы въ слѣдующее мгновеніе упасть мертвою. Этимъ кончается драма „Она стремится изобразить силу чудодѣйственной вѣры. Развитіе же идеи драмы ведетъ къ обратному заключенію: нѣтъ чудесъ. Что въ проявленіяхъ человѣческой силы или въ удивительныхъ естественныхъ явленіяхъ походить на чудо, то слѣдуетъ относить на счетъ естественныхъ причинъ или игры случая. Кажущееся чудо бываетъ продуктомъ силы магнетизма и силы гипнотизма. Дѣйствительное чудо превышаетъ силу“ (нашу). Художественное достоинство драмы велико, но ея религіозная идея въ высшей степени сомнительна ¹⁾).

Посмотримъ на вѣру даннаго священника. Дѣйствительно ли это—новозавѣтная вѣра? Христіанская вѣра всегда исходитъ изъ сознанія виновности. Ея цѣль божественное освобожденіе отъ вины, миръ человѣка съ Богомъ. У Занга вообще нѣтъ рѣчи о грѣхѣ и винѣ. Онъ пренебрегаетъ этимъ, какъ и несчастіемъ, подъ которымъ его семья постепенно приходитъ въ разстройство. Въ экстазѣ чувства по отношенію къ собственнымъ задачамъ—проявить вѣру и любовь онъ бросается на очевидно опрометчивые поступки. Онъ живетъ всецѣло въ мірѣ необычайнаго и расходуетъ свою духовную силу, которая ему была дарована Богомъ, на опыты чудесъ, которые никого не улучшаютъ, но только удовлетворяютъ нервозную страсть къ сенсаціямъ. Зангъ—чистый мечтатель, поскольку онъ *дѣйствительный* міръ, которому по волѣ Божіей принадлежать всѣ его задачи, предоставляетъ одному Богу и, напротивъ, предъявляетъ притязаніе въ своихъ безразсудныхъ экспериментахъ на сверхъестественную молитву, которую Богъ оставилъ въ Своихъ рукахъ,—мечтатель, а не христіанинъ, всего менѣе единый истинный, какъ его называютъ и дѣти. Драма такимъ образомъ изображаетъ не трагедію чудодѣйственной вѣры, а трагедію сумасбродства.

Бьернсонъ принимаетъ, что вѣра покоится на чудѣ и поз-

¹⁾ Сравни. Hunzinger, *Über unsere Kraft*, 2 изд. 1901 г.

воляетъ высказать это Братту и собравшимся въ домъ Занга пасторамъ. Но справедливо ли предположеніе, что человѣку нужно чудо, чтобы онъ могъ вѣровать? Нѣтъ, такое воззрѣніе—прямо смерть вѣры. Допустимъ, что пасторъ Зангъ не только заставилъ свою жену покинуть одръ болѣзни, но вырвалъ ее изъ рукъ смерти: тогда у присутствующихъ, конечно, могла бы возникнуть нѣкотораго рода вѣра. Они просто были бы принуждены къ вѣрѣ силою факта, но эта вѣра возникла бы не на нравственной почвѣ, но благодаря видѣнію, насилію надъ духомъ. Это была бы вѣра, которую І. Христосъ осудилъ словомъ: если вы не увидите знаменій и чудесъ, то не повѣрите;—вѣра, о которой говоритъ Іаковъ: и бѣсы вѣрують и трепещуть. Но эта вѣра не долго могла бы держаться. Какъ скоро прошло бы первое впечатлѣніе, у нихъ явился бы рядъ мыслей, подъ вліяніемъ которыхъ они объяснили бы какъ нѣчто чисто субъективное и естественное. Чудеса ничего не помогаютъ противъ невѣрія. Приточный богачъ думалъ также, что его невѣріе зависело отъ недостатка чудесъ; но извѣстный отвѣтъ гласитъ: „Если они не слушаютъ Моисея и пророковъ, то они не увѣрують также и тогда, если кто изъ мертвыхъ воскреснетъ“. Конечно, и І. Христосъ творилъ чудеса руками своихъ апостоловъ, но они вели себя при этомъ съ великою осторожностью, постоянно старались подавлять пагубную, всякое смиренное упованіе на Бога уничтожающую страсть къ чудесамъ, и во всякое время отвергали всякую чудодѣйственную вѣру, если она въ то же время и прежде всего не была вѣрою слову.—Такимъ образомъ не чудо прежде и потомъ вѣра, но вѣра прежде и потомъ уже чудо. Вѣра—органъ, которымъ мы воспринимаемъ чудо въ обстоятельствахъ нашей жизни. Она только и можетъ сказать намъ, можемъ ли и до какой степени можемъ—просить и ожидать особеннаго чудодѣйственнаго вмѣшательства Божіаго въ трудномъ положеніи жизни. Приэтомъ, мы никогда не смѣемъ забывать, что наша вѣра основывается на добровольной крестной жертвѣ нашего Господа и что самая трудная, но вмѣстѣ и самая благословенная молитва гласитъ: „не какъ Я хочу, но какъ Ты хочешь“.

6. *Твореніе*. И твореніе міра—чудо и, какъ показалъ Кантъ, не можетъ быть разсудочно ни доказано, ни отвергнуто. Библейское повѣствованіе о твореніи совершенно не имѣетъ цѣли объяснить научно бытіе міра. Оно не можетъ сообщать никакихъ естественно-научныхъ познаній о триасовой, лейясовой, юрской и мѣловой формаціяхъ или о чемъ либо подобномъ, но даетъ знать намъ, кто сотворилъ все и для чего именно все существуетъ. Создалъ все *Богъ*. Онъ—виновникъ всего, а не какой либо слѣпой случай. Какъ совершенный Духъ, онъ выпадаетъ надъ веществомъ. Міръ есть Его произведеніе и вмѣстѣ Его откровеніе. Онъ предназначенъ, какъ учить новый завѣтъ, къ высочайшему личному откровенію Бога въ Его сынѣ І. Христѣ. Человѣкъ—вѣнецъ творенія и въ глубочайшей своей жизненной основѣ родственъ Богу, „образъ Божій“. Это—вѣчно истинная идея, которыми библейская исторія творенія далеко возвышается надъ космогоніями всѣхъ языческихъ народовъ.

При этомъ, ни въ какомъ случаѣ мы не запираемся предъ тѣмъ положеніемъ, что въ основѣ цѣлаго повѣствованія о твореніи лежитъ еще Птолемеевскій взглядъ на міръ. Земля стоитъ твердо, и небо поставлено надъ нею, какъ „Твердь“, на которой утверждены солнце, луна и звѣзды, чтобы они двигались на ней, дѣйствіемъ нѣкотораго невидимаго механизма, на подобіе часовъ. Но несмотря на это, не остается ли однако истиннымъ, что для насъ—людей—солнце есть „великое свѣтило, которое управляетъ днемъ“ и луна, „—малое свѣтило, которое управляетъ ночью“? Доколѣ человѣкъ остается человѣкомъ, онъ съ удивленіемъ и благодарностью будетъ восхищаться восходомъ солнца и хранить въ сердцѣ своемъ богоговѣйный страхъ предъ величавымъ молчаніемъ неизмѣримаго звѣзднаго шатра. Естественная наука не дѣлаетъ для насъ ни легче, ни труднѣе радоваться благости и мудрости Творца. И если астрономъ Мѣдлеръ въ своей астрономіи выставилъ девизъ: „небеса возвѣщаютъ славу Вѣчнаго“, то тоже самое заставляетъ звучать древнее слово псалмопѣвца въ безчисленномъ множествѣ душъ, которыя мало или ничего не

знають объ астрономіи и астрономическое знаніе которыхъ едва ли идетъ далѣе картины голубого, усѣяннаго звѣздами неба.

Если теперь естествоиспытатели могутъ размышлять о томъ, какъ слѣдуетъ представлять развитіе этого міра по отдѣльнымъ сторонамъ его, то вѣра въ Бога Отца, всемогущаго Творца неба и земли, совершенно не зависитъ отъ послѣдствій этой работы. Можемъ ли мы сомнѣваться въ томъ, что великій поэтъ написалъ „Фауста“, хотя мы не видимъ стадій развитія этого произведенія? Можемъ ли мы не удивляться произведенію искуснаго художника, хотя мы совершенно не догадываемся о ходѣ его созданія въ отдѣльныхъ моментахъ? Если естествовѣдѣніе впредь можетъ заняться вопросомъ, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ возникъ человѣкъ на нашей планетѣ, то это не касается вѣры. Оно довольствуется—„что“, тѣмъ фактомъ, что Богъ создалъ человѣка, и предоставляетъ наукѣ объясненіе „какъ“. Даже если принять, что человѣкъ постепенно развился изъ первоначальной клѣтки (urzelle), — впрочемъ, этого предположенія нельзя доказать—все же рассказъ о твореніи человѣка (Быт. II, 7) сохранить навсегда свою вѣчную истинность. Ибо двойная природа человѣка не могла быть изображена полномысленнѣе, чѣмъ въ этихъ словахъ. По одной своей сторонѣ онъ является совершенно землею и земнымъ, „комомъ земли“; по своей другой сторонѣ онъ—дуновеніе „Божественнаго Духа, родственъ Богу, Божественнаго рода (Дѣян. XVII, 28)“. Рѣзко выраженное разнообразіе расовыхъ типовъ въ тѣлесномъ отношеніи—неоспоримо и общее родословное древо всѣхъ этихъ расъ трудно допустимо. Не оспоримо также и то, что люди всѣхъ расъ одинаковы по основамъ своей нравственной воли, мысли и чувства, одинаковы по своей зависимости отъ Бога и какъ образъ Божій. Съ религіозной точки зрѣнія человѣчество является великимъ цѣлымъ, исходящимъ изъ единства и стремящимся къ единству. Съ Адамомъ и Евою положено начало человѣческаго богосознанія и этотъ фактъ въ библейскомъ повѣствованіи представленъ такъ ясно и съ такою захватывающею поэтическою силою, что онъ будетъ и останется навсегда на всѣхъ ступеняхъ образованія

источникомъ неисчерпаемой мысли и глубочайшихъ нравственныхъ движеній“¹⁾). Даже приверженецъ теоріи эволюціи К. Е. Баеръ признается: „если хотятъ принимать свидѣтельство Мойсея не буквально, а только по существу, то должны согласиться, что болѣе возвышеннаго свидѣтельства къ намъ не доходило изъ древняго времени и едва ли можетъ дойти. Если при появленіи человѣка земной прахъ превращаютъ въ органическую матерію, то это значило бы, что человѣкъ устроенъ изъ оживленнаго земного вещества; и естествовѣдѣніе не пошло далѣе этой истины“. (Reden II 465). Подобнымъ образомъ говорится и въ Рейкенскомъ „Die Welt als that стр. 483“: „ученіе Мойсея остается величайшимъ явленіемъ въ исторіи“.

Уже І. Кеплеръ, великій и благочестивый астрономъ, правильно понявъ исторію творенія, это „славное начало великой книги человѣчества“. Онъ пишетъ (въ 1612 г.) къ одному математику: „если ты хочешь извлекать изъ Священнаго Писанія доказательства того, что земля стоитъ спокойно, то ты злоупотребляешь имъ въ интересахъ естественно-научныхъ вопросовъ; въ немъ не содержится никакого научнаго ученія по оптикѣ, физикѣ, астрономіи, скорѣе естественные предметы употребляются здѣсь только въ высшемъ религіозномъ смыслѣ, чтобы чрезъ нихъ созерцать творческое могущество Божіе“. Золотыя слова! Примемъ ихъ къ сердцу!

VI. Дарвинизмъ и дарвинисты.

1. *Дарвинъ, какъ основатель теоріи развитія.* Англійскій естествоиспытатель Дарвинъ сдѣлалъ попытку объяснить изумительную полноту живыхъ существъ въ ихъ великомъ разнообразіи, не допуская вмѣшательства творческой силы Божіей. Какъ садовникъ чрезъ скрещиваніе розъ и скороспѣлокъ и т. д. производитъ особенно прекрасныя породы этихъ цвѣтовъ, или какъ сельскій хозяинъ чрезъ скрещиваніе благородныхъ типовъ лошадей получаетъ все болѣе цѣнныхъ животныхъ этого рода, точно также и природа съ помощію „есте-

1) *Richtl*, Religiösen Studien eines Weltkindes стр. 80.

ственный подбор“ создавала въ теченіе милліоновъ лѣтъ все болѣе совершенныя виды растеній и животныхъ, отъ простыхъ микробовъ до человѣка. Всякое органическое существо имѣетъ способность измѣнять всѣ свои органы. Но въ борьбѣ за существованіе могли сохраняться только тѣ существа, которыя наилучшимъ образомъ были приспособлены къ окружающей обстановкѣ. Эти надѣленные преимуществами индивиды передавали по наслѣдству свои лучшія качества своимъ потомкамъ. И такимъ образомъ произошло то, что съ теченіемъ времени возникали все болѣе совершенныя виды“.

Итакъ, теорія Дарвина дѣлаетъ попытку объяснить развитіе органическаго міра въ чисто естественныхъ, механически дѣйствующихъ причинъ, безъ помощи духовныхъ силъ. Этотъ опытъ, рассматриваемый съ научной точки зрѣнія (срав. выше II, 3. 1), представлялся весьма правдоподобнымъ и открывалъ путь къ необычайному расширенію его области. Ибо предметъ естествовѣдѣнія—все подлежащее внѣшнимъ чувствамъ бытіе, все, что мы можемъ видѣть, слышать, осязать, измѣрять, исчислять и взвѣшивать. Духовный же міръ лежитъ по ту сторону этихъ гравиць. Естествоиспытатель при помощи тѣхъ средствъ, которыя находятся въ его распоряженіи, не можетъ ни постигнуть, ни также отвергнуть его. Это—точка зрѣнія, которую, несмотря на колебанія, принималъ и самъ Дарвинъ. Всю жизнь свою Дарвинъ болѣе или менѣе ясно сознавалъ, что опыты вѣры выходятъ за предѣлы чувственнаго міра, хотя по отношенію къ религіознымъ предметамъ онъ и не достигъ твердаго убѣжденія.

Но онъ говоритъ: „Вопросъ, существуетъ ли Творецъ и Управитель міра, величайшими умами, которые когда-либо были на землѣ, разрѣшался всегда утвердительно ¹⁾. Въ его біографіи, издавшой его сыномъ, находится замѣчаніе Дарвина, въ которомъ онъ самъ указываетъ на то, что невозможность видѣть въ безграницномъ и чудномъ универсѣ результатъ дѣйствія слѣпонаго случая, вынуждаетъ его къ признанію существо-

¹⁾ Дарвина второе главное произведеніе: Die Abstammung des Menschen. Uebersetzt von Carus, 4 изд. стр. 88.

ванія Бога. Онъ говоритъ тамъ буквально: „я заслуживаю быть названнымъ теистомъ“. Но что помогли знаменитому изслѣдователю подобнаго рода заявленія? Нѣмецкимъ матеріалистамъ, которые порядочно-таки хозяйничали съ силою и веществомъ, идея развитія пришла съ какъ разъ кстати. Они предъявили свои права на Дарвина и протрубили на весь міръ, въ противорѣчіе съ его собственными словами, что Дарвинъ отринулъ вѣру въ Бога и твореніе. Это былъ именно профессоръ Геккель въ Іенѣ, который подхватилъ ученіе Дарвина съ ярою ревностью, далъ ему родъ философскаго обоснованія и закрѣпилъ связь теоріи развитія съ атеизмомъ, которая на десятилѣтія вызвала ту крайне вредную вражду между вѣрою и наукою, которою мы болѣемъ еще и доселѣ.

Если этимъ „дарвинистамъ“ приходится говорить о христіанствѣ, то это случается большею частью въ тонѣ вскрываемаго пренебреженія. Его считаютъ за міровоззрѣніе, уже побѣжденное наукою, за устарѣвшій продуктъ эволюціи, въ высшей степени пригодный лишь къ тому, чтобы массы необразованнаго народа водить на помочахъ. Самъ Дарвинъ былъ настолько честенъ, чтобы признать невѣроятные плоды христіанской миссіи между жителями огненной земли, и довольно прямодушенъ, чтобы публично выразить свое удивленіе по этому поводу (срав. V. 2, 2). Но напрасно искать такой безусловной честности по отношенію къ фактамъ изъ религіозной области у большинства его послѣдователей.

2. *Геккель—фанатикъ теоріи развитія.* Новый примѣръ этого представляетъ іенскій профессоръ Геккель съ своею книгою: „загадка міра“ (Die Welträtzel). Онъ опирается здѣсь на книгу англичанина Саладина. И это, по Геккелю, „выдающееся произведеніе ученаго и остроумнаго богослова“ оказывается на дѣлѣ позорною книгою невѣжественнаго и грубаго журналиста самаго низкаго пошиба. Геккель хочетъ доказать недостоверность нашихъ каноническихъ евангелій и въ доказательство совершенно безъ критики цитируетъ іудейскій пасквиль среднихъ вѣковъ (!), который исторію рожденія Христа обливаетъ грязью самаго позорнаго подозрѣнія. Кто желаетъ убѣдиться ближе въ невѣроятномъ легкомысліи и не-

вѣжествѣ Геккеля въ этой области, тотъ пусть прочтетъ произведеніе Loofs-a—Antihäskel: прочитавшій признаетъ вполне справедливою его оцѣнку Геккеля, именно, что профессору Геккелю для выясненія высшихъ вопросовъ „недостаетъ необходимаго знанія, необходимаго такта и необходимой добросовѣстности“.

Уже раньше Геккель открыто обвинялся въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ научной добросовѣстности. Чтобы доказать, что человѣкъ, обезьяна и собака уже на первой зародышевой степени развитія являются похожими въ своей естественной исторіи творенія (Die naturliche schopfungsgeschichte, 1 изд. стр. 242), онъ позволяетъ трижды отпечатать одинъ и тотъ полтипажъ, чтобы выдать его сначала за полтипажъ о человѣкѣ, затѣмъ—объ обезьянѣ и, наконецъ, о собакѣ.—Результатомъ, естественно, было поразительное сходство этихъ трехъ твореній! Но этого не достаточно! Тотъ же маневръ имъ былъ повторенъ—и опять съ блестящимъ успѣхомъ. Но и этого не достаточно. Чтобы показать, что и раннѣйшія степени развитія похожи, Геккель изображаетъ первозародышъ (Urkeim) человѣка въ видѣ подошвы, „хотя ни онъ, ни кто другой не видѣлъ никогда этой стадіи“. Кроме того, Кильскій фізіологъ Гензенъ еще указалъ ему измѣненія въ изображеніяхъ человѣческихъ зародышей, которые Геккель „такъ обрисовалъ и въ ихъ отдѣльныхъ частяхъ измѣнилъ, что они вопреки истинѣ стали возможнѣйшимъ образомъ похожи“ ¹⁾. Это все—примѣръ того, что бываютъ также и фанатики теоріи развитія, для которыхъ всякое средство годно для доказательства своей догмы.

По счастью нашлись, однакоже, мужи, которые спасли честь вѣмецкаго ученаго міра; таковы упомянутый Гензенъ, затѣмъ Гизъ, котораго самъ Геккель называетъ „однимъ изъ нашихъ первыхъ анатомовъ и эмбриологовъ“. Онъ говоритъ: „по моему мнѣнію, онъ (Геккель) своимъ способомъ веденія борьбы даже лишилъ себя права числиться на равныхъ правахъ въ кругѣ

¹⁾ Срав. Hamann: Entwieckelungslehre und Darwinismus 1892 г.

серіозныхъ изслѣдователей“. И профессоръ Брандтъ замѣчаетъ коротко и вѣрно: „Геккелю никогда нельзя вѣрить“.

Когда докторъ Денвертъ недавно сдѣлалъ попытку собранія мнѣнія сотоварищей по наукѣ о Геккелѣ, то оказалось, что свыше 50 соспеціалистовъ болѣе или менѣе рѣшительнымъ образомъ публично отреклись отъ него. Этотъ опытъ Денверта доставляетъ поучительные взгляды на ненавистный родъ Геккелевской полемики, главное искусство которой состоитъ въ томъ, чтобы не понимать и извращать выраженія противника и посредствомъ ложныхъ подстановокъ унижить и осмѣять противника. Денверта „Истина о Геккелѣ“—дѣйствительно острѣйшее оружіе, которое выковано въ Геккелевскомъ спорѣ, такъ какъ оно затрогиваетъ самое больное мѣсто противника. Всѣ тѣ, которые къ критикамъ Геккеля изъ среды философской или богословской прежде относились недовѣрчиво или уклончиво, едва ли устоятъ предъ тяжестью, здѣсь собраннаго фактическаго матеріала и не могутъ не вынести убѣжденія, что предметъ ихъ доселѣшняго почитанія былъ, однакоже, на дѣлѣ сомнительнаго свойства.

Вопреки всему этому Геккель все еще имѣетъ кругъ слѣпыхъ почитателей и большія массы людей полуобразованныхъ, преклоняющихся предъ нимъ. Еслибы изслѣдователь христіанскаго направленія допустилъ только десятую часть тѣхъ погрѣшностей противъ истины, какія обнаружены у Геккеля, то онъ болѣе не осмѣлился бы возвысить свой голосъ публично. Предъ трибуною же свободомыслящаго предпочитаютъ молчать. Поведеніе либеральной и свободомыслящей прессы въ Геккелевскомъ спорѣ еще разъ оказывается типическимъ для подобнаго рода случаевъ и по справедливости можетъ вызвать только горькое чувство, что съ этой стороны охотно переносятся всякая степень невѣроятія и легкомыслія, если только это идетъ противъ христіанства.

3. *Монизмъ и картина міра по нему.* Геккель называетъ свое міровоззрѣніе „монизмомъ“, такъ какъ онъ отвергаетъ противоположность между природою и духомъ и происхожденіе міра хочетъ объяснить единственно изъ причинъ естест-

венныхъ, т. е. матеріальныхъ. Попытаемся въ нѣсколькихъ штрихахъ начертать картину міра по монизму.

Міръ не измѣримъ по пространству и времени. Ничего въ немъ не пропадаетъ, ничего не возникаетъ и совершенно новаго. Только форма вещей подвергается измѣненію. Вся природа представляетъ собою непрерывный процессъ возникновенія и исчезновенія (*Werden und Vergehen*), непрекращающійся процессъ эволюціи (*Entwickelungs und Abwickelungs process*). Прежде всего это относится къ возникновенію звѣзднаго міра, который образовался посредствомъ отдѣленій колецъ отъ начавшаго вращаться справа на лѣво громаднаго газообразнаго шара. Первовещество или матерія состоитъ изъ атомовъ, которые слѣдуетъ считать одушевленными; что мы называемъ органическою жизнью, есть ничто другое какъ высшая сложная (*kompleziertere*) форма жизни атомовъ. Прежде всего она проявляется въ примитивной формѣ незначительнаго комочка протоплазмы. Постепенно пріобрѣли эти тѣльца внутреннюю структуру, образовали клѣточки съ оболочкою и ядромъ и со способностью распредѣляться въ извѣстномъ порядкѣ въ сложныя системы. Такъ возникли простѣйшія растенія и животныя.

Приспособленія къ окружающимъ условіямъ жизни, послѣдственная передача пріобрѣтенныхъ свойствъ и переживаніе неиспособнѣйшихъ въ борьбѣ за существованіе позволяютъ возникать различнымъ видамъ, пока, наконецъ, какъ заключительный продуктъ развитія, не является человѣкъ, который произошелъ отъ ряда обезьяновидныхъ млекопитающихъ и въ теченіе многихъ тысячелѣтій достигъ настоящей своей высоты ¹⁾).

¹⁾ Кого интересуетъ то, какъ Геккель представляетъ себѣ монистическій культъ въ церкви будущаго, тотъ пусть послушаетъ: „между высокими столбами готическаго собора, которые обвиты лианами, стройныя пальмы и *Kaufmannen*, красивые бананы и бамбуки будутъ напоминать о творческой силѣ тропиковъ. Вязу церковныхъ оконъ въ большихъ аквариумахъ прелестныя медузы и *Senphophoren*, разноцвѣтные кораллы *Sternthiere* будутъ возвѣщать о чудныхъ формахъ жизни въ моряхъ. На мѣстѣ главнаго алтаря появится *Уранія*, которая въ движеніяхъ міровыхъ тѣлъ показываетъ всемогущество субстанціональнаго закона (*Welträthsel*, 462). Это—очевидно самое грубое обожествленіе вещества вмѣсто поклоненія Богу въ духѣ и истинѣ, атеистическій рецедивизмъ въ религіозномъ

4. *Наука или фантазія?* Таково въ краткихъ чертахъ монистическое міровоззрѣніе, представляющее собою на первый взглядъ стройное цѣлое, плодъ блестящаго послѣдовательнаго развитія мысли. Пребывающее и истинное въ немъ есть идея развитія, утвержденіе прогрессивнаго развитія неорганическаго до духовнаго міра. Но эта идея у Геккеля немедленно извращается чрезъ утвержденіе чисто-механическаго развитія. Но развитіе безъ цѣли столь же мало мыслимо, какъ движеніе безъ направленія. Если мы глубже всмотримся въ монизмъ, то прямо-таки изумимся той поверхностности, съ которою здѣсь окончательно разрѣшаются важнѣйшіе вопросы. Доказанное и недоказуемое, результаты науки и положенія материалистической вѣры съ великимъ искусствомъ здѣсь перемѣшиваются и стремящемуся къ образованію народу съ апломбомъ предлагаются, какъ „результатъ современной науки“, тогда какъ „едвали можно мыслить“, выражаясь словами фізіолога Гензена, „что-либо болѣе безплодное и пустое, чѣмъ этотъ монизмъ“. Нужно только это построеніе мысли провести въ соприкосновеніе съ огнемъ критики, чтобы оно погубило въ дымѣ и его гордыя стѣны разрушились.

Намъ говорятъ: откуда знаетъ именно Геккель, что міръ не сотворенъ, когда онъ при этомъ не былъ? Или почему законы о единствѣ силы и субстанціи также не должны быть „установлены“? Если мы принимаемъ, что Канто-Лапидовская теорія истинна, то немедленно возникаетъ вопросъ: откуда изначала приходитъ раскаленный газовый шаръ? Откуда первый толчекъ къ движенію? Что есть атомъ? Если онъ не дѣлимъ, то необходимо непространственъ и если онъ не имѣетъ про-

---

развитія за тысячелѣтія назадъ, въ общемъ—печальное произведеніе зоологически разросшейся фантазіи ученаго! Ибо гдѣ мѣсто нравственнымъ героямъ, святымъ и пророкамъ челоуѣчества, которымъ мы обязаны нашимъ нравственнымъ и религиознымъ развитіемъ? Подобнаго рода мелочи естественно не принимаются въ соображеніе наряду съ „плѣнительными медузами“ и разноцвѣтными кораллами! Въ виду подобныхъ образчиковъ понятно, какъ Геккель можетъ забавляться надъ „нравственнымъ міропорядкомъ“ и (Іоан. IV г. 24 ст.), гдѣ заключается, по мнѣнію даже умѣреннаго религиознаго изслѣдователя, возвышеннѣйшее выраженіе религіи духа, обратить въ мнѣніе для своей пустой остроты, что будто Бога слѣдовало бы мыслить, какъ газообразное позвоночное.

странства, то необходимо долженъ быть нематеріальнымъ; а если онъ—не матеріаленъ, то какъ затѣмъ можетъ служить краеугольнымъ камнемъ видимаго міра? Какъ могутъ два атома дѣйствовать другъ на друга, если ихъ слѣдуетъ мыслить раздѣленными пустымъ пространствомъ? Откуда берутъ право мыслить атомы одушевленными, когда никогда никто не видалъ или не наблюдалъ атома? Какъ можно доказать, что жизнь состоитъ изъ комбинаціи атомовъ? Можно ли изъ случайной встрѣчи мириадъ другъ около друга вертящихся атомовъ объяснить чувственный міръ, не допуская упорядочивающей духовной силы, которая владѣла бы атомами и подчиняла ихъ общимъ цѣлямъ?

На такіе вопросы серьезные мыслители, по скольку они мыслили чисто научно, какъ показано выше (см. II; 4—2) отвѣчали только: *ignotamus* или даже *ignorabimus*: мы никогда не будемъ знать этого. Но Геккель очень далекъ отъ такой скромности. Только въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ необходимо сознается въ своемъ невѣдѣніи. Въ настоящее время мы, по нему, еще совершенно не въ состояніи образовать себѣ сколько-нибудь удовлетворительное представленіе о собственной сущности атомовъ и ихъ отношеніи къ всеобщему наполняющему пространство загадочному міровому эфиру (*Der Monismus*, стр. 16, 17, 43).

Но это не препятствуетъ ему обращаться съ обоими неизвестными, какъ будто онъ зналъ ихъ совершенно точно. Комическое положеніе! Инымъ хотѣлось бы допустить Гиккелевское объясненіе міра и удовольствоваться указаніемъ на два неизвѣстныхъ, которыхъ ни самъ онъ, ни другой кто не видѣлъ. Странное противорѣчіе! Хотятъ доказать естественно-научно новое міровоззрѣніе и начинаютъ требованіемъ вѣры, вѣры въ одушевленные атомы и міровой эфиръ. Подобнымъ образомъ уже ранѣе Бюхнеръ развязно распоряжался „силою и веществомъ“, не зная, что такое „сила“ и „вещество“. Фиміамъ, которымъ кадили этимъ двумъ божествамъ на высотахъ образованія, теперь прекратился и нѣкто къ своему постыженію замѣтилъ, что онъ позволилъ одурачить себя двумя пустыми словами. Геккель приступаетъ къ дѣлу болѣе искусно, чѣмъ

его предшественникъ, когда онъ вмѣсто „силы“ призываетъ на помощь міровой эфиръ. Міровой эфиръ долженъ быть создающимъ божествомъ. И чтобы выставить его нѣсколько почетнѣе, привѣшиваютъ на него только что отринутыя идеи истиннаго, благого и прекраснаго—поистинѣ съ такимъ же вкусомъ, какъ еслибы маркетгелфера задрапировали въ королевскій пурпуръ! Гдѣ монизмъ со всѣмъ своимъ остроуміемъ готовъ погибнуть, неожиданно выступаетъ ему на помощь міровой эфиръ. Всевозможныя способности въ этомъ понятіи, какъ бы въ нѣкоемъ саквояжѣ, помѣщенныя—понятіе отличается такою терпимостью—являются въ концѣ концовъ вполне достаточными для того, чтобы объяснить міръ. Это созданіе фантазіи называютъ затѣмъ создающимъ божествомъ и провозглашаютъ пророчески—вдохновенно, что удалось разрѣшить міровую загадку! Развѣ наука это, а не фантазія?

N. N.

(Продолженіе будетъ).

Путешествіе Гоголя въ Святую Землю.

*„Вся Святая мѣста должны быть въ
твоей душѣ“.*

Изъ письма Гоголя къ В. А. Жуковскому.

Мысль Н. В. Гоголя о поѣздкѣ въ Св. Землю и ея осуществленіе стоятъ въ неразрывной связи съ общимъ ходомъ развитія и характеромъ его религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія. Поэтому и самъ Гоголь, примѣняя ко всему существующему выработанную имъ точку зрѣнія личной и общественной нравственности, смотрѣлъ на свое путешествіе въ Палестину, какъ „на важнѣйшее изъ событій своей жизни“¹⁾.

Дѣйствительно, путешествіе Гоголя въ Св. Землю является самымъ яркимъ фактомъ его жизни, въ которомъ обнаруживается высоконравственная личность поэта, его усиленные стремленія къ нравственному самоусовершенствованію, его религіозность, которой самъ Гоголь сообщилъ высокое значеніе чисто народной, русской черты. Съ другой стороны, паломничество Гоголя, помимо частнаго біографическаго интереса, имѣетъ общенародный смыслъ: оно открываетъ намъ важное значеніе Палестины для русскаго православнаго человѣка, такъ идеально выразившееся въ Гоголѣ.

Въ цѣляхъ возвышенія и оживленія своего нравственнаго состоянія, Гоголь еще въ 1835 году посѣтилъ Кіевскія святыни, и онѣ произвели на него сильное впечатлѣніе²⁾. Въ тѣхъ же нравственныхъ цѣляхъ Гоголь давно уже задумалъ свою поѣздку въ Іерусалимъ. Къ началу осени 1841 г., окончивъ заграницей свою работу надъ первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь для напечатанія его отправляется въ Россію. Но въ Москвѣ Гоголь встрѣтилъ столько неприя-

¹⁾ Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрова; т. III, стр. 420.

²⁾ Вѣстн. Европ. 1865 г., кн. VIII, стр. 718.

ностей, что настроеніе его вскорѣ стало раздражительнымъ. Цензурныя затрудненія и хлопоты разстрсили его окончательно. Въ это-то время у него созрѣваетъ планъ душевнаго „воспитанія“ и вмѣстѣ путешествія въ Іерусалимъ.

Намѣреніе Гоголя отправиться въ Іерусалимъ на первыхъ же порахъ является естественнымъ плодомъ поставленныхъ имъ для себя цѣлей воспитанія души, его душевнаго возрожденія. Объ этомъ онъ ясно говоритъ въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ 6 августа 1842 г., гдѣ онъ старается разсѣять недоумѣніе, возбужденное въ друзьяхъ слухомъ объ его, Гоголя, сборахъ въ „отдаленное путешествіе“ (т. е. въ Палестину). Для друзей Гоголя, еще не проникшихъ въ загадочную, таинственную лабораторію духа великаго юмориста, представлялось въ высшей степени страннымъ его намѣреніе отправиться въ Палестину. По словамъ Гоголя, они „съ изумленіемъ тарасили на него глаза, мѣряли его съ ногъ до головы, какъ будто спрашивая: не ханжа ли онъ, не безумный ли онъ“ ¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Гоголь, — „человѣку, не носящему ни клобука, ни митры, смѣшившему и смѣшающему людей, считающему и донынѣ важнымъ дѣломъ выставить неважныя дѣла и пустоту жизни, такому человѣку—не правдали-ли? странно предпринять такое путешествіе“ ²⁾ Слухи о путешествіи Гоголя ходили въ обществѣ въ такомъ чудовищно искаженномъ видѣ, что самой матери Гоголя, сбитой съ толку общей молвой, представлялось, что ея сынъ „намѣренъ остаться навсегда въ Іерусалимѣ“ ³⁾. Но никто не зналъ настоящей причины этого путешествія, потому что мало кому были знакомы тайны души великаго писателя. Медленный анализъ надъ душой человѣка, душевное самоуглубленіе, которымъ Гоголь былъ приведенъ ко Христу, принято было среди друзей одними за ханжество, другими за религіозныя экзальтаціи. На самомъ же дѣлѣ, въ немъ не было ничего похожаго на ханжество, или хотя на „простодушное богомольство и набожность, которою, по словамъ Гоголя, дышитъ наша добрая Москва, не думая о томъ, чтобы быть лучшею“ ⁴⁾; въ его намѣреніи отправиться въ Іерусалимъ не видно также проявленія слѣ-

¹⁾ Письма Гоголя, II, 208 стр.

³⁾ Ibid. III, 329 стр.

²⁾ Ibid. II, 208 стр.

⁴⁾ Ibid. II, 206 стр.

пого фанатизма и жаркаго, вдругъ рождающагося увлеченія, мгновеннаго порыва. „Отдаленное путешествіе“ Гоголя должно было явиться нагляднымъ выраженіемъ теплаго чувства благодарности и влеченія ко Христу за то возвышенное настроеніе, которое положило яркій отпечатокъ на все его нравственное міровоззрѣніе „Какъ вы хотите, чтобы въ груди того, который слышалъ высокія минуты небесной жизни, который услышалъ любовь, не возродилось желаніе взглянуть на ту землю, гдѣ проходили стопы Того, Кто первый сказалъ слово любви сей человѣкамъ, откуда истекла она на міръ ¹⁾?.. Такія слова можетъ диктовать только возвышенная душа истиннаго христіанина.

Торжественное настроеніе Гоголя, переживаемое имъ въ 1842 г., открывало предъ его просвѣтленнымъ нравственно-поэтическимъ взоромъ широкіе горизонты будущей дѣятельности. Первая часть „Мертвыхъ Душъ“, уже оконченная, представляется ему теперь лишь блѣднымъ предверіемъ той великой поэмы, которая вачинаетъ строиться въ немъ и разрѣшить загадку его существованія ²⁾. Такимъ образомъ, всѣ жизненныя цѣли Гоголя сводятся теперь къ успѣшному выполненію задуманнаго имъ труда надъ „Мертвыми душами“. Этотъ трудъ долженъ былъ выразить все то новое и высокое, чѣмъ была наполнена его душа. Поэтому естественно, что планъ путешествія въ Іерусалимъ долженъ былъ осуществиться лишь послѣ окончанія „великой поэмы“. „Окончаніе труда моего предъ путешествіемъ моимъ такъ необходимо мнѣ, какъ необходима душевная исповѣдь предъ святымъ причащеніемъ“ ³⁾, — писалъ Гоголь въ декабрѣ 1842 г. Н. Н. Шереметьевой.

Между тѣмъ до 1845 г. трудъ Гоголя надъ „Мертвыми Душами“ почти не подвигается, и, недовольный написаннымъ, онъ въ серединѣ этого года въ другой разъ уничтожаетъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ“. Здоровье Гоголя все сильнѣе разстраивается; силы его упадаютъ; душевное равновѣсіе исчезаетъ; нѣтъ уже тѣхъ свѣтлыхъ душевныхъ восторговъ, которые выливались въ письмахъ 1842 г. Однако Гоголь еще не оставляетъ надежды, съ наступленіемъ будущаго года, привести въ исполненіе свою давнюю мечту — отправиться въ

¹⁾ Ibid. II, 208 стр.

²⁾ Ibid. II, 158 стр.

³⁾ Ibid. II, 248 стр.

Иерусалимъ, „чувствуя, что тамъ только обрѣтеть полное выздоровленіе“ ¹⁾. Съ этой цѣлью, чувствуя нужду въ „дальней дорогѣ“ ²⁾ и считая благословеніе въ путь, преподанное преосв. Иннокентіемъ, за Божіе внушеніе ³⁾, Гоголь выѣхалъ изъ Москвы и простился со своими друзьями за тѣмъ, чтобы въ Римѣ встрѣтить начало зимы (1845 г.), а въ концѣ зимы, къ говѣнію и пасхѣ (1846 г.), совершить путешествіе въ Иерусалимъ такъ, какъ долженъ совершать истинный христіанинъ ⁴⁾. Гоголь начинаетъ теперь серьезно подготавливаться къ своему паломничеству. Въ письмѣ отъ 14 февраля 1845 г. онъ проситъ Н. Н. Шереметьеву молиться заранѣе, чтобы Богъ приготовилъ его душу къ этому подвигу ⁵⁾, а Н. М. Языкова въ письмѣ отъ 5 апрѣля того же года онъ проситъ прислать „Путешествіе къ св. Мѣстамъ“ Норова ⁶⁾. Въ это же время онъ ищетъ себѣ попутчика въ Иерусалимъ, надѣясь на своего друга—Погодина, который, какъ мы узнаемъ изъ письма Языкова отъ 17 февраля 1845 г., пораженный нѣсколькими тяжелыми испытаніями сряду, задумалъ было путешествіе въ Иерусалимъ ⁷⁾.

Но мечты Гоголя не сбылись. Болѣзненное состояніе его усиливается. Работѣ надъ „Мертвыми Душами“, съ которой, какъ извѣстно, связано было путешествіе въ Палестину, не предвидѣлось и конца. Волей-неволей пришлось сдѣлать уступку вялой работѣ творчества. Путешествіе отодвигается еще на годъ ⁸⁾, до послѣднихъ чиселъ января 1847 года ⁹⁾.

Между тѣмъ Гоголю передъ своимъ отправленіемъ на поклоненіе къ св. Мѣстамъ хотѣлось „подать голосъ“ ¹⁰⁾ обществу, чтобы быть вполне готовымъ и достойнымъ этого поклоненія. Въ эту то пору тяжелыхъ недуговъ Гоголь задумываетъ выпустить въ свѣтъ „Выборныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. Теперь выполненіе плана о путешествіи въ Иерусалимъ приурочивается уже къ окончанію и къ успѣхамъ этого новаго труда, кото-

1) Ibid. III, 25 стр.

2) Ibid. III, 28 стр.

3) Русск. Арх. 1890 г. VIII, стр. 60.

4) Письма Гоголя, III т., 28 стр.

5) Ibid. стр. 2.

6) Ibid. III, 46.

7) Ibid. III, 46; см. III, 248, примѣч. 2.

8) Ibid. III, 153, 156, 160, 161 и проч.

9) Ibid. III, 164.

10) Ibid. III, 197 стр.

рымъ Гоголь надѣялся принести большую пользу, сказавъ много существенно-нужнаго для всѣхъ. Всѣ препятствія по изданію книги, равно какъ и благопріятный ходъ обстоятельствъ, получаютъ теперь для Гоголя значеніе указаній Божіихъ ¹⁾. Если Богъ благоволитъ все устроить, какъ слѣдуетъ, то это будетъ знакъ, что смѣло можно пускаться въ дорогу ²⁾. Къ такому заключенію приходитъ страдалецъ-христіанинъ, всегда вѣровавшій въ силу Провидѣнія. Поэтому Гоголь рѣшилъ покорно ждать святой воли Божіей и не пускаться въ дорогу безъ яснаго указанія отъ Неба ³⁾.

Съ другой стороны, какъ знака воли Божіей, Гоголь ожидаетъ непреодолимаго влеченія въ ту землю, гдѣ ходили небесныя стопы Господа. „Знакомъ будетъ уже и то,—пишетъ онъ отъ 8 ноября 1846 г. Н. Н. Шереметьевой,—когда все, что ни есть во мнѣ,—и сердце, и душа, и мысли, и весь составъ мой,—загорится въ такой силѣ желаніемъ летѣть въ Обѣтованную святую эту Землю, что уже ничто не въ силахъ будетъ удержатъ, и, покорный попутному вѣтру Небесной воли Его, понесусь, какъ корабль, не отъ себя несущійся“ ⁴⁾.

Но всѣ эти желанія и надежды Гоголя не оправдались къ ожидаемой веснѣ 1847 года, несмотря на то, что въ концѣ 1846 года, познакомившись съ графиней Апраксиной, Гоголь пріѣзжаетъ, по ея приглашенію, въ Неаполь съ тѣмъ, чтобы, съ наступленіемъ весны, ѣхать въ Іерусалимъ.

Когда вышла въ свѣтъ знаменитая „Переписка съ друзьями“ извѣстно, какую бурю толковъ и порицаній вызываетъ она въ обществѣ! Гоголь получаетъ множество писемъ и критическихъ статей, съ самыми рѣзкими отзывами объ его книгѣ. Къ этому еще нужно прибавить непріятныя для Гоголя цензурныя урѣзки въ издаваемой „Перепискѣ“, жестокия до такой степени, что, по его словамъ, вмѣсто книги вышла брошюра. Все это принимается имъ за указанія свыше, что время для задуманнаго путешествія на Востокъ еще не настало, и оно отодвигается еще на годъ, къ будущему 1848 году.

Колебанія Гоголя, по мѣрѣ приближенія поѣздки, назначенной къ веснѣ 1847 года, еще болѣе усиливались оттого, что

¹⁾ Ibid. III. 261.

²⁾ Ibid. III. 248.

³⁾ Ibid. III. 248.

⁴⁾ Ibid. III. 248.

онъ чувствовалъ себя нравственно не вполне готовымъ къ путешествію.

Предъявляя къ своей личности высокія идеальныя требованія, Гоголь неудовлетворяется тѣми результатами, которыхъ онъ достигъ въ дѣлѣ своего самовоспитанія. Въ это же время, какъ писатель, онъ требуетъ болѣе очевидныхъ заслугъ для общества и отъ своего литературнаго таланта, по сравненію съ тѣмъ, что имъ уже сдѣлано. Предъ такимъ важнымъ актомъ, какъ путешествіе въ Іерусалимъ, является естественное желаніе писателя, привыкшаго провѣрять свою жизнь предъ своимъ внутреннимъ судомъ, сдѣлать много, самому сдѣлавшись лучшимъ. Путешествіе Гоголя не есть простое поклоненіе: много, много ему нужно будетъ обдумать тамъ, у Гроба самого Господа, и отъ Него испросить благословеніе на все, въ самой той землѣ, гдѣ ходили Его Небесныя стопы ¹⁾. Поэтому само христіанское смиреніе говоритъ устами Гоголя: „мнѣ нельзя отправиться неготовому, какъ иному можно, и весьма можетъ быть, что и въ этомъ году мнѣ опредѣлено будетъ еще не поѣхать“ ²⁾.

Но медленность сборовъ Гоголя въ путь происходила не мало также и отъ того обстоятельства, что для него рѣшительно не отыскивалось никакого близкаго душѣ попутчика. Между тѣмъ иначе онъ и не думалъ пускаться въ дальнюю дорогу. Еще въ письмѣ къ Н. М. Языкову, отъ 5 апрѣля 1845 г., Гоголь освѣдомляется, уѣхалъ ли Погодинъ въ Іерусалимъ, или отложилъ свою поѣздку на другое время ³⁾. И послѣ, въ 1847 году, въ письмѣ отъ 20 апрѣля Гоголь уже лично склоняетъ М. П. Погодина вмѣстѣ отправиться къ Св. Мѣстамъ, указывая на то, что они были бы теперь другъ другу очень нужны ⁴⁾. Гоголь старался также дѣйствовать на Погодина черезъ его мать, предлагая къ услугамъ ея сына свои практическія способности, столь необходимыя въ дальней дорогѣ; по его словамъ, онъ можетъ быть вѣрнымъ и очень расторопнымъ попутчикомъ, умѣющимъ заготовить и съѣстными припасами, и всѣмъ, что нужно для пути ⁵⁾. Такія же на-

¹⁾ Ibid. III, 248.

²⁾ Ibid. III, 248.

³⁾ Ibid. III, 46.

⁴⁾ Ibid. III, 439.

⁵⁾ Ibid. III, 449.

стойчивыя приглашенія вмѣстѣ отправиться на Востокъ Гоголь посылаетъ и Смирновой,—указывая ей пользу этого путешествія, „какъ единственнаго лѣкарства при ея разстроенныхъ нервахъ ¹⁾,—и А. П. Толстому ²⁾. Но всѣ эти ожиданія „близкаго душѣ попутчика“ не сбылись. Если у кого раньше и была мысль ѣхать вмѣстѣ съ Гоголемъ, то впоследствии эта мысль была отложена.

Наковецъ, немало замедляло путешествіе Гоголя и неудовлетворительное состояніе его здоровья, страшно растроившагося къ веснѣ 1847 г. ³⁾. Если присоединить къ этому позднее полученіе паспорта, врисланнаго Гоголю лишь 21 февраля 1847 г. ⁴⁾, то станетъ вполне понятнымъ, почему Гоголь не поспѣлъ въ Іерусалимъ къ Свѣтлому Воскресенію 1847 года.

Вотъ прошла и весна 1847 года. Проведя по обыкновенію конецъ лѣта въ Остендѣ, Гоголь къ зимѣ переѣзжаетъ въ Неаполь съ тѣмъ, чтобы „быть ближе къ выгрузкѣ на корабль“. Но по мѣрѣ приближенія времени отъѣзда, имъ снова овладѣваютъ страхъ и колебанія, особенно вслѣдствіе того, что ожидаемое имъ неудержимое стремленіе въ путь и стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя, по его убѣжденію, должны были служить указавіемъ свыше, что пора собираться въ путь,—не наступали. Положимъ, Гоголю были знакомы минуты свѣтлаго восторга и душевной бодрости, сознанія готовности и стремленія къ путешествію, полного довольства своимъ душевнымъ состояніемъ, но эти минуты были такъ рѣдки, что онѣ мало замѣтны среди постоянныхъ сомнѣній, внутренняго недовольства, самобичеваній и упадка духа. То онъ заявляетъ о своемъ сильномъ, все возрастающемъ желаніи помолиться у Гроба Господня, послѣ всѣхъ тревогъ по изданію „Переписки съ друзьями“ ⁵⁾, и тѣмъ исполнить „потребность своей души“ ⁶⁾, то малодушный духъ его замираетъ при одной мысли о длинномъ переѣздѣ, и все почти моремъ, котораго Гоголь не въ силахъ былъ выносить и отъ котораго страдалъ ужасно ⁷⁾. Путешествіе Гоголя, порой „же-

¹⁾ Ibid. III, 219, 466.

²⁾ Ibid. III, 457.

³⁾ Ibid. III, 412.

⁴⁾ Ibid. III, 374.

⁵⁾ Ibid. III, 490; IV, 25.

⁶⁾ Ibid. IV, 120 примѣч.

⁷⁾ Ibid. IV, 107.

ланное и заманчивое“, въ другое время превращается въ его глазахъ въ рядъ мучительныхъ тревогъ и всякихъ затрудненій, возможныхъ на Востокѣ. Самое нездоровье Гоголя въ различные моменты его душевнаго состоянія является то побудительной причиною спѣшить съ путешествіемъ ¹⁾, то причиною, удерживающей его отъ дальней дороги моремъ, съ страшною для него морскою болѣзвью ²⁾; а пути по морю почти одиннадцать дней, включая сюда остановки по одному дню въ Мальтѣ, Александріи и Аѳинахъ ³⁾. Въ нѣкоторыхъ письмахъ Гоголя, относящихся къ концу 1847 года ⁴⁾, мы слышимъ почти вопль души изстрадавшагося за „свое недостойнство“ писателя, мучимаго сознаниемъ, что въ груди его черство, что вѣры у него нѣтъ вовсе. Чистый, по сравненію съ другими, какъ кристалль, онъ горитъ отъ стыда и не знаетъ, куда дѣться отъ несмѣтнаго множества неподозрѣваемыхъ прежде слабостей и пороковъ, удивляется, какъ Богъ не поразилъ его и не стеръ съ лица земли ⁵⁾. Все это, при отсутствіи попутчиковъ изъ близкихъ людей, неизвѣстно до какого времени отдалило бы поѣздку Гоголя въ Палестину, если бы ему, по его словамъ, уже не было „совѣстно“ не ѣхать. Поэтому, какъ видно изъ его январскихъ писемъ 1848 г., Гоголь, при всемъ сознаніи своего недостойнства, теперь твердо рѣшилъ итти поклониться Святому Гробу.

Предъ началомъ такого важнаго событія, какъ поѣздка въ Иерусалимъ, Гоголь проситъ своего духовнаго руководителя, о. Матвѣя Константиновскаго, отслужить въ продолженіе Великаго Поста и послѣ Пасхи три молебна „о благополучномъ путешествіи и возвращеніи на родину, въ благодатномъ и угодномъ Богу состояніи душевномъ“ ⁶⁾, на что назначаетъ 25 рублей. Съ такими же просьбами объ усердныхъ молитвахъ за все время пребыванія въ дорогѣ Гоголь обращается къ матери и друзьямъ ⁷⁾; на этотъ случай онъ сочиняетъ своей матери, а также доброй старушкѣ Н. Н. Шереметьевой молитву

¹⁾ Ibid. III, 169, 437.

²⁾ Ibid. IV, 118.

³⁾ Ibid. IV, 104.

⁴⁾ См. письмо Гоголя къ Шевыреву отъ 2 декабря 1847.

⁵⁾ IV, 154.

⁶⁾ IV, 118.

⁷⁾ IV, 90, 119, 154, 156, 161 и проч.

на особой записочкѣ, которую священникъ долженъ прочитывать „сверхъ того, что находится въ молебнахъ“ ¹⁾).

Заручившись, по приказу Государя Императора, отъ министра иностранныхъ дѣлъ „безпошлиннымъ паспортомъ на полтора года, для свободнаго путешествія по святымъ мѣстамъ“, а также рекомендательными письмами отъ графа Нессельроде ко всѣмъ русскимъ консуламъ въ турецкихъ владѣніяхъ, для того, чтобы съ ихъ стороны было оказываемо ему всевозможное покровительство и попеченіе ²⁾, Гоголь 22 января 1848 г. сѣлъ въ Неаполѣ на корабль и въ тотъ же день былъ уже на островѣ Мальтѣ.

Во время этого короткаго переѣзда по Средиземному морю Гоголю пришлось испытать всѣ непріятныя ощущенія морской болѣзни. Въ Мальту онъ пріѣхалъ совершенно разбитый. Страданія его отъ морской качки были до такой степени невыносимы, что на кораблѣ „всѣ до одина возымѣли о немъ жалость, сознаваясь, что не видывали, чтобы кто такъ страдалъ“ ³⁾. „Еще не было сильной бури, а уже меня привело въ такое состояніе непрерывной рвоты всякія десять минутъ, что я походилъ скорѣе на умирающаго, чѣмъ на сохраняющаго въ себѣ залогъ жизни. До сихъ поръ едва могу придти въ состояніе мыслить и чувствовать, и какъ подумаю, что предстоятъ цѣлые дни безостановочнаго пребыванія на морѣ, безъ заѣздовъ на твердую землю,—духъ захватываетъ“ ⁴⁾);—писалъ Гоголь съ пути. Но всѣ эти ужасы морской болѣзни не ослабляли въ Гоголѣ душевныхъ порывовъ къ Святому Гробу. Чуждый интереса къ „современнымъ вопросамъ“, занятый всецѣло анализомъ своей души, по его словамъ, „холодной и черствой“,—мыслями о всепрощающей любви ⁵⁾, Гоголь благодаритъ Бога за то, что тронулся въ дорогу ⁶⁾.

Θ. Воронинъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ IV, 157, 161.

²⁾ См. письмо В. Θ. Адлерберга отъ 9 янв. 1847 г.; т. III, 316—317.

³⁾ Ibid. т. IV, 163.

⁵⁾ IV, 167.

⁴⁾ IV, 168.

⁶⁾ IV, 165.

Современный пессимизмъ и ветхозавѣтное ученіе о суетности всего земного *).

„Суета суетъ, все суета и томленіе духа“ (Еккл. I, 2, 14)!.. Вотъ уже истекаетъ третье тысячелѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ эта многозначительная фраза впервые была произнесена великимъ ветхозавѣтнымъ мудрецомъ, глубокимъ и вдохновеннымъ знатокомъ жизни человѣческой,—и однако, до сихъ поръ она сохранила свое значеніе и нерѣдко повторяется нами, когда мы желаемъ выразить мысль о безуспѣшности или безрезультатности нашихъ стремленій и предпріятій, о противорѣчии валичной дѣйствительности нашимъ практическимъ интересамъ. Человѣческая мысль въ своемъ прогрессивномъ историческомъ теченіи, по свидѣтельству исторіи философіи, неоднократно останавливалась на этой идеѣ, отливаясь въ формы то такъ наз. скептицизма, то самаго мрачнаго безнадежнаго пессимизма. Естественно возникаетъ вопросъ: есть ли *что-нибудь общее* между новѣйшими и современными пессимистическими направленіями мысли и ветхозавѣтнымъ ученіемъ о суетности всего земного бытія, о бесплодности всѣхъ земныхъ стремленій человѣка къ положительному благу или счастью? Въ какую форму облекла новѣйшая культурная мысль и жизнь человѣчества эту идею боговдохновеннаго мудреца — Екклезіаста, высказанную такъ просто и безыскусственно — „все суета и томленіе духа“?!...

I.

1. *Пессимизмъ въ его историческомъ прошломъ.*—Историческое прошлое такъ называемаго философскаго пессимизма пред-

*) Публичная лекція, читанная въ залѣ Маріинской жен. гимназіи г. Житомира

ставляется не совсѣмъ яснымъ. Нѣкоторые склонны видѣть зародышъ его еще въ ученіи перваго греческаго философа— идеалиста ¹⁾ Платона, считавшаго внѣшній міръ только *относительной* дѣйствительностью, постоянно измѣняющейся, а потому—не истинной, недоставляющей человѣку ни надлежащаго теоретическаго значенія, ни полнаго нравственнаго удовлетворенія. Въ одномъ изъ своихъ діалоговъ Платонъ выставляетъ исполненный презрѣнія къ міру идеаль философа, который, видя, что земная жизнь преисполнена зла, какъ можно поспѣшнѣе устремляется къ божеству (Teaet. 172, 176). А въ діалогѣ „Федонъ“ эта отрицательная мораль Платона развивается самымъ обстоятельнымъ образомъ: здѣсь говорится, что вся жизнь философа есть умираніе, постепенное очищеніе души отъ накипи чувственнаго существованія, такъ какъ въ тѣлѣ душа заключена, какъ въ темницѣ, изъ которой она можетъ и должна освободиться посредствомъ знанія и добродѣтели (Phaed. 64 sqq.). Въ діалогѣ „Законы“ убѣжденіе Платона въ испорченности міра доходитъ до того, что онъ признаетъ даже существованіе злой міровой души, противодѣйствующей божественному началу, и впадаетъ въ пессимистическое отчаяніе относительно возможности осуществленія своего „идеальнаго государства“. Несмотря, однако, на все это, мы не посмѣемъ назвать Платона пессимистомъ въ современномъ смыслѣ этого слова, и вотъ почему. Во 1-хъ, Платонъ очень ясно проводитъ въ своей философіи телеологическое воззрѣніе на природу; во 2-хъ, онъ прямо говоритъ, что нравственность дѣлаетъ человѣка истинно счастливымъ, какъ въ этомъ, такъ и въ потустороннемъ мірѣ (Resp. 9—10 кн.), и, хотя полагаетъ *высшее благо* въ созерцательномъ общеніи души съ міромъ идей, но не отрицаетъ реальности „чистаго, безпечальнаго чувственнаго удовольствія“. Въ діалогѣ „Филебъ“ мы встрѣчаемъ подробное распредѣленіе благъ по степенямъ. Гораздо въ большей степени соотвѣтствуетъ новѣйшему пессимизму система стоиковъ, проповѣдывавшихъ полное отреченіе отъ міра съ его благами, равнодушіе ко всякимъ удовольствіямъ, какое-то духовное замира-

¹⁾ Если не имѣть въ виду здѣсь болѣе равнаго обще-идеалистическаго направленія философіи Элейской школы.

ніе или такъ назыв. *анатію*, характеризуемую невозмутимымъ спокойствіемъ духа и совершеннымъ погашеніемъ всѣхъ живыхъ стремленій къ счастью. Въ конечномъ выводѣ стоиковъ получается слѣдующее положеніе: счастье состоитъ въ томъ, чтобы не искать счастья, разъ навсегда отрѣвшись отъ него.

Но самымъ дѣйствительнымъ и естественнымъ предшественникомъ новѣйшаго философскаго пессимизма въ исторіи человѣческой мысли является скептицизмъ, хотя бы даже и чисто гносеологическій. Скептицизмъ, или, какъ называютъ его ясиѣе, „философія сомнѣнія“, въ своихъ основныхъ началахъ представляетъ весьма благоприятную почву для развитія всякаго рода пессимистическихъ теорій. Это оправдывается исторіей философіи. Вотъ примѣръ. Остроумнѣйшимъ представителемъ „философіи сомнѣнія“ во Франціи былъ философъ XVI вѣка Мишель Монтань. „Нѣтъ надежной, всеобще признанной истины“, провозглашалъ онъ; „каждый имѣетъ отдѣльное мнѣніе, тогда какъ истина можетъ быть только одна... Человѣческій разумъ слабъ и слѣпъ, знаніе обманчиво, память наполнена ученымъ вздоромъ..., разумокъ остается пустымъ..., знанія—и чувства и разума—ненадежны..., только сомнѣніе освобождаетъ отъ предрасудковъ“. Эта скептическая точка зрѣнія Монтаня была обработана въ систему парижскимъ священникомъ Пьерромъ Шаррономъ, который на почвѣ философіи сомнѣнія напѣваетъ уже намъ такія пессимистическія мелодіи „разумъ и опытъ подвержены обманамъ..., мы не имѣемъ никакого средства для различенія истины и лжи,—отсюда слѣдуетъ, что мы рождены искать истину, но не обладать ею... Для насъ остается сомнѣніе и изслѣдованіе, какъ единственное благо среди окружающихъ насъ заблужденій и скорбей... Жизнь—одно только бѣдствіе... Человѣкъ способенъ только на посредственныя вещи: онъ и не совсѣмъ хорошъ и не совсѣмъ золъ; онъ слабъ въ добродѣтели, слабъ даже въ пороки; самое лучшее портится въ его рукахъ“¹⁾... и т. д., и т. д. Геніальнѣйшій представитель скептицизма XVII столѣтія Пьеръ Бэйль тяветъ ту-же скучную, монотонную и заунывную пѣсню на излюбленный мотивъ всѣхъ пессимистовъ: „такъ какъ въ

¹⁾ Фалькенбергъ—Исторія новой философіи, стр. 46. СПб. 1898 г.

жизни боль и отчаяніе въ огромной степени превосходятъ наслажденіе, то и дурныхъ поступковъ совершается въ такой-же степени больше, чѣмъ добрыхъ... Исторія—собраніе злодѣйствъ; на тысячу преступленій приходится одинъ подвигъ“¹⁾...

2. *Стадіи новѣйшаго пессимизма и его представители.*—Новѣйшій пессимизмъ является намъ въ двухъ видахъ или стадіяхъ,—какъ пессимизмъ *эвдемонистическій* и *этический*. Первый утверждаетъ, что сумма недовольствій и бѣдствій въ жизни человѣческой превышаетъ сумму наслажденій; второй основывается на томъ, что люди и ихъ поступки въ наибольшей части—дурны. Основателями новѣйшаго пессимизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ—наиболѣе точными выразителями современныхъ пессимистическихъ настроеній и направленій мысли, по всей справедливости, должны быть признаны вѣмецкіе философы XIX столѣтія—Шопенгауэръ и Гартманъ. Къ возможно краткому анализу ихъ сложныхъ воззрѣній мы и обратимся теперь.

3. *Пессимизмъ Шопенгауэра.*—„Безотрадное и мрачное, но въ то же время грандіозное и, по-своему, очень поэтическое міросозерцаніе Шопенгауэра“, говоритъ проф. Лопатинъ, „производитъ впечатлѣніе не только на философовъ по профессіи,—оно пользуется извѣстностью и среди диллетантовъ, имъ увлекается обыкновенная читающая публика, оно вдохновляетъ романистовъ и поэтовъ, и это не въ одной Германіи, а и въ другихъ странахъ Европы. Въ пессимизмѣ Шопенгауэра современное европейское человѣчество нашло могучее и оригинальное выраженіе для той внутренней тоски, для того глубокаго нравственнаго разочарованія и утомленія, которымъ страдали и страдаютъ столь многіе въ наше время“²⁾.

Сущность міроваго бытія.—Самъ Шопенгауэръ считаетъ себя ученикомъ Канта. Съ этимъ связано основное положеніе его философіи: міръ, какъ мы его знаемъ, существующій въ пространствѣ и времени, подчиненный неизбѣжнымъ законамъ связи причинъ и слѣдствій, есть только наше *представленіе*. „Міръ есть мое *представленіе*“—такимъ утвержденіемъ начи-

¹⁾ Ibidem, стр. 139.

²⁾ Проф. Л. М. Лопатинъ—Лекція по исторіи новой философіи, 1891 г.

наетъ Шопенгауэръ одно изъ самыхъ главныхъ своихъ философскихъ сочиненій¹⁾. „Эта истина, продолжаетъ Шопенгауэръ, имѣетъ силу для каждаго живаго, познающаго существа, хотя только человѣкъ можетъ повяты ея.... И когда онъ пойметъ ее, тогда ему станетъ ясно и несомнѣнно, что онъ не знаетъ никакого солнца, никакой земли, а—только глазъ, видящій солнце, руку, осязающую землю,—что окружающій его міръ существуетъ только какъ представленіе, т. е. только по отношенію къ другому, представляющему (началу), которое есть самъ человѣкъ“²⁾. Міръ впервые отражается въ нашемъ представленіи. Сознаніе есть зеркало міра; но помимо его, какъ представляющаго *субъекта*, міръ или *объектъ* не существуетъ. Однако, *представленіе*, по Шопенгауэру, не можетъ быть сущностью міра: объектъ не существуетъ безъ представляющаго субъекта—это такъ,—но, вѣдь, и субъектъ, т. е. сознаніе, представленіе, необходимо предполагаетъ нѣкоторое предшествующее бытіе, которое вызываетъ или образуетъ его. Субъектъ, такимъ образомъ, *творитъ* міръ, представляя его, но въ то же время и самъ онъ есть его *твореніе*. И если бы мы были только представляющими существами, познающими субъектами (по выраженію Шопенгауэра: „окрыленной головой ангела безъ тѣла“), то такъ и не пашли-бы сущности міра, но у насъ есть еще тѣло, въ которомъ замѣчаются извѣстныя движенія и дѣйствія, *непосредственно* доступныя нашему сознанію, какъ проявленія или обнаруженія (*объективация*) воли. Эта воля, составляющая внутреннее существо человѣка, есть вмѣстѣ и сущность міра, потому что міръ можетъ быть объясненъ только изъ человѣка, представленіе котораго онъ составляетъ. Итакъ, сущность міра—*воля*³⁾. Она проявляется вездѣ и во всемъ—и въ силахъ неодушевленной природы, въ формѣ бессознательныхъ механическихъ движеній, и въ одушевленныхъ сознательныхъ существахъ. Шопенгауэръ, такимъ образомъ, расширяетъ понятіе воли далеко за предѣлы жизни сознанія. Волей съ его точки зрѣнія можетъ быть названа и

1) *Артуръ Шопенгауэръ*.—Міръ какъ воля и представленіе. Перев. А. Фета. СПб., изданіе А. Ф. Маркса.

2) *Ibidem*. § 1-й.

3) *Ibidem* §§ 18—19, стр. 105—108.

любая сила природы. Различныя силы природы суть только особыя формы одной и той-же воли, дѣйствующей во всей природѣ. Различіе между слѣпой природной силой и сознательнымъ поступкомъ воли есть различіе только въ степени, а не по существу. Воля, говоритъ Шопенгауэръ, „питаетъ и развиваетъ растеніе“, воля „обращаетъ магнитную стрѣлку къ сѣверу...., влечетъ камень къ землѣ, а землю къ солнцу“ ¹⁾ и т. п.

Обще-міровая борьба.—Шопенгауэровская воля, составляющая зерно всего міроваго бытія, неудержимо стремится къ своему универсальному проявленію или обнаруженію (объективациі). Способомъ или средствомъ къ этому проявленію служитъ *борьба*. Но разъ шопенгауэровская воля царитъ вездѣ, то естественно, что весь міръ представляетъ собою кровавую сцену непрерывной борьбы и вражды, какъ слѣпыхъ силъ природы, такъ и живыхъ и сознательныхъ индивидуальныхъ организмовъ. Эту мысль Шопенгауэръ иллюстрируетъ примѣрами. Такъ, въ царствѣ неорганической природы самый крупный примѣръ упомянутой обще-міровой вражды представляетъ отношеніе планеты къ центральному тѣлу: послѣднее стремится привлечь къ себѣ планету, а та бѣжитъ прочь отъ него. Царства растительное и животное даютъ еще болѣе разительные образцы той-же борьбы: могучій дубъ, растущій на берегахъ Миссури, обвивается по стволу и вѣтвямъ исполинской дикой лозой и, стиснутый въ ея объятіяхъ, погибаетъ. Поразительный фактъ борьбы *воли* съ самой собой представляетъ, по словамъ Шопенгауэра, австралійскій муравей—бульдогъ (bulldog-ant): „когда его разрѣжутъ на двое, начинается бой между головною частью и хвостомъ: первая нападаетъ своими челюстями, а послѣдній храбро защищается, уязвляя первую жаломъ; бой продолжается около получаса, пока обѣ части не умрутъ или не будутъ утащены другими муравьями“. Въ человѣческомъ родѣ эта борьба достигаетъ своего апогея, вполне оправдывая древнее изреченіе, что homo homini lupus est. Борьба становится тѣмъ напряженнѣе, чѣмъ выше мы будемъ подниматься по ступенямъ вѣшняго обнаруженія (объекти-

¹⁾ Ibidem § 21.

ваціи) воли; вмѣстѣ съ тѣмъ умножаются и орудія борьбы: на высшей ступени своей объективациі—въ человѣческихъ индивидуумахъ—воля въ качествѣ орудій для борьбы творить сознание и разумъ. Однако, этимъ она (воля) ничего не достигаетъ, потому что обсужденіе, размышленіе, а затѣмъ—колебанія и заблужденія, свойственныя разуму, только задерживаютъ обще-міровую борьбу, а слѣдовательно—и волю въ ея проявленіяхъ, становясь для нея камнемъ преткновенія. Такимъ образомъ, сознание и разумъ заключаютъ въ себѣ новое жало, которымъ воля поневолѣ язвитъ сама себя ¹⁾).

Итакъ, шопенгауэрская сущность міра—*воля* или стремленіе—есть стремленіе неукротимое, проявляющееся среди множества преградъ, воздвигаемыхъ имъ-же самимъ, вѣчно борющееся за свое обнаруженіе. Но какова-же послѣдняя цѣль всей этой міровой борьбы, всѣхъ стремленийъ воли? Изъ-за чего собственно воля такъ неудержимо порывается къ своему обнаруженію?.. Отвѣта на эти вопросы Шопенгауэръ не даетъ, потому что съ его точки зрѣнія такихъ вопросовъ и ставить нельзя. Всякій разъ и всюду для воли достигнутая цѣль служитъ исходнымъ пунктомъ новаго и новаго стремленія. Воля здѣсь идетъ въ бесконечность: „отсутствіе всякой границы, а отсюда—и всякой опредѣленной цѣли, составляетъ существо воли въ самой себѣ, которая вся—бесконечное стремленіе“; это—какая-то бесконечная центробѣжная сила. Растеніе долго стремится отъ зародыша чрезъ стволъ, вѣтви и листву къ цвѣту и плоду, составляющему—повидимому—послѣднюю его цѣль, но этотъ плодъ на самомъ дѣлѣ „есть только начало новаго зародыша, который опять пробѣгаетъ старое поприще, и такъ до бесконечности“. Таково-же, по Шопенгауэру, жизненное поприще животнаго и человѣка съ его стремленіями и желаніями, которыя никогда не имѣютъ *послѣдней цѣли*, а представляютъ собою какую-то „игру постоянного перехода отъ желанія къ удовлетворенію и отъ удовлетворенія къ новому желанію“: быстрый ходъ этой игры люди называютъ счастьемъ, а медленный-страданіемъ ²⁾. Въ результатѣ, по Шопенгауэру,

¹⁾ Ibidem § 27, стр. 151 и слѣд.

²⁾ Ibidem. § 29, стр. 169—170.

выходъ, что „воля вынуждена пожирать самое себя, такъ какъ кромѣ ея ничего нѣтъ и она—голодная воля“.

Психологическое оправданіе пессимизма. Какую-же цѣну можетъ имѣть настоящій міръ, и въ частности жизнь человѣческая, если сущность всего составляетъ такая безцѣльная, неразумная и „голодная“ воля?... Выводъ Шопенгауэра ясенъ. Изъ такой сущности, говоритъ онъ, проистекаетъ вѣчная „травля, боязнь и страданіе“... „Всякое стремленіе возникаетъ изъ недостатка, изъ недовольства своимъ состояніемъ и есть, слѣдовательно, страданіе пока оно не удовлетворено; но никакое удовлетвореніе не продолжительно: оно есть исходный пунктъ новаго стремленія“. Къ тому-же, стремленіе на пути своего осуществленія преграждается многоразличными препятствіями и потому является всегда въ формѣ страданія; но разъ нѣтъ *послѣдней* „цѣли стремленія, то слѣдовательно, нѣтъ мѣры и цѣли страданію“. Далѣе. Выше сказано, что стремленіе и борьба воли развиваются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше мы поднимаемся по ступенямъ объективациі воли,—значить, и страданіе прогрессируетъ въ той-же мѣрѣ. Такъ, растенія лишены чувствительности и еще чужды страданія. Самой-же высокой степени страданія достигаютъ въ человѣкѣ, усиливаясь, при этомъ, по мѣрѣ развитія его сознанія и интеллекта: отсюда—„тотъ, въ комъ живетъ гевій, страдаетъ болѣе всѣхъ“. Въ такомъ смыслѣ, именно „по отношенію къ степени познанія“ и развитія ума, понимаетъ Шопенгауэръ изреченіе Екклезіаста: „кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь“ (Еккл. I, 18) ¹⁾.

Изъ сказаннаго видно, что *психологическое* обоснованіе пессимизма зиждется у Шопенгауэра на своеобразномъ пониманіи и толкованіи внутренней природы нашихъ чувствованій и актовъ воли (стремленій). Всякое желаніе или стремленіе, говоритъ Шопенгауэръ, возникаетъ изъ недостатка, который такимъ образомъ „есть предшествующее условіе всякаго удовольствія“; съ удовлетвореніемъ недостатка „кончается желаніе и слѣдовательно-удовольствіе“. Отсюда—„всякое удовлетвореніе, или тѣ, что обыкновенно называется счастіемъ, въ дѣйствительности и по существу имѣютъ только *отрицательный* и

¹⁾ Ibidem. § 56, стр. 322—323.

никакъ не положительный характеръ“. Вѣдь оно есть только „освобожденіе отъ страданія, отъ нужды“. . „Непосредственно данъ намъ всегда только недостатокъ, т. е. страданіе“. Оно есть плюсъ, величина *положительная*; счастье или благо есть только прекращеніе страданія, величина *отрицательная*, которую мы лишь вслѣдствіе иллюзіи считаемъ положительнымъ состояніемъ. Природа всякаго удовольствія отрицательна, такъ какъ оно лишь восполняетъ недостатокъ; только чувства неудовольствія положительны: только въ нихъ кроется постоянная потребность и непрерывное влеченіе, которыя поддерживаютъ жизнь и гонятъ ее впередъ. Поэтому-то всѣ чувства неудовольствія гораздо сильнѣе: всякое страданіе, всякое лишеніе какого бы то ни было блага сознается нами сразу и непосредственно, тогда какъ всякое благо чувствуется нами, какъ таковое, только въ то время, пока живы воспоминавія о страданіяхъ, имъ устраненныхъ: разъ забыты страданія, забывается и цѣнность блага ¹⁾. Мы замѣчаемъ боль, а не отсутствіе боли, — горе, а не беззаботность, страхъ, а не безопасность. Благополучіе есть безусловно отрицательное состояніе. Мы не замѣчаемъ здоровья, молодости, свободы — величайшихъ благъ, до тѣхъ поръ, пока они не минуютъ. Съ этой точки зрѣнія понятно, говоритъ Шопенгауэръ, почему страданія другихъ людей доставляютъ намъ нѣкоторое удовлетвореніе: они напоминаютъ намъ о нашихъ собственныхъ прошлыхъ страданіяхъ, отъ которыхъ мы свободны въ данный моментъ ²⁾.

Что всякое счастье имѣетъ только отрицательную природу и не есть что-либо постоянное и устойчивое — это положеніе, по мнѣнію Шопенгауэра, подтверждается какъ опытомъ самой жизни, такъ и искусствомъ и литературой. „Всякое эпическое или драматическое произведеніе можетъ только изображать борьбу, стремленіе и битву изъ-за счастья, но никакъ не самое счастье. Оно ведетъ своего героя черезъ тысячи затрудненій и опасностей къ цѣли: какъ скоро послѣдняя достигнута, оно быстро опускаетъ завѣсу“, потому что дальше пришлось бы изображать — какъ это пресловутое счастье подразнило героя, не давши ему ничего положительнаго. То же самое ви-

¹⁾ Ibidem. § 58, стр. 332 и слѣд.

²⁾ Ibidem.

димъ и въ музыкальномъ искусствѣ. Музыкальная мелодія, состоящая въ уклоненіи отъ основного тона, изображаетъ, по Шопенгауэру, „приливы и отливы человѣческаго сердца“, человѣческую жизнь въ ея стремленіяхъ, тревоженіяхъ и проч.; основной же тонъ служитъ выразителемъ удовлетворенія воли, счастья. Но мелодія только черезъ тысячи блужданій, доходящихъ „до болѣзненнаго диссонанса“, возвращается къ основному тону и то лишь для того, чтобы снова удариться въ новыя блужданія; а продлить основной тонъ, въ ущербъ прихотливымъ блужданіямъ мелодіи, значитъ внести въ музыку тягостную и безсодержательную монотонность, равносильную скукѣ ¹⁾).

Эмпирическое оправданіе пессимизма. Всѣ вышеизложенныя теоретическія соображенія, оправдывающія пессимистическій взглядъ на человѣческую жизнь, Шопенгауэръ подтверждаетъ и эмпирически—изъ фактовъ опыта, наблюденія и практическаго изученія жизни. Мы видѣли, что въ основѣ міра, по Шопенгауэру, лежитъ слѣпая воля, неудержимо стремящаяся къ своему обнаруженію, или слѣпое универсальное влеченіе къ жизни. Все стремится пробиться къ существованію, по возможности—въ высшей формѣ, и на пути этого стремленія возникаютъ борьба и взаимное истребленіе. Люди и животныя пожираютъ другъ друга, пожираютъ и растенія, которыя въ свою очередь поглощаютъ воздухъ, воду и другія вещества. Повсюду—„давка и смятеніе“, а вслѣдствіе этого погоня, боязнь и страданіе ²⁾. Въ результатѣ-же всего этого—абсолютный нуль. Отсюда истинный мыслитель, пессимистъ—по Шопенгауэру, разрушаетъ иллюзію жизни и открываетъ, что „жизнь есть предпріятіе, не дающее никакихъ процентовъ“. Такъ, со стороны физической наша жизнь совершенно призрачна, ничтожна. Дыханіе, сонъ, пища, согрѣваніе—все это только средства временной защиты въ необъятномъ морѣ жизни отъ неизбежнаго кораблекрушенія—смерти, которая только играетъ нами, какъ звѣрь добычей, и въ концѣ концовъ непременно проглотитъ насъ ³⁾. Со стороны внутренней, духов-

¹⁾ Ibidem, § 58, стр. 332—334.

²⁾ Г. Гегеллингъ—Исторія новѣйшей философіи, стр. 192. СПб. 1900.

³⁾ Артуръ Шопенгауэръ—Op. cit. § 57, стр. 324—325.

ной, ваша жизнь есть постоянное стремленіе, желаніе. Но стремленіе и желаніе, какъ показано выше, „возникаютъ изъ нужды, изъ недостатка, слѣдовательно—изъ страданія“, которое прекращается съ исполненіемъ желанія, и то лишь на самое короткое время, до возникновенія новаго желанія. Не говоря уже о томъ, что „на одно исполненное желаніе приходится по крайней мѣрѣ десять тщетныхъ“, удовлетвореніе наше само по себѣ никогда не бываетъ продолжительно: оно подобно „милостыняѣ, бросаемой нищему, которая сегодня поддерживаетъ его жизнь, чтобы продлить ее до завтрашняго мученія“¹⁾. Что касается, наконецъ, исторической стороны жизни человѣческой, то для Шопенгауэра вся исторія является лишь игрою случайностей, подобно морознымъ узорамъ на оконныхъ стеклахъ, или фигурамъ калейдоскопа. Шопенгауэръ не вѣритъ въ такой историческій прогрессъ, благодаря которому зло было-бы уничтожено. Въ исторіи, говоритъ онъ, всегда царили случайность, заблужденіе, глупость и злоба; все высокое и благородное здѣсь рѣдко и съ трудомъ находило себѣ мѣсто. А жизнь отдѣльныхъ людей, въ свою очередь, представляетъ исторію горя и страданій, что прекрасно выражено въ извѣстномъ монологѣ „Гамлета“. „Откуда-же иначе, восклицаетъ Шопенгауэръ, Данте (въ „Божественной Комедіи“) взялъ матеріалъ для своего Ада, какъ не изъ нашего дѣйствительнаго міра? И тѣмъ не менѣе вышелъ очень изрядный адъ. Напротивъ, когда онъ дошелъ до задачи—изобразить небо и его блаженства, то оказался въ большомъ затрудненіи; это потому, что міръ нашъ не представляетъ матеріаловъ къ чему-либо подобному“²⁾. Шопенгауэръ находитъ, что „Дантовъ рай вышелъ нѣсколько похожимъ на лондонскій вокзалъ“³⁾.

Но, вѣдь, есть счастливыя—избранники судьбы, которые имѣютъ возможность удовлетворять всѣмъ своимъ желаніямъ!.. Имъ всѣ завидуютъ, стремясь, въ свою очередь, къ полному благополучію. Напрасныя усилія!—говоритъ нашъ пессимистъ. Состояніе полной обеспеченности бытія всегда необходимо вы-

1) Ibidem § 38, стр. 201.

2) Ibidem, § 59, стр. 336—340.

3) Ibid. § 38, стр. 205.

зываетъ убійственную скуку, томительное стремленіе къ чему то неопредѣленному, что равносильно обычнымъ страданіямъ заурядныхъ людей. „Какъ нужда представляетъ бичъ народа, такъ скука бичъ знати“. Итакъ, „человѣческая жизнь качается, подобно маятнику, между страданіемъ и скукой, которыя дѣйствительно суть ея послѣднія составныя части“¹⁾.

Средства освобожденія отъ страданій жизни: созерцаніе и аскетизмъ.—Однако, Шопенгауэръ допускаетъ возможность временнаго освобожденія отъ страданій, сопровождающагося моментами счастья истиннаго, высокаго. Это достигается посредствомъ чистаго *объективнаго созерцанія*, когда познаніе высвобождается на время отъ служенія волѣ, когда „міръ, какъ воля, исчезаетъ, а міръ, какъ представленіе, остается“. Такъ, напр., бываетъ, когда мы „забываемся“ въ созерцаніи какого-нибудь произведенія искусства. Въ этомъ состояніи господствуетъ лишь чистое созерцаніе, воля исчезаетъ, мы относимся къ міру совершенно наблюдательно, забывая, что сами принадлежимъ ему. Въ этомъ удаленіи отъ міра съ его скорбями „человѣкъ подобенъ актеру, сыгравшему сцену, и, до новаго выхода, сядущемуся между зрителями, откуда онъ спокойно смстритъ на все, что-бы ни происходило, хотя-бы на приготовленія къ его собственной смерти въ пьесѣ, а затѣмъ снова идетъ дѣйствовать и страдать, какъ ему слѣдуетъ“. Достигается это безстрастное художественное созерцаніе, главнымъ образомъ при посредствѣ искусства, которое „изображаетъ вещи въ ихъ вѣчномъ покоѣ съ точки зрѣнія вѣчности“, Здѣсь человѣкъ наблюдаетъ извѣстный предметъ въ всякихъ отношеніяхъ къ волѣ, т. е. въ собственныхъ интересахъ; онъ „теряется“ въ предметѣ, сливается съ нимъ, перестаетъ быть индивидуумомъ, а становится „чистымъ, безвольнымъ, безболѣзненнымъ, безвременнымъ познающимъ субъектомъ“. Тогда уже „все равно—смотрѣть-ли изъ темницы или изъ дворца на заходящее солнце“. Въ этомъ отношеніи особенное значеніе, по Шопенгауэру, имѣетъ музыка, которая рассказываетъ намъ тайную исторію міровой воли, ея борьбу и мученія. На дѣлѣ, вѣдь, мы сами не что иное, какъ напряженная, порванная и дро-

¹⁾ Ibid. § 57, стр. 324.

жащая струна!.. Но за то въ моменты эстетическаго созерца-
нiя мы, хотя на мгновенiе, „освобождаемся отъ назойливаго
напора воли и празднуемъ субботу каторжной работы жела-
нiя“. Впрочемъ, необходимо помнить, что подобные моменты
слишкомъ кратковременны и требуютъ сильнаго напряженiя и
энергiи воли, почему доступны лишь очень не многимъ. Вотъ
почему они не могутъ поколебать вышеуказанный общiй ба-
лансъ жизни ¹⁾

Но гдѣ-же искать болѣе надежнаго средства для освобожде-
нiя отъ страданiй жизни? Не въ самоубiйствѣ-ли?!... Нѣтъ,
отвѣчаетъ Шопенгауэръ,—потому что самоубiйца не отрицаетъ
„волю къ жизни“, а наоборотъ—подтверждаетъ ее: „самоубiйца
желаетъ жизни и только недоволенъ условiями, при которыхъ
она у него проходитъ“ ²⁾. Высшая форма освобожденiя, со-
вершенное отреченiе отъ „воли къ жизни“ достигается въ
аскетизмѣ. Аскетъ хранитъ цѣломудрiе и тѣмъ отрицаетъ
волю къ жизни за предѣлами своего личнаго существованiя;
онъ умерщвляетъ плоть, чтобы подавить въ ней всѣ желанiя;
онъ добровольно избираетъ бѣдность, чтобы не имѣть никакой
возможности удовлетворять своимъ желанiямъ и т. д. Когда
аскетъ окончательно побѣждаетъ себя, онъ уже не привязанъ
волей къ этому мiру: на всѣ обманчивые призраки этого мiра,
которые нѣкогда волновали его духъ, онъ теперь смотритъ
такъ равнодушно, какъ на шахматныя фигуры послѣ окон-
чанiя игры. Но такъ какъ, вообще говоря, отрицанiе воли къ
жизни часто встрѣчаетъ для себя оппозицію въ сносныхъ
условiяхъ этой жизни, въ ласкательствѣ минуты, въ приманкѣ
надежды, то болѣе и надежнѣе всего воля можетъ быть со-
крушена какимъ-либо *собственнымъ* величайшимъ страданiемъ.
Высочайшiй образецъ отрицанiя воли, произведеннаго собствен-
нымъ глубокимъ страданiемъ, Шопенгауэръ находитъ въ про-
изведенiи Гёте „Фаустъ“, именно—„въ исторiи страданiй
Маргариты“ ³⁾.

4. *Общая критика пессимизма Шопенгауэра*.—Въ нашу за-
дачу не входитъ опровергать метафизическое ученiе Шопен-

1) Ibidem § 34, стр. 182 и слѣд., § 38, стр. 202 и слѣд.

2) Ibidem § 69, стр. 417.

3) Ibidem § 68, стр. 410—411 и слѣд.

гауэра о томъ, что міръ есть наше субъективное *представленіе* и сущность мірового бытія составляетъ *воля*. Если мы выше вкратцѣ изложили это ученіе, то лишь потому, что оно стоитъ въ очень тѣсной связи съ пессимистическими возрѣніями и теоріями Шопенгауэра. Поэтому, ограничившись краткимъ замѣчаніемъ о томъ, что самостоятельность бытія реального міра доказана многими философами и критиками Шопенгауэра и что въ основѣ шопенгауэровскаго ученія о волѣ, какъ міровой сущности, лежитъ ошибочная аналогія между бессознательными проявленіями слѣпыхъ силъ природы и сознательными актами разумной воли, перейдемъ къ общей критической оцѣнкѣ основныхъ положеній пессимистической философіи Шопенгауэра.

Прежде всего, мы не можемъ согласиться съ психологическими аргументами Шопенгауэра, которыми онъ оправдываетъ свой пессимизмъ. Такъ, невѣрна мысль—будто счастье, какъ удовлетвореніе стремленія или желанія, возникающаго изъ недостатка, т. е. изъ страданія, есть только прекращеніе страданія и потому имѣетъ чисто *отрицательный* характеръ. Во-первыхъ, стремленіе и страданіе—понятія вовсе не тождественныя: непосредственный психологическій опытъ можетъ удостовѣрить насъ, что стремленіе къ счастью, или же къ избавленію отъ несчастія, не тождественно съ самымъ счастьемъ или несчастіемъ, а равно—стремленіе къ удовольствію, или къ избѣжанію неудовольствія (страданія), не тождественно съ самымъ удовольствіемъ или неудовольствіемъ (страданіемъ). Всякому ясно, что стремленіе удовлетворить голодъ не то же, что удовольствіе, являющееся слѣдствіемъ этого удовлетворенія, или стремленіе избѣжать голода не то же, что страданія отъ голода. Во вторыхъ, не всякое стремленіе и желаніе возникаетъ изъ страданія, т. е. изъ недостатка или недовольства чѣмъ-либо. Жизнь есть непрерывная дѣятельность, и чѣмъ богаче жизнь, тѣмъ шире и разностороннѣе эта дѣятельность; нормальная жизнь, такимъ образомъ, можетъ служить естественнымъ источникомъ все новыхъ и новыхъ *положительныхъ* стремленій къ прогрессивной дѣятельности, отнюдь не обусловленныхъ какими-нибудь недостатками. И съ психологической

точки зрѣнія стремленія и желанія могутъ имѣть *положительный характеръ*, могутъ возникать изъ чувствованій, исходящихъ изъ самаго существа души, проявляющей непрерывную дѣятельность на пути своего постепеннаго развитія и оцѣнивающей благопріятныя и неблагопріятныя для этого развитія условія и обстоятельства. Если такъ, то удовлетвореніе этихъ стремленій и желаній должно являться нѣкоторой прибавкой къ жизни, составлять ея плюсъ. Далѣе, по Шопенгауэру, стремленія и борьба, а съ ними и страданія, усиливаются и умножаются по мѣрѣ развитія чувствительности и интеллекта,—отсюда—геніи страдаютъ больше всѣхъ. Но, не раздѣляя отрицательнаго взгляда Шопенгауэра на стремленія и желанія, какъ состоянія, возникающія исключительно изъ страданій, не считая стремленіе синонимомъ страданія, мы, естественно, не можемъ согласиться и съ этимъ послѣднимъ утвержденіемъ Шопенгауэра. Мы сказали, что чѣмъ богаче психическая жизнь, тѣмъ шире и разностороннѣе стремленія, возникающія изъ самаго существа ея; поѣтому, если геній даже въ большей степени воспріимчивъ къ страданіямъ, то онъ въ то-же время имѣетъ больше источниковъ и для наслажденій; вопросъ о томъ, чего больше въ жизни геніевъ—страданій или наслажденій—все таки остается еще открытымъ. Ссылка на вышеприведенное изреченіе Екклесіаста нисколько не оправдываетъ Шопенгауэра, такъ какъ въ I, 18 Екклесіастъ говоритъ о знаніяхъ пріобрѣтенныхъ, а не о геніальности. Мы видѣли, затѣмъ, что съ цѣлью обоснованія мысли объ отрицательности счастья, Шопенгауэръ ссылается на отрицательный характеръ поэзіи и музыки. Драма изображаетъ героя всегда только въ борьбѣ за счастье, а не въ моменты обладанія имъ; въ музыкѣ блужданія мелодіи, означающія страданія и борьбу, преобладаютъ надъ основнымъ тономъ, выражающимъ удовлетвореніе воли, счастье. Но такое пониманіе и объясненіе характера поэтическаго и музыкальнаго искусства есть *слѣдствіе* мысли Шопенгауэра объ отрицательности счастья, а не основаніе или доказательство ея. Кто не считаетъ счастье отрицательнымъ, тотъ не согласится и съ данными Шопенгауэромъ объясненіями. Такъ, напр., относительно музыки мы можемъ сказать,

что преобладаніе въ ней мелодіи надъ основнымъ тономъ свѣдѣтельствуемъ, на нашъ взглядъ, не объ отрицательномъ, а скорѣе положительномъ характерѣ счастья, и съ своей точки зрѣнія мы будемъ правы нисколько не менѣе, чѣмъ Шопенгауэръ съ своей: въ мелодіи мы видимъ отображеніе разносторонней дѣятельности, вытекающей изъ самаго существа жизни, изъ полнаго избытка силъ, а не изъ нужды и страданія, а въ основномъ тонѣ—затишье и ослабленіе дѣятельности, которое тягостно для богато-одаренной, дѣятельной и сильной натуры.

Эмпирическое обоснованіе пессимизма у Шопенгауэра тоже не можетъ быть признано безспорнымъ. Такъ, жизнь кажется ему призрочной съ ея физической стороны потому именно, что онъ беретъ ее исключительно въ ея тѣлесномъ проявленіи, на что, собственно говоря, не имѣетъ права, не доказавши, что въ смерти тѣлесной человѣкъ умираетъ безъ остатка. Безотраднa жизнь для Шопенгауэра и съ ея внутренней, духовной стороны, которая слагается изъ однихъ стремленій и желаній, возникающихъ изъ нужды, изъ страданія. Но мы уже показали, что стремленія и желанія возникаютъ не только изъ нужды, изъ страданія, а еще и изъ другихъ источниковъ. При томъ-же, Шопенгауэръ слишкомъ преувеличиваетъ дѣйствительность, когда старается убѣдить насъ, что подъ напоромъ желаній мы постоянно должны метаться, какъ дикіе звѣри въ клѣткѣ: не всѣ, вѣдь, желанія такъ интенсивны; ко многимъ изъ нихъ мы относимся совершенно спокойно. И чѣмъ разумнѣе человѣкъ, тѣмъ желанія его умѣреннѣе и разнообразнѣе съ его силами и средствами. Съ исторической стороны жизнь человечества представляется Шопенгауэру царствомъ случайности, заблужденія, глупости и злобы; жизнь каждого отдѣльнаго человѣка является непрерывной исторіей горя и страданій... Вотъ почему этотъ міръ далъ Данту обильный матеріалъ для изображенія ада, а не рая. Но и въ этихъ разсужденіяхъ Шопенгауэръ, по обычаю, слишкомъ гиперболически изображаетъ бѣдствія человѣческой жизни, забывая, что они имѣютъ если не эквивалентъ, то во всякомъ случаѣ противовѣст, въ житейскихъ радостяхъ. Если человечество въ своей исторической жизни развивается, прогрессируетъ, то значитъ есть благо—

пріятствующія этому условія. Ссылка на Данта неубѣдительна: если рай въ Божественной Комедіи блѣденъ, а муки ада—рельефны и поразительны, то это обусловливается отчасти самой психической природой и свойствами страданій и наслажденій, а отчасти тѣмъ, что въ самомъ Словѣ Божіемъ райское блаженство обозначено таинственными чертами, тогда какъ адскія мученія изображены довольно сильными штрихами. Дантъ-же вовсе не искалъ на землѣ матеріала для своего „рая“. Затѣмъ, если состояніе полной обеспеченности бытія, когда человѣкъ имѣетъ возможность и средства удовлетворять всѣмъ своимъ стремленіямъ, по словамъ Шопенгауэра, вызываетъ неизбежно скуку, то—съ другой стороны—для всякаго очевидно, что оно-же даетъ полный просторъ всѣмъ лучшимъ и благороднѣйшимъ стремленіямъ, и отъ самого человѣка зависитъ распорядиться этимъ просторомъ во благо, или во вредъ себѣ.

Наковецъ, ученіе Шопенгауэра о средствахъ къ избавленію отъ страданій жизни заключаетъ въ себѣ не мало внутреннихъ противорѣчій. Укажемъ важнѣйшія изъ нихъ. Средствами освобожденія отъ страданій Шопенгауэръ считаетъ эстетическое созерцаніе и аскетизмъ. Къ созерцательному отрѣшенію отъ жизни, которому способствуютъ, главнымъ образомъ, философія и изящныя искусства, способны, по словамъ Шопенгауэра, только немногіе, выдающіеся, гениальные умы; они, слѣдовательно, болѣе всѣхъ могутъ находить успокоеніе отъ страданій жизни въ нѣкоторомъ созерцательномъ самозабвеніи. Но какъ примирить съ этимъ то, упорно отстаиваемое Шопенгауэромъ, положеніе, что „гений *страдаетъ* больше всѣхъ!“?... Затѣмъ Шопенгауэръ говоритъ, что въ эстетическомъ созерцаніи отсутствуетъ воля, этотъ источникъ страданій, почему, конечно, оно и успокаиваетъ человѣка. Но какъ примирить съ этимъ утвержденіе самого Шопенгауэра, что удовольствіе, которое, конечно, является существеннымъ элементомъ эстетическаго наслажденія,—есть удовлетвореніе желанія, т. е. воли?... Далѣе, какъ созерцаніе, такъ и аскетизмъ требуютъ, по Шопенгауэру, необычайной энергіи и силы воли отъ того, кто желаетъ воспользоваться ими для подавленія въ себѣ „воли къ жизни“, или что то же—для освобожденія отъ страданій

Итакъ, выходитъ, что нужна *воля*, для того, чтобы побѣдить *волю*! Что это значить?... Во всякомъ случаѣ, Шопенгауэръ не объясняетъ намъ—какъ психологически возможно такое раздвоеніе воли... Справедливость требуетъ сказать, что самоубійство есть единственный практическій выводъ изъ ученія Шопенгауэра о міровой сущности и о бѣдственности человѣческой жизни. Вѣдь въ самоубійствѣ субъектъ вполне уничтожается—съ точки зрѣнія Шопенгауэра, и значитъ практически достигаетъ полнаго отрицанія воли!... Если Шопенгауэръ не рѣшается ударить этотъ послѣдній, заключительный аккордъ на своей пессимистической лирѣ, и замѣняетъ самоубійство аскетизмомъ, то онъ—логически непослѣдовательный и практически трусливый пессимистъ. Различіе между самоубійствомъ и аскетизмомъ въ томъ видѣ, какъ понимаетъ его Шопенгауэръ, касается только времени погашенія воли: въ самоубійствѣ здѣсь нуженъ одинъ моментъ, а въ аскетизмѣ—продолжительное время. Но разъ всякій пессимистъ, послѣдователь Шопенгауэра, проникнутъ отвращеніемъ къ жизни и стремленіемъ убить „волю къ жизни“, то какой смыслъ ему медлить расчетомъ съ жизнью?... Чѣмъ-же объясняется такая непослѣдовательность Шопенгауэра?... Не таилось-ли гдѣ нибудь въ глубинѣ его души смутная надежда попасть въ тотъ „лондонскій вокзалъ“, который изображенъ Дантомъ въ „Божественной Комедіи“?!...

5. *Пессимизмъ Гартмана*. Современный намъ проповѣдникъ пессимизма—философъ Гартманъ—является прямымъ послѣдователемъ и продолжателемъ Шопенгауэра. Поэтому, мы изложимъ только самыя общія и основныя положенія его пессимистической философіи. Абсолютное начало или сущность и причину мірового бытія Гартманъ называетъ „Бессознательнымъ“¹⁾, примыкая къ общей традиціи нѣмецкаго идеализма, по которой абсолютное начало лишь въ человѣкѣ становится сознаниемъ и личностью, и слѣдовательно, само въ себѣ можетъ быть названо Бессознательнымъ. Это Бессознательное есть сверхъестественное идеальное начало, атрибутами (свойствами) котораго являются *воля* и *представленіе*. Какъ отпе-

¹⁾ Свое міровоззрѣніе Гартманъ изложилъ въ сочиненіи: „Сущность міроваго процесса или философія Бессознательнаго“.

чатокъ идеальнаго начала, міръ цѣлесообразенъ, но это не значитъ, что онъ безусловно хорошъ. *Воля*—виновница бытія міра—неразумна, и въ себѣ самой носитъ источникъ страданія. Она создала міръ исполненнымъ бѣдствій. *Представленіе*, не участвовавшее въ созданіи міра, сразу замѣтило всю глубину бѣдствія, въ которое онъ ввергнутъ неразумной волей, и поняло, что единственное счастье для міра заключается въ небытіи. И вотъ, въ длинномъ процессѣ природы представленіе произвело сознаніе, которое должно постигнуть всю горечь бытія и противостать ему. Но здѣсь возникаетъ затрудненіе—въ томъ, что воля опутала сознаніе сѣтью *иллюзій* относительно цѣнности жизни, такъ что каждое существо считаетъ свою жизнь благомъ; только въ человѣкѣ, и то—геніальномъ, сознаніе прозрѣваетъ эти иллюзіи и можетъ оцѣнить міръ его настоящей цѣной. И вотъ, когда значительное большинство людей со временемъ достигнетъ умственнаго развитія генія, усвоитъ его взглядъ на міръ и проникнется отвращеніемъ къ жизни, тогда бытію будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

Виды или стадіи иллюзій. Но какъ-же геній смотритъ на жизнь? Въ чемъ онъ видитъ ея призрачность (иллюзорность) и бѣдственность? Почему онъ не хочетъ жить и считаетъ благомъ небытіе?... Гартманъ рассматриваетъ различныя стороны и направленія жизни и, выясняя ихъ иллюзорность, старается показать, что сумма страданій всегда и во всемъ превышаетъ сумму наслажденій, или счастья. Всѣ иллюзіи, которыми живетъ человѣчество, Гартманъ сводитъ къ тремъ основнымъ видамъ или стадіямъ. Первую стадію иллюзіи составляютъ стремленія и надежды человѣка достигнуть личнаго счастья здѣсь, на землѣ, при существующихъ условіяхъ жизни; эту стадію Гартманъ называетъ „дѣтской“. Вторая стадія, которую Гартманъ называетъ „юношеской“, это—надежда на полное счастье въ будущей жизни. Третья стадія иллюзіи (которую Гартманъ называетъ „зрѣлой“) это—человѣческія надежды на достижимость счастья здѣсь-же, на землѣ, но только въ отдаленномъ будущемъ міровой исторіи. Съ точки зрѣнія этихъ иллюзій Гартманъ рассматриваетъ различныя направленія человѣческой жизни, въ которыхъ онѣ находятъ свое выраженіе. Оцѣнка и истолкованіе всѣхъ этихъ направленій и

прозвѣній жизни производится Гартманомъ совершенно въ духѣ Шопенгауэра, такъ что уже не требуетъ съ нашей стороны подробнаго изслѣдованія. Для примѣра мы кратко укажемъ только нѣкоторыя изъ гартмановскихъ иллюзій первой и третьей стадіи.

Здоровье, молодость, любовь, дружба, честолюбіе—вотъ вамъ иллюзіи первой стадіи!.. Всѣ эти блага имѣютъ *отрицательный* характеръ. Здоровье есть только отсутствіе болѣзни и не даетъ никакого наслажденія. Когда мы здоровы, мы не чувствуемъ своихъ членовъ; только больнои глазами чувствуетъ, что у него есть глаза; только при болѣзни нервовъ мы чувствуемъ, что имѣемъ нервы. Молодость есть только возможность наслажденія: „что толку мнѣ, напр., въ самыхъ крѣпкихъ зубахъ, когда кусать нечего“!.. Любовь наноситъ своимъ приверженцамъ жестокіе удары въ разочарованіяхъ; обыкновенно одна сторона охладѣваетъ раньше другой, происходитъ разрывъ. До брака доходитъ самый ничтожный процентъ отношеній любви, но и здѣсь счастье призрачно. Чувство любви слагается изъ двухъ элементовъ: изъ стремленія воли—обладать изъ физическаго влеченія; чѣмъ сильнѣе стремленіе воли обладать, чѣмъ болѣе возбуждается она различными препятствіями къ союзу, тѣмъ напряженнѣе любовь. Но въ бракѣ эта воля удовлетворяется,—тогда любовь утрачиваетъ обаяніе, начинаются разочарованія: любящій думалъ найти на землѣ рай,—между тѣмъ, оказалось, что любимое лицо—далеко не ангель, и что самъ онъ въ своихъ мечтаніяхъ былъ большимъ глупцомъ. Дружба основывается, съ одной стороны, на общности интересовъ друзей, съ другой—на нашей слабости, въ силу которой мы не можемъ справляться одни съ своими несчастіями и ищемъ сочувствія. Но общность интересовъ легко нарушается и дружба—исчезаетъ, а сочувствіе имѣетъ мало смысла. Что толку въ томъ, что я своими печалями испорчу хорошее настроеніе духа у друга? При томъ-же, въ обмѣнъ за состраданіе друга, я и самъ долженъ соболѣзновать ему въ его несчастіяхъ; а такъ какъ въ жизни вообще страданій гораздо больше, чѣмъ наслажденій, то этотъ обмѣнъ скорбями долженъ выйти очень солонъ. Честолюбіе по своей природѣ походитъ „на соленую воду, которой чѣмъ больше пьешь, тѣмъ болѣе пить

хочется“; при этомъ, на сто ударовъ для честолюбія въ жизни едвали придется одно удовлетвореніе. Мистическое созерцаніе, а равно—научныя и художественныя наслажденія, также относятся къ иллюзіямъ первой стадіи. Восторгъ въ религіозномъ созерцаніи—иллюзія самъ по себѣ, такъ какъ человекъ не можетъ слиться съ абсолютнымъ; при этомъ, такія состоянія рѣдки и являются слѣдствіемъ особаго природнаго дара. Удовлетвореніе посредствомъ научныхъ и художественныхъ наслажденій есть удѣлъ немногихъ избранныхъ натуръ, при чемъ и послѣднія достигаютъ его путемъ долгихъ усилій, которыми неизбежно предваряется процессъ творчества. Повидимому, гораздо легче дается пассивное наслажденіе искусствомъ, но и тутъ много неудобствъ: для этого нужно посѣщать художественныя галлерей, жаркіе и тѣсные театры, концертные залы, подвергать себя опасности простудиться и, сверхъ того, еще платить деньги (sic!).—Третья стадія иллюзіи состоитъ, по Гартману, въ надеждѣ на міровой прогрессъ, на счастье грядущихъ поколѣній. Но сколько бы ни прогрессировало человечество, ему никогда не удастся изгнать изъ міра старость, болѣзни, недовольство своимъ положеніемъ и т. п. Несмотря, напр., на быстрый ростъ медицины, различныя неизлечимыя болѣзни умножаются въ быстрѣйшей прогрессіи... Впрочемъ, міровой прогрессъ, понимаемый въ его лучшемъ, идеальномъ смыслѣ, только приближаетъ человека къ нулевой точкѣ *безразличія*, или равновѣсія между страданіемъ и удовольствіемъ. Но онъ не будетъ доведенъ даже до этого конца, т. е.—до точки безразличія, такъ какъ бѣдствія, гнетущія человечество въ настоящее время, останутся удѣломъ и всѣхъ грядущихъ поколѣній, съ тѣмъ различіемъ, что постепенно повышающееся сознаніе и усиливающаяся чувствительность и нервозность нарождающихся поколѣній будетъ дѣлать эти бѣдствія еще болѣе тягостными, чѣмъ теперь. Въ концѣ концовъ міровой прогрессъ „повлечетъ за собой пессимистическое сознаніе въ человечествѣ“ и ускоритъ развязку: человечество, увидѣвъ бесплодность своихъ стремленій, устремится къ Нирванѣ, гдѣ и найдетъ „счастье небытія“.

Критическая оцѣнка пессимизма Гартмана.—Основная точка зрѣнія Гартмана и предлагаемая имъ оцѣнка явленій жизни.

настолько сходны съ вышеизложенными воззрѣніями Шопенгауэра, что на разборѣ ихъ намъ вѣтъ нужды долго останавливаться. Здѣсь слѣдуетъ, главнымъ образомъ, замѣтить, что Гартмановская оцѣнка жизни пристрастна и тенденціозна, такъ какъ отъ начала до конца проникнута предвзвѣтой цѣлью — показать, что всѣ блага жизни имѣютъ *отрицательный* характеръ. Отвергая это основное положеніе и не ставя себѣ никакихъ предвзятыхъ цѣлей, безпристрастный наблюдатель явленій жизни, естественно, дастъ имъ совершенно другую оцѣнку, и то, что въ нихъ есть *положительнаго*, не назоветъ иллюзіей. Такъ, напр., онъ легко замѣтитъ, что здоровье и молодость, эти Гартмановскія иллюзіи первой стадіи, являются положительнымъ благомъ, поскольку онѣ, обуславливая легкость и живость органическихъ процессовъ, ободряющимъ образомъ дѣйствуютъ на душу человѣка, возвышаютъ его самочувствіе и облегчаютъ осуществленіе его лучшихъ стремленій. Такой безпристрастный наблюдатель не согласится и съ взглядомъ Гартмана на любовь. Здѣсь Гартманъ беретъ человѣка только съ его животными, плотскими влеченіями и игнорируетъ высшую сторону его существа. Въ ученіи Гартмана о любви забыть человѣкъ, какъ существо духовно-разумное, забыта женщина съ ея святыми материнскими влеченіями и чувствами, забыть юноша, не всегда живущій внѣ всякой нравственной дисциплины, и въ высокой степени воспримчивый ко всему возвышенному, идеальному. Сущность и истина любви вовсе не въ стремленіи воли—обладать (объектовъ для воли и помимо любви безчисленное множество), а въ гармоническомъ единеніи мыслей, чувствъ и всѣхъ стремленій, даже болѣе—въ полномъ нравственномъ отождествленіи двухъ существъ. Такая любовь является высшимъ благомъ,—источникомъ, пульсомъ жизни,—оправдывая слова поэта:

„Не любовь-ли движеть сферы міровыя?
 „Не на ней-ли остовъ міра утверждень?
 „Удали богиню съ колеса природы,—
 „И система міра распадется въ прахъ:
 „Съ грохотомъ планеты упадутъ въ пространство,
 „И Ньютонъ заплачетъ о былыхъ мірахъ“...

(Шиллеръ).

Итакъ, любовь сама по себѣ есть благо; если-же она иногда

причиняетъ зло, то виной этому самъ человѣкъ; слѣдов., съ такимъ зломъ можно и должно бороться. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что односторонность Гартмана заключается въ стремленіи его оцѣнивать исключительно съ эвдемонистической точки зрѣнія такія явленія, въ которыхъ должна быть приложена нравственная оцѣнка. Къ послѣдней, впрочемъ, прибѣгаетъ подчасъ и самъ Гартманъ, когда это для него выгодно. Что касается, наконецъ, религіознаго восторга въ мистическомъ созерцаніи и такъ называемыхъ художественныхъ наслажденій, то оцѣнка этихъ явленій Гартманомъ съ эвдемонистической точки зрѣнія не менѣе односторонняя. О мистическомъ созерцаніи нужно сказать, что оно не было свойственно натурѣ Гартмана, а потому судить о немъ онъ психологически не въ правѣ; въ разсужденіяхъ-же о художественномъ наслажденіи и сопровождающихъ его неудобствахъ (какъ-то: опасность простудиться, необходимость платить деньги за билетъ въ театръ и т. п.) Гартманъ не только одностороненъ, но даже наивенъ.

Третья стадія иллюзіи, по Гартману, состоитъ въ надеждѣ на счастье грядущихъ поколѣній. Гартманъ не вѣритъ въ міровой прогрессъ и утверждаетъ, что въ будущемъ—съ большимъ развитіемъ сознательности и чувствительности—страданія человѣчества еще болѣе усилятся. Онъ сравниваетъ человѣчество съ носильщикомъ, который, чѣмъ дальше и дальше идетъ, тѣмъ все сильнѣе чувствуетъ тяжесть своей ноши. Но такъ можно думать только въ томъ случаѣ, если мы согласимся съ Гартманомъ, что жизнь есть какое-то безсмысленное бремя, возложенное на плечи человѣку глупымъ и безсознательнымъ міровымъ началомъ. Но это невозможно. Исторія вѣритъ въ свой прогрессъ... Люди дорожатъ жизнью: самоубійство есть явленіе исключительное и ненормальное, патологическое... Еслибы зло въ мірѣ шло прогрессивно, то человѣчество до сихъ поръ окончательно измельчало-бы, или даже совершенно исчезло-бы. Что касается ожидаемаго Гартманомъ въ далекомъ будущемъ повышенія сознательности въ человѣчествѣ, то можетъ быть это повышеніе будетъ способствовать только усиленію стремленій ко всему высокому, доброму, вѣчному. Мы можемъ допустить это съ такимъ же правомъ, съ

какимъ Гартманъ утверждаетъ, что упомянутое повышение поведетъ къ усиленію страданій...

Средство освобожденія отъ страданій.—Въ своемъ ученіи о средствахъ къ освобожденію отъ страданій жизни Гартманъ отличается отъ Шопенгауэра. Совершенная побѣда надъ „волей къ жизни“ достигается, по мнѣнію Гартмана, не эстетическимъ созерцаемъ, не аскетическимъ умерщвленіемъ плоти, а погруженіемъ въ нирвану, въ абсолютное небытіе. Эта побѣда не можетъ быть совершенна однимъ человѣкомъ, потому что онъ есть только ничтожная доля обще-міровой воли. Цѣль жизни—уничтоженіе воли, а съ ней и всего бытія, будетъ достигнута усиліями всего человѣчества въ послѣдней и еще отъ насъ отдаленной стадіи его развитія. Настанетъ время, когда все человѣчество, благодаря тому-же прогрессу, проникнется сознаниемъ безумія воли и бѣдственности жизни, и выработаетъ въ себѣ *противодѣйствующую волю*—отвращеніе отъ жизни: обѣ воли тогда парализуютъ другъ друга, превратятся въ нуль и вселенная исчезнетъ. Такая борьба и взаимное уничтоженіе двухъ противодѣйствующихъ волей вполне возможны психологически. Вѣдь, психологія учитъ, говоритъ Гартманъ, что подавленіе какого-либо желанія возможно только путемъ возбужденія другого, противоположнаго желанія. Конечно, Гартманъ при этомъ забываетъ, что подавленіе однихъ желаній другими бываетъ только на время, а не на всегда, и что въ слѣдствіи не можетъ быть больше, чѣмъ есть въ причинѣ,—а посему, даже единоголосное желаніе человѣчества—не жить не можетъ прекратить бытія цѣлаго міра, далеко не тождественнаго съ человѣкомъ.

Тѣ крайніе выводы, къ какимъ пришелъ Гартманъ въ своей философіи, заставляютъ нѣкоторыхъ ученыхъ думать, что „философія Гартмана, даже для него самого, представляетъ скорѣе плодъ каприза его личнаго настроенія, нежели результатъ спокойнаго анализа коренныхъ вопросовъ нашего ума“, Гартмана, посему, упрекаютъ „въ несерьезности его отношенія къ задачамъ философскаго знанія“ и къ вопросамъ жизни (проф. Лопатинъ). Но намъ кажется, что все это скорѣе зависитъ отъ той тенденціозности въ оцѣнкѣ явленій жизни, о которой мы уже говорили выше. Гартманъ рассматриваетъ жизнь съ

предвзятой цѣлью—показать, что въ ней нѣтъ ничего отраднаго и положительнаго. Но разъ впередъ поставлена извѣстная цѣль, то все подъ нее подводится и ею опредѣляется. Логическая природа нашего мышленія такова, что имъ верѣдко можно пользоваться въ ту и другую сторону. Нужно-ли отстоять какую-либо предвзятую мысль?—сейчасъ является своеобразное освѣщеніе фактовъ и явленій съ точки зрѣнія основной тенденціи; къ услугамъ присоединяются неправильные (въ логическомъ отношеніи) силлогизмы, незаконныя обобщенія, неполныя индукціи, поверхностныя аналогіи и т. д., и т. д. Особенно это замѣтно у Гартмана въ его разсужденіяхъ объ иллюзорности человѣческаго счастья. Здѣсь Гартманъ то разсматриваетъ извѣстные факты жизни сами по себѣ, въ отвлеченіи отъ общихъ отношеній и закоповъ бытія, то, наоборотъ, когда ему нужно, ставитъ ихъ въ тѣсную связь съ общими, особенно ненормальными, теченіями или направленіями жизни человѣческой. Въ этомъ именно—существенная тенденціозность Гартмана.

6. *Новыя варіаціи на старыя темы. Брюнетьеръ, Чижагъ: біологическое обоснованіе пессимизма.* Основныя положенія и темы, выдвинутыя двумя столпами—основателями пессимизма, Шопенгауэромъ и Гартманомъ, варьируются на всѣ лады сторонниками пессимистическаго міровоззрѣнія послѣдняго времени, не приносящими въ систему философскаго пессимизма собственно ничего оригинальнаго. Брюнетьеръ, разсуждая объ источникахъ пессимизма, между прочимъ, говоритъ: „если пессимизмъ есть болѣзнь, то болѣзнь органическая, сросшаяся съ нами, и человѣчество избавится отъ нея лишь вмѣстѣ съ прекращеніемъ своего существованія“. Источниками пессимистическихъ воззрѣній на жизнь Брюнетьеръ считаетъ: во 1-хъ, страхъ смерти, надъ которой мы никогда не восторжествуемъ; во 2-хъ, ограниченность человѣческаго познанія, вслѣдствіе которой возникаетъ „метафизическая тоска“, мучающая вѣкоторыя умы сознаніемъ собственнаго невѣжества; въ 3-хъ, нищету и несправедливость, царящія повсюду. Профессоръ Чижъ¹⁾ пытается оправдать пессимизмъ на почвѣ біологическихъ данныхъ. Въ виду того, говоритъ онъ, что доказать *психологически* большую сумму страданій сравнительно съ наслажденіями

¹⁾ См. „Неврологическій Вѣстникъ“ за 1895 годъ.

нѣтъ никакой возможности, такъ какъ мы не можемъ измѣрять чувствованія сами по себѣ, мы должны обратить вниманіе на біологическую причину чувствованій, т. е. на сопутствующій имъ органической процессъ. Физиологическая сторона явленій намъ болѣе извѣстна, чѣмъ психическая, и подлежитъ даже точному измѣренію. Отсюда, измѣряя органическіе процессы, соотвѣтствующіе чувствованіямъ, мы тѣмъ самымъ косвенно можемъ измѣрять и чувствованія. Мы знаемъ, что чувство удовольствія сопровождается повышеніемъ дѣятельности организма, а страданіе—пониженіемъ. Отсюда, доказывая, что физиологическіе процессы, соотвѣтствующіе увеличенію жизненности организма, въ количественномъ отношеніи меньше, чѣмъ процессы, соотвѣтствующіе пониженію дѣятельности организма, Чижевскій дѣлаетъ выводъ, что количество страданій въ жизни отдѣльнаго человѣка превышаетъ сумму удовольствій. Конечно, его выводы не безспорны, потому что психометрическіе опыты другихъ изслѣдователей даютъ совершенно обратные результаты.

Современный пессимизмъ на русской почвѣ. Пессимизмъ въ русской поэзіи. Современный пессимизмъ на русской почвѣ, если считать выразительницей его нашу недовольную жизнью интеллигенцію, представляетъ собою по большей части, союзъ слегка усвоенныхъ началъ нѣмецкаго философскаго пессимизма съ нешолнѣ зрѣлымъ критицизмомъ въ оцѣнкѣ явленій дѣйствительности. Отсюда происходитъ, съ одной стороны, недовольство окружающей дѣйствительностью, а съ другой—безнадежно—скептическое отношеніе къ наличному и ожидаемому въ будущемъ строю и порядку жизни. И русская поэзія подчасъ служила такому настроенію интеллигенціи, отвѣчая ему въ той или иной степени. Такъ, напр., нерѣдко слышится въ русской поэтической лирѣ скорбная гартмановская нота о подавляющей суммѣ людскихъ страданій, заглушающихъ всѣ радостные моменты жизни:

„Слезы людскія, о, слезы людскія!
 „Льетесь вы ранней и поздней порой.
 „Льетесь безвѣстная, льетесь незримая,
 „Неистощимая, неистясливая,
 „Льетесь, какъ льются струи дождевыя
 „Въ осень глухую, порою ночной“.

(Тютчевъ).

Нерѣдко проглядываетъ въ поэзіи и пессимистическая безнадежность относительно цѣлессобразности настоящаго и прогрессивности будущаго:

„Печально я гляжу на наше поколѣнье!
„Его грядущее—иль пусто, иль темно“...

„ . . . . .
„Надъ міромъ мы пройдемъ, безъ шума и слѣда,
„Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой,
„Ни гениемъ начатаго труда“ ..

(Лермонтовъ).

Встрѣчаемъ въ поэзіи также чисто шопенгауэровскій взглядъ на отрицательный характеръ стремленій, желаній, а отсюда— и человѣческаго счастья:

„Желанья!... Что пользы напрасно и вѣчно желать?

„ . . . . .
„И радость, и муки, и все такъ ничтожно...

„ . . . . .
„И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
„Такая пустая и глупая шутка“...

(Лермонтовъ).

Мы здѣсь уже не упоминаемъ о такъ называемыхъ декадентахъ и символистахъ, которые въ своей совокупности могли-бы составить прекрасный хоръ плакальчиковъ на могилѣ русской поэзіи. И помимо ихъ, нерѣдко слышится въ поэзіи какая-то озлобленность противъ жизни, ничего уже не желающая и стремящаяся исчезнуть въ небытіи безъ остатка:

„Пускай умру—печали мало.
„Одно страшить мой умъ больнои,
„Чтобы и смерть не разыграла
„Обидной шутки надо мной.

„Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
„Не пролилось горячихъ слезъ,
„Чтобъ кто-нибудь, въ усердьи глупомъ,
„На гробъ цвѣтовъ мнѣ не привезъ.

„Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
„И такъ напрасно я живой,
„Не улыбнулось мнѣ отрадно
„Надъ гробовой моей доской“.

(Добролюбовъ).

Теодоръ Владиміръскій.

(Продолженіе будетъ).

Соціальныя идеи Ницше, въ критическомъ изложеніи А. Фуилье.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО) ¹⁾.

Ницше обвиняетъ современное общество въ нигилизмъ и въ послѣднемъ видитъ причину пониженія и уничтоженія стремленія къ власти, составляющаго основу соціальной и индивидуальной жизни. Если вѣрить Ницше, то все „современное общество есть жертва ужасной громадной ошибки, которая и составляетъ причину всеобщаго упадка“. Общество падаетъ, когда въ основаніе своей жизни и развитія оно ставитъ противорѣчащія жизни принципы, противные самому смыслу жизни, который заключается въ ненасытимомъ стремленіи къ власти и могуществу. Современную болѣзнь, зло цивилизованныхъ людей, и составляетъ, по мнѣнію Ницше, атонія стремленія къ могуществу, недостатокъ этого жизненнаго стимула.

Св. Августинъ сказалъ: „люби и дѣлай то, къ чему повлечетъ тебя воля“. Заратустра тоже поучаетъ желать и дѣлать то, что захочется:

„Увы! почему вы не понимаете моей рѣчи? Дѣлайте всегда то, что вы желаете, но сначала сами сдѣлайтесь тѣми, кто *можетъ* желать“!

„Любите вашихъ ближнихъ, самихъ себя, но сначала станьте тѣми, кто любитъ *самъ себя*“.

„Любите себя великою любовью, великимъ презрѣніемъ!“
Такъ говорилъ нечестивый Заратустра.

¹⁾ Изъ Revue de deux Mondes, 1902 г. neuvieme vol. p. 400—431.

„Но зачѣмъ говорить, когда никто не имѣеть ушей, чтобы слушать меня? Еще не наступило для меня время! Слишкомъ рано!“

Самая главная ошибка современнаго общества, сдѣлавшаго изъ религіи, морали и философіи „декансъ“,—состоитъ, по мнѣнію Ницше, въ томъ, что оно естественное развитіе силы замѣнило бесплоднымъ и искусственнымъ стремленіемъ къ всеобщему счастью и справедливости.

Итакъ, посмотримъ, насколько основательна у Ницше критика идеи справедливости въ ея различныхъ формахъ, а также критика одинаково по его мнѣнію ведущихъ къ упадку, демократіи, социализма, анархизма и христіанства.

I.

Невольно вспоминается разсказъ о томъ дикарѣ, котораго миссіонеръ старался убѣдить, что онъ не долженъ ѣсть свою собственную жену, и который на это отвѣтилъ: „а развѣ большія рыбы не ѣдятъ маленькихъ и сильныя—слабыхъ“? Въ данномъ случаѣ дикарь указалъ на тотъ же урокъ „природы“, на который намъ указываетъ и Ницше.

„Только послѣ установленія закона, говоритъ Ницше,—можетъ подниматься вопросъ о справедливости и несправедливости; говорить о справедливости или несправедливости *изъ себя*—не имѣеть смысла; нарушеніе, преступленіе очевидно не могутъ считаться чѣмъ то *несправедливымъ*, поелику жизнь въ своихъ элементарныхъ отправленіяхъ по существу и состоитъ изъ нарушеній, преступленій, разрушенія и уничтоженія и не можетъ быть понята какъ-либо иначе. Въ этой мысли Ницше нашли себѣ объединеніе Каликлесъ и Дарвинъ. Но если справедливость не существуетъ для растеній и низшихъ животныхъ, то можетъ ли это служить основаніемъ, чтобы разсматривать ее и въ отношеніи къ людямъ какъ нѣчто произвольное и чисто *формально* установленное? Ницше, подобно древнему Гиппіасу, отвѣчаетъ намъ, что опредѣлить что такое право,—можно только на основаніи исторіи;—и подобно Тразимаху поучаетъ, что кромѣ силы нѣтъ никакого естествен-

наго права. Ницше даже не предвидитъ того, что предвидѣлъ уже Калликлесъ, а именно,—что положительные законы могутъ быть установлены только при условіи,—если они имѣютъ за собой силу; а отсюда выходитъ, что въ точномъ смыслѣ положительными законами могутъ быть названы только истинные природные законы;—что истинная верховная сила есть сила социальная, а не индивидуальная; что, наконецъ, эта социальная сила гораздо вѣрнѣе можетъ быть названа силой единенія и содѣйствія, чѣмъ борьбы и столкновеній.

Оригинальность у Ницше почти всегда начинается съ болѣзненнаго извращенія самыхъ обыденныхъ мыслей. И вотъ примѣръ такого извращенія. Мысль, что „всякое отношеніе права сводится къ примитивнымъ формамъ купли, мѣны, продажи,—однимъ словомъ—торговли“—сдѣлалась бавальной въ Германіи со времени К. Маркса, хотя отъ этого не стала менѣе ложвой, чѣмъ была прежде;—и Ницше старается сдѣлать эту мысль своею. Далѣе, мысль, что равноцѣнное возмездіе („*compensation equivalente*“),—замѣнившее собою грубую расплату въ варварской справедливости, простирается до возможности вообразить равновѣсіе между причиненнымъ ущербомъ и наказаніемъ, опредѣленнымъ виновнику нанесенія ущерба,—эта мысль не менѣе извѣстна для всякаго, кто знаетъ законы Двѣнадцати Таблицъ, или знакомъ съ Шейлокомъ Шекспира: какъ извѣстно,—кредитору было позволено вырѣзать кусокъ мяса у должника въ уплату долга: *si plus minusve secuerint, ne fraude esto*.

Можно ли исказить еще болѣе эту истину и такъ уже искаженную? Ницше доказалъ, что можно, и успѣлъ въ этомъ, представивъ ее въ качествѣ самаго лучшаго примѣненія своей доктрины „права господъ“. Удовлетвореніе „господина“ уплатой, которую дѣлаетъ ему должникъ за свой долгъ,—есть высшее наслажденіе, которое состоитъ „въ проявленіи своего могущества во всей суровости надъ существомъ приведеннымъ къ бесплію“; вотъ въ чемъ заключается „желаніе дѣлать зло изъ-за удовольствія его дѣлать (Ницше самъ подчеркиваетъ эти слова), вотъ въ чемъ, наконецъ, заключается „наслажденіе тиранніи“. И это наслажденіе, если вѣрить Ницше, чувствуется

тѣмъ живѣе и интензивнѣе, чѣмъ ниже соціальное положеніе кредитора, чѣмъ хуже условія, въ которыхъ онъ живетъ;—ибо въ такомъ случаѣ чувство превосходства у кредитора ощущается болѣе остро, кусокъ тѣла, отрѣзанный должникомъ, „ему кажется болѣе вкуснымъ и даетъ предвкушеніе болѣе высокаго соціального ранга“. Налагая наказаніе на своего должника, кредиторъ этимъ самымъ „принимаетъ участіе *въ правъ господъ*“ и возвышается, наконецъ, до того, что начинаетъ „ощущать *облагораживающее* чувство возможности презирать и смотрѣть на человѣческое существо какъ на вещь, стоящую *ниже его*“. Это—уже предвкушеніе идеи Сверхъ-человѣка. Итакъ, „удовлетвореніе состоитъ въ позволеніи и правѣ быть жестокимъ“. Такъ общее мѣсто изъ исторіи права граничитъ въ потрясенномъ мозгу съ нѣкоторымъ видомъ юридическаго и философскаго садизма. „Видѣть сграданіе—хорошо, но заставлять страдать—еще лучше,—вотъ,—говоритъ Ницше,—старая и могущественная истина человѣческая, слишкомъ человѣческая“.

Очевидно Ницше не допускаетъ излюбленной англійской школой теоріи, которая выводитъ справедливость изъ инстинкта мести; но Ницше не дорожитъ этой теоріей единственно потому, что сама месть, сообразно его воззрѣніямъ, есть только еще „противодѣйствующая“ эмоція, отвѣтъ, реплика, обратный толчекъ; а ему хочется видѣть именно толчекъ первоначальный, активное наступаніе, проявленіе непосредственнаго чувства. И соціальная справедливость, по Ницше, есть только упадокъ силы, поддержка для слабыхъ, особаго рода хитрость, при помощи которой слабые защищаютъ себя отъ тѣхъ, кому по самой природѣ принадлежитъ господство надъ живыми).

„Глубоко ошибаются,—говоритъ Ницше,—въ пониманіи хищнаго животнаго и хищнаго человѣка, (напр. Цезаря Борджіа), и вообще самой природы, если въ основѣ всѣхъ этихъ самыхъ здоровыхъ, тропическихъ и монструозныхъ проявленій хотятъ видѣть нѣчто болѣзненное и даже демоническое, какъ это дѣлали всѣ существовавшіе до сихъ поръ моралисты. Послѣдніе питаютъ какую-то ненависть къ дѣвственному дѣсу и тропикамъ и стремятся во чтобы то ни стало дискредитировать тро-

пического человѣка, стараясь представить его какъ типъ болѣзни и вырожденія. Но для чего же? Неужели въ пользу умѣренныхъ поясовъ? въ пользу умѣренныхъ, нравственныхъ людей?—Это относится къ главѣ: „Мораль, какъ видъ трусости“¹⁾.

Ницше могъ прибавить еще и другую главу: „Мораль и справедливость, какъ видъ мужества и господства надъ собою“. Если человѣкъ тропического темперамента имѣетъ достаточно разума и силы воли, чтобы противодѣйствовать своимъ животнымъ инстинктамъ, то можно ли его за это назвать трусомъ? Неужели Аристидъ, Регуль и св. ап. Павелъ были трусами? И потомъ можно спросить, что же собственно тропического и героического находятъ Ницше у Борджіа,—этого чудовищнаго убійцы, отравителя, гораздо болѣе коварнаго и лживаго, чѣмъ жестокаго; онъ всегда имѣлъ съ собою свой ядъ, совершенно готовый и также своего палача. Наконецъ можно еще очень сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы отравленіе, распутство, ослабляющія, понижающія и иссушающія жизнь въ самыхъ ея источникахъ, заставляющія разлагаться человѣка преждевременно,—чтобы все это можно было назвать самымъ „здоровымъ“ въ человѣкѣ. Невоздержная широкая жизнь не всегда есть жизнь полная, всесторонняя.

Моралисты не имѣютъ, конечно, никакой „ненависти къ дѣвственнымъ лѣсамъ“, но чтобы разумный человѣкъ XX-го вѣка, лишаясь всякаго чувства справедливости, уваженія къ себѣ и другимъ,—могъ сдѣлаться подобнымъ антропофагамъ дѣвственныхъ лѣсовъ,—это, дѣйствительно, едва ли допустимо. Впрочемъ, и самъ Ницше не допускаетъ этого; но тогда для чего же эти пылкія гиперболы въ честь порока!?

Д—67.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ По ту стор. добра и зла. § 195, фр. перев.

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Іюля № 14. 1905 года.

Содержаніе I. Высочайшія награды.—Благодарность Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Епархіальныя извѣщенія.—Отчетъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1904 годъ (29 годъ его существованія).—Журналъ Общаго годичнаго Собранія Харьковскаго Отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества 20-го марта 1905 года.—Отъ Харьковскаго Отдѣленія Попечительства Государяни Императрицы Маріи Федоровны о глухонѣмыхъ.

I.

Высочайшія награды.

Учительница церковно-приходской школы с. Веселаго, Харьковскаго уѣзда, *М. Бородаева*, учитель 1-й церковно-приходской школы Озерянскаго прихода гор. Харькова, *А. Ковалевскій*, учительницы церковно-приходскихъ школъ слоб. Покровка, Кушанскаго уѣзда, *Е. Абросимова* и с. Лизина, Старобѣльскаго уѣзда, *Е. Клементьева*, Харьковской 1-й Св. Духовскаго прихода *Н. Иноземцева* и с. Хорошева, Харьковскаго уѣзда, *А. Крыжановская* Всемилостивѣйше пожалованы серебряными медалями на Александровской лентѣ съ надписью „за усердіе“.

Благодарность Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

На докладѣ Харьковскаго Епархіальнаго наблюдателя Василія Давыденко, при коемъ представлялъ списокъ лицъ, коихъ за истекшее двадцатилѣтіе существованія церковныхъ школъ въ Харьковской епархіи особо потрудились на пользу оныхъ въ качествѣ членовъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и его отдѣленій, а также въ качествѣ членовъ испытательныхъ на званіе учителя комиссій и въ составѣ Комитета по завѣдыванію книжной лавкой при Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ,—резолуція Его Высокопреосвященства послѣдовала 20 іюня сего года такая: „Съ прибавленіемъ самого г. Давыденко, всѣмъ означеннымъ въ списокѣ при семъ до-

кладѣ, потрудившмся съ пользою для церковно-приходскихъ школъ и въ оныхъ—въ продолженіе прошедшихъ 20 лѣтъ, выражаю мою искреннюю благодарность и призываю на нихъ Божіе благословеніе въ подкрѣпленіе на дальнѣйшіе труды въ святомъ благодѣтельномъ школьномъ дѣлѣ*. Лица эти суть слѣдующія:

Члены Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго Совѣта.

Предсѣдатель Совѣта, ректоръ Харьковской духовной семинаріи, протоіерей Іоаннъ Знаменскій. Протоіерей Іоннъ Чижевскій, настоятель Харьковской Дмитріевской церкви. Протоіерей Александръ Ѳедоровскій, настоятель Харьковской Николаевской церкви. Николай Ѳедоровъ, протоіерей Харьковской Благовѣщенской церкви. Протоіерей Іоаннъ Пичета, настоятель Харьковской Іоанно-Усѣвновенской церкви. Семенъ Ѳоменко, дѣлопроизводитель Совѣта, преподаватель Харьковской духовной семинаріи. Стефанъ Пономаревъ, казначей Совѣта, преподаватель Харьковской духовной семинаріи. Николай Страховъ, преподаватель Харьковской духовной семинаріи. Николай Храмцовъ, коллежскій совѣтникъ, почетный членъ Совѣта. Леонидъ Твердохлѣбовъ, священникъ Харьковскаго кафедральнаго собора, онъ же и членъ комитета нижней лавки. Всѣ означенныя лица состоятъ членами Совѣта отъ начала открытія его дѣйствій.

Б. Члены уѣздныхъ отдѣленій Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго Совѣта.

І. Ахтырскаго уѣзда: Предсѣдатель Отдѣленія, онъ же и уѣздный наблюдатель, священникъ Ахтырскаго Покровскаго собора, Гавріиль Бѣлоусовъ. Настоятель Ахтырскаго Покровскаго собора, протоіерей Василій Ѳедоровъ. Священникъ Пятницкой церкви сл. Бакировки, Василій Сушковъ. Священникъ Ахтырскаго Покровскаго собора Николай Сперанскій. Священникъ Котелевской Вознесенской церкви, Стефанъ Артемьевъ. Потомственный почетный гражданинъ Петръ Захарьевичъ Виноградовъ. Городской врачъ Владиміръ Ивановичъ Солодовниковъ. Священникъ Ахтырскаго Николаевской церкви, Паревскій Ѳедоровъ, дѣлопроизводитель отдѣленія.

ІІ. Богодуховскаго уѣзда. Предсѣдатель отдѣленія, священникъ Богодуховской Соборной церкви, Дмитрій Владыковъ. Уѣздный наблюдатель, священникъ Богодуховской соборной церкви, Алексѣй Станиславскій. Священникъ Больше-Писаревской Успенской церкви, Алексѣй Доброславскій, онъ же завѣдующій второклассной школой. Священникъ Богодуховской Троицкой церкви, Евгеній Пономаревъ. Священникъ Братеницкой Воскресенской церкви Павелъ Власовскій. Коллежскій совѣтникъ, Николай Эгкъ, членъ Богодуховской Земской Управы. Личный дворянинъ Стефанъ Ива-

повичъ Маресевичъ-де-Крешево, гласный Губернской Земской Управы. Коллежскій секретарь Николай Покровскій, казначей отдѣленія. Земскій Начальникъ Богодуховскаго уѣзда, онъ же попечитель Мурафской церковно-приходской школы, Владимиръ Гарденикъ. Земскій Начальникъ того же уѣзда, Веніаминъ Савичъ. Предводитель дворянства Богодуховскаго уѣзда, Камеръ-Юлкеръ Высочайшаго двора, графъ Николай Клейнмихель.

III. Валковскаго уѣзда. Предсѣдатель отдѣленія протоіерей Соборно-Преображенской церкви г. Валокъ, Іоаннъ Ѳедоровскій. Священникъ Соборно-Преображенской церкви г. Валокъ, Андрей Новскій, онъ же казначей отдѣленія. Священникъ Успенской церкви г. Валокъ, Илья Слюсаревъ. Священникъ Покровской церкви села Алексѣевки, Андрей Пономаревъ, онъ же дѣлопроизводитель отдѣленія. Валковскій 2-й гильдіи купецъ, Семелъ Емельяновичъ Кузьминовъ.

IV. Волчанскаго уѣзда. Предсѣдатель отдѣленія, священникъ Соборно-Троицкой церкви города Волчанска, Георгій Жижняковъ. Уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ, священникъ Рождество-Богородичной церкви сл. Мартовой, Іоаннъ Діаконовъ. Священникъ Успенской церкви с. Заводы, Александръ Чернявскій. Священникъ Казанско-Богородичной церкви сл. Волчанскихъ хуторовъ, Алексѣй Давидовскій. Камергеръ Двора Его Императорскаго Величества титулярный совѣтникъ, Николай фонъ-Рейндеръ. Волчанскій городской и земскій врачъ, Матрофанъ Поповъ. Благочинный 1-го округа протоіерей Соборно-Троицкой церкви г. Волчанска, Арсеній Павловъ.

V. Зміевскаго уѣзда. Предсѣдатель отдѣленія, священ. Чугуевской Рождество-Богородичной церкви, Алексѣй Жадановскій. Членъ дѣлопроизводитель отдѣленія священ. Чугуевской соборной церкви, Ѳеофанъ Дейнеховскій. Священ. сл. Введенскаго, Николай Щепинскій. Прот. сл. Кочетка, Алексѣй Иларіоновъ. Свящ. Зміевской Соборной церкви, Петръ Мухинъ. Свящ. Алексѣевской Рождество-Богородичной церкви, Варсонофій Антоновскій. Свящ. Чугуевской Николаевской церкви, Ѳеодоръ Юшковъ, уѣздный наблюдатель школъ Зміевскаго уѣзда. Пот. поч. гражд. Петръ Лизогубъ. Надв. сов. инспекторъ Чугуевскаго город. учил., Александръ Леонтьевъ.

VI. Изюмскаго уѣзда. Уѣздный наблюдатель; благочинный XIV округа священ. Троицкой церкви г. Славянска, Михаилъ Пономаревъ. Свящ. Воскресенской церкви г. Славянска, Николай Доброславскій. Свящ. Кресто-Воздвиженской церкви г. Изюма, Андрей Жадановскій. Свящ. Іоанна-Милостиваго церкви сл. Рубцовой, Алексѣй Поповъ. Свящ. Ильинской церкви села Лозоватаго, Михаилъ Сильванскій. Помощникъ класнаго наставника 2-й гимназіи г. Харькова, Евфимъ Грядинъ. Настоятель Святогорской Успенской пустыни, архимандритъ Вассіанъ. Церковный староста Воскресенской

церкви г. Славянска, потом. поч. гражд. Авксентій Шпурковъ. Учитель Славянскаго городского 4-хъ класснаго училища, Василій Павловъ.

VII. Купянскаго уѣзда. Предсѣдатель отдѣленія, свящ. Купянской Соборной церкви, Александръ Субботинъ. Настоятель Купянскаго Покровскаго собора, прот. Іоаннъ Левандовскій. Свящ. сл. Стельмаховки, Феодосій Навродскій. Свящ. сл. Торской, Алексѣй Оптовцевъ. Благочин. 3 округа Купянскаго уѣзда, прот. Михаилъ Чернявскій. Священ. сл. Покровскаго, уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ, Василій Масловъ. Земскій начальникъ 5 уч. Купянскаго уѣзда, тит. сов., Михаилъ Сакминъ. Земскій начальникъ 7 уч. Купянскаго уѣзда, тит. сов., Василій Сыромятниковъ. Гласный Харьковскаго Губернскаго Земства, дѣйст. стат. сов., Сергѣй Курчениновъ. Предсѣдатель Купянской уѣздной управы, Николай Розалионъ Сашальскій.

VIII. Лебединскаго уѣзда. Предсѣдатель отдѣленія, благочинный 1-го округа Лебединскаго уѣзда, свящ. Покровской церкви г. Лебедина, Петръ Чудновскій. Почетный членъ отдѣленія настоятель Соборно-Успенской церкви г. Лебедина, прот. Стефанъ Прокоповичъ. Слободы Ольшаной, Лебединскаго уѣзда, Сергіе-Анастасіевской церкви, прот. Михаилъ Лободовскій. Вознесенской церкви г. Лебедина свящ. Василій Лихницкій. Свящ. Пятницкой церкви села Великаго-Исторона Лебедин. уѣзда, Іоаннъ Малиженевскій. Свящ. Преображенской церкви сл. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, Петръ Рубинскій. Свящ. Георгіевской церкви г. Лебедина, Аполлоній Гончаревскій. Свящ. Троицкой церкви г. Лебедина, Максимъ Сулима, дѣлопроизводитель отдѣленія. Податной инспекторъ 13-го участка Харьковской губ. коллеж. сов. Петръ Тигель.

IX. Старобѣльскаго уѣзда. Предсѣдатель отдѣленія, кандидатъ Богословіи, свящ. Гавріилъ Пошовъ. Уѣздный наблюдатель, надвор. сов. Иванъ Рудневъ. Постоянный членъ отдѣленія, директоръ Старобѣльской Александровской гимназіи, стат. сов. Стефанъ Феневъ. Постоянный членъ отдѣленія, предсѣдатель Старобѣльской Александровской гимназіи, надвор. сов. Николай Деревенскій. Свящ. сл. Бѣловодска, Леонидъ Попомаревъ. Свящ. Осиновской Успенской церкви, Василій Капустянскій. Свящ. Старобѣльской Соборной церкви, Іоаннъ Басьяновъ. Благочинный 2-го Старобѣльскаго округа, свящ. Михаилъ Согинъ.

X. Сумскаго уѣзда. Предсѣдатель отдѣленія, свящ. Сумской Николаевской церкви Симеонъ Недѣлка. Свящ. Бѣлопольской Пророко-Ильинской церкви, Максимъ Подлуцкій. Потом. дворян. дѣйст. стат. сов. Павелъ Харитоненко. Потом. почет. граждан. Николай Лещинскій. Потом. почет. граждан. Николай Скубенко. Потом. почет. граждан. Николай Суха-

невъ. Протоіерей Сумской Соборной церкви, Василій Накольскій. Городской голова, Валеріанъ Золоторевъ. Предсѣдатель земской управы, Павелъ Лянтваревъ. Благочинный 1-го Сумского округа, свящ. Іоаннъ Дмитріевъ. Благочинный 2-го Сумского округа, протоіерей Алексій Чугаевъ.

XI. Харьковскаго уѣзда. Предсѣдатель отдѣленія, свящ. Харьковской Архангело-Миханловской церкви, Петръ Скубачевскій. Свящ. Харьковской Спасо-Преображенской церкви, Сергій Уманцевъ. Свящ. села Комаровки Екатерининской церкви, Петръ Шабатинскій. Свящ. Харьковской Христорожественской церкви Константинъ Дьяковъ. Статскій сов. Михаилъ Невпругинъ. Надвор. сов. Владиміръ Марченко, учитель Харьковскаго духовнаго училища. Уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ, протоіерей Харьковской Свято-Духовской церкви, Петръ Тимошеевъ. Свящ. сл. Мереры Николаевской церкви, Василій Любчинскій. Дѣйст. стат. сов. Владиміръ Фоль-деръ-Лаупиць. Свящ. Харьковской Кресто-Воздвиженской церкви, Николай Любарскій.

В. Члены испытательныхъ комиссій на званіе учителя или учительницы церковно-приходскихъ школъ.

I. При Харьковской духовной семинаріи. Инспекторъ семинаріи, Іеромонахъ Михаилъ. Преподаватель Харьковской духовной семинаріи, стат. совѣт. Иванъ Кудревичъ. Преподаватель Харьковской духовной семинаріи, стат. сов. Николай Протопоповъ. Преподаватель Харьковской духовной семинаріи, Николай Ковинъ.

II. При Харьковскомъ духовномъ училищѣ. Смотритель училища, стат. сов. Александръ Снегиревъ. Учитель русскаго языка, стат. совѣт. Иванъ Евенкій. Учитель ариметики и географіи, стат. совѣт. Василій Пономаревъ. И. д. учителя приготовительнаго класса воспитанникъ духовной семинаріи, надвор. совѣт. Иванъ Лихницкій.

III. При Купянскомъ духовномъ училищѣ. Смотритель училища, стат. совѣт. Иванъ Григоровичъ. Помощникъ смотрителя, стат. совѣт. Александръ Малишевскій. Учитель русскаго языка въ 1-мъ классѣ, Иванъ Гогвиъ. Учитель ариметики и географіи, Михаилъ Островцовъ. Учитель приготовительнаго класса, Георгій Поповъ.

IV. При Сумскомъ духовномъ училищѣ. Смотритель училища, протоіерей Аркадій Грузовъ. Учитель географіи и ариметики, Николай Гальковскій, Помощникъ смотрителя, свящ. Іаковъ Матусевичъ.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Безмѣстный священникъ *Василій Полтавцевъ* опредѣленъ 13-го іюля на священническое мѣсто при Преображенской церкви, сл. Петровской, Изюмскаго уѣзда.

б) Діаконъ-псаломщикъ церкви села Солдатскаго, Богодуховскаго уѣзда, *Николай Краснопольскій* опредѣленъ 15 іюля н. г. на діаконское мѣсто при церкви слоб. Терешковки, Сумскаго уѣзда.

в) Безмѣстный псаломщикъ *Іосифъ Поздняковъ* опредѣленъ 9 іюля н. г. н. д. псаломщика къ церкви, села Знаменскаго, Лебединскаго уѣзда.

г) Крестьянинъ *Петръ Назаренко* опредѣленъ 11 іюля н. д. псаломщика къ церкви слоб. Верхней Покровки, Старобѣльскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

а) Священникъ Покровской Кладбищенской церкви, города Изюма, *Владиміръ Григоровичъ* перемѣщенъ 13 іюля на 1-е священническое мѣсто при Крестовоздвиженской церкви, того же города.

б) Священникъ церкви села Булоцеловки, Зміевскаго уѣзда, *Сергій Свиридовъ* перемѣщенъ 13 іюля на священническое мѣсто при Покровской кладбищенской церкви, города Изюма.

в) Діаконъ Троицкой церкви, слоб. Крепейной, Купянскаго уѣзда, *Антоній Труфановъ* перемѣщенъ 13 іюля на діаконское мѣсто при Покровской церкви, слоб. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда.

г) Діаконъ Покровской церкви, слоб. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда, *Іоаннъ Жуковъ* перемѣщенъ 13 іюля на діаконское мѣсто при Троицкой церкви, сл. Крепейной, Купянскаго уѣзда.

д) Священникъ Тихоновской церкви, с. Борщоваго, Харьковскаго уѣзда, *Іоаннъ Ильинскій* перемѣщенъ 20 іюля на священническое мѣсто при церкви слоб. Русскихъ Тишковъ, того же уѣзда.

е) Священникъ Сошествіевской церкви, слоб. Хатней, Волчанскаго уѣзда, *Іоаннъ Алексѣевъ* перемѣщенъ 21 іюля на священническое мѣсто при Тихоновской церкви, села Борщоваго, Харьковскаго уѣзда.

ж) Священникъ Троицкой церкви, слобы Нижняго Бурлунка, Волчанскаго уѣзда, *Александръ Богдановскій* перемѣщенъ 21 іюля на священническое мѣсто при Сошествіевской церкви, слоб. Хатней, Волчанскаго уѣзда.

з) Н. д. псаломщика церкви слоб. Деркачевки, Лебединскаго уѣзда, *Владиміръ Зеленскій* перемѣщенъ 12 іюля къ церкви села Тучнаго, того же уѣзда.

і) И д. Псаломщика церкви села Тучнаго, Лебединскаго уѣзда, Яковъ *Сорока* перемѣщенъ 12 іюля къ церкви села Деркачевки, того же уѣзда.

и) Псаломщикъ церкви села Бѣжевки, Лебединскаго уѣзда, Иванъ *Мухинъ* перемѣщенъ 15-го іюля на псаломщицкое мѣсто при церкви слоб. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда.

3. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Преображенской церкви, села Борокъ, Зиѣвскаго уѣзда утвержденъ 11 іюля старостою крестьянинъ Гавріилъ *Чумакъ*.

б) Къ Николавской церкви, слоб. Николаевки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 14 іюля старостою потомственный почетный гражданинъ Леонтій Захаріевъ *Жуковъ*.

в) Къ Покровской церкви, слоб. Нижней Сыроватки, Сумскаго уѣзда утвержденъ 15 іюля старостою крестьянинъ Василій *Кононенко*.

4. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Сошествіевской церкви, слоб. Хатней, Волчанскаго уѣзда, Григорій *Поповъ* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 21 іюля с. г.

б) Священникъ Николавской церкви, сл. Тапюшевки, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Торанскій* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 20-го іюля сего года.

в) Діаконъ Соборной Покровской церкви, города Ахтырки, Михаилъ *Томашевскій* уволенъ за штатъ, по болѣзни, 20 іюля сего года.

5. О смерти среди духовенства.

а) Священникъ Всѣхсвятской церкви, села Залиманья, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Власовскій* умеръ 12 іюля сего года.

б) Діаконъ Успенской церкви, слоб. Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда, Григорій *Стефановскій*, умеръ 4 іюля сего года.

6. Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) Священникъ Николаевской церкви, села Синолицовки, Харьковскаго уѣзда, Евемій *Поповъ* утвержденъ 19 іюля сего года помощникомъ благочиннаго 2 округа Харьковскаго уѣзда, вмѣсто состоявшаго въ сей должности священника сл. Двурѣчнаго Кута Василія *Ястремскаго*.

б) Священникъ Преображенской церкви г. Ахтырки Димитрій *Владыковъ* утвержденъ въ должности предсѣдателя церковно-приходскаго попечительства.

7. Объявленіе.

При Старобѣльскомъ женскомъ монастырѣ въ помощь существующему причту нуженъ священникъ изъ лицъ состоящихъ за штатомъ и преклоннаго возраста. Объ условіяхъ узнать у игуменіи монастыря Апполитаріи.

10. В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

а) священническія.

При Харьковской Рождество-Богородичной церкви.

— Харьковской Благовѣщенской церкви.

— Харьковской Воскресенской церкви.

— Сергіевской церкви при Харьковской 2-й мужской гимназіи.

— Рождество-Богородичной церкви, с. Бондаревой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Успенской церкви, сл. Бондаревой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Покровской церкви, с. Гринцева, Лебединскаго уѣзда.

— Троицкой церкви, с. Проруби, Сумскаго уѣзда.

— Успенской церкви, с. Гречишкина, Старобѣльскаго уѣзда.

— Тихоновской церкви, с. Ницахи, Ахтырскаго уѣзда.

— Покровской церкви, с. Глазуновки, Зміевскаго уѣзда.

— Всѣхсвятской церкви, села Залиманья, Изюмскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, села Будъ, Харьковскаго уѣзда.

— Соществіевской церкви, сл. Хатней, Волчанскаго уѣзда.

— Троицкой церкви, сл. Нижняго Бурлучка, Волчанскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, сл. Танюшевки, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Д і а к о н с к і я.

При Троицкой церкви, сл. Качаловки, Богодуховскаго уѣзда.

— Теодоро-Стратилатовской церкви, с. Тучнаго, Лебединскаго уѣзда.

— Архангело-Михайловской церкви, села Пересѣчнаго, Харьковск. у.

— Успенской церкви, сл. Вѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда.

— Соборной Покровской церкви, города Ахтырки.

в) П с а л о м щ и ц к і я.

При Харьковской Институтской Маріи Магдалин. церкви.

— Харьковской Воскресенской церкви.

— Харьковской Преображенской церкви.

— Харьковской Благовѣщенской церкви.

— Харьковской Рождество-Богородичной церкви.

— Харьковской кладбищенской Иоанно-Усыпковен. церкви.

— Сергіевской, Харьковской 2-й мужской гимназіи церкви.

- При Осіе-Андреевской церкви, Харьковскаго реального училища.
 — Преображенской церкви, сл. Кременной, Купянскаго уѣзда.
 — Иоанно-Предтеченской церкви, села Снѣжкова-Кута, Валковскаго у.
 — Александро-Невской церкви, с. Битицы, Сумскаго уѣзда.
 — Рождество-Богородичной церкви, сл. Смольяниновой, Старобѣльск. у.
 — Преображенской церкви, села Солдатскаго, Богодуховскаго уѣзда.
 — Иверско-Богородичной церкви, села Бѣжавки, Лебединскаго уѣзда.

О Т Ч Е Т Ъ

Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за
1904 годъ (29 годъ его существованія).

I. Составъ Комитета.

Въ 1904 году Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества составляли: Предсѣдатель—Преосвященный Стефанъ, Епископъ Сумскій,—до 29 апрѣля и Преосвященный Алексій, Епископъ Сумскій съ 30 мая 1904 года.

Члены: архимандритъ Іосифъ, протоіерей: Іоаннъ Чижевскій, Павелъ Солнцевъ, Петръ Полтавцевъ, Іоаннъ Пичета и Александръ Федоровскій, надворный совѣтникъ Мнх. П. Звѣринскій, потомств. поч. гр. Е. Д. Школяренко, казначей прот. Василій Поповъ, дѣлопроизводитель В. Никитскій.

Дѣйствительныхъ членовъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ 1904 г. въ Харьковской епархіи состояло 840, въ томъ числѣ 16 обезпечившихъ свои взносы вкладомъ на вѣчное время, а именно: Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій, Арсеній, Архіепископъ Харьковскій, Стефанъ, Еписк. Могилевскій, Іустинъ, Архіепископъ Херсонскій, Веніаминъ, Епископъ Кіашемскій, прот. Алексій Илларионовъ, Харьковскій Каѳедральный соборъ, Ряснянскій Свято-Димитріевскій монастырь, Звѣринскій М. П., Клеменовъ М. С., Куличенко М. С., Черкасовъ Н. Б., Школяренко Е. Д., Щербаковъ К. В., Княгиня О. П. Кавказидзе, Остахова Е. А.

Кромѣ того, при жизни своей внесли вклады на вѣчное время нынѣ въ Бозѣ почивающіе: Архіепископъ Амвросій, бывш. Харьковскій, Архіеп. Савва, бывш. Тверской, Епископъ Геннадій, Прот. Андрей Дюковъ, свящ. А. Крыжаповскій, свящ. О. Рогиневскій, свящ. Н. Черняковъ, свящ. Г. Лобковскій, Акименко С. М., Величченко К. И., Галкинъ О. О., Коровницъ А. И., Кульшинъ Т. С., Лавровъ М. А., Левченко А. И., Рыжовъ П. И., Соколовскій С. Н., Сѣриковъ Н. Е. и Чернышевъ И. О.

II. Дѣятельность Комитета.

Дѣятельность Комитета въ отчетномъ году выражалась въ принятіи, расходованіи и храненіи миссіонерскихъ суммъ и въ исполненій порученій Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Принятіе, расходованіе и храненіе миссіонерскихъ суммъ производилось установленнымъ порядкомъ. Поступившія деньги вкладывались для приращенія процентами въ контору государственнаго банка.

28 февраля была совершена панихида по усопшимъ членамъ Общества.

III Средства Комитета.

Движеніе суммъ Комитета въ отчетномъ году представлялось въ слѣдующемъ видѣ: Къ 1904 году оставалось наличными — 9475 р. 22 к., билетами — 3340 р. Итого 12815 р. 22 к.

Въ 1904 году поступило: Отъ благочиннаго 1-го округа города Харькова 476 р. 76 к., отъ благочиннаго 2-го окр. г. Харькова 349 р. 50 к. Отъ благочинныхъ Харьковскаго уѣзда: 1-го округа 132 р. 60 к., 2-го округа 126 р. 91 к., 3-го округа 142 р. 71 к., 4-го округа 87 р. 66 к. Отъ благочинныхъ Ахтырскаго уѣзда: 1-го округа 290 р. 1 к., 2-го округа 174 р. 49 к., 3-го округа 63 р. 37 к. Отъ благочинныхъ Богодуховскаго уѣзда: 1-го округа 159 р. 89 к., 2-го округа 141 р. 81 к. Отъ благочинныхъ Валковскаго уѣзда: 1-го округа 106 р. 75 к., 2-го округа 93 р. 63 к. Отъ благочинныхъ Волчанскаго уѣзда: 1-го округа 165 руб. 48 коп., 2-го округа 112 руб. 87 коп., 3-го округа 95 руб. 72 коп. Отъ благочинныхъ Зміевскаго уѣзда: 1-го округа 147 руб. 78 коп., 2-го округа 162 руб. 42 коп., 3-го округа 217 руб. 54 коп. Отъ благочинныхъ Изюмскаго уѣзда: 1-го округа 177 р. 13 к., 2-го округа 109 р. 82 к., 3-го округа 102 р. 66 к., 4-го округа 206 р. 9 к. Отъ благочинныхъ Купянскаго уѣзда: 1-го окр. 132 р. 50 к., 2-го округа 232 р. 19 к., 3-го округа 168 р. 63 к. Отъ благочинныхъ Лебединскаго уѣзда: 1-го округа 144 р. 47 к., 2-го округа 123 р. 37 к., 3-го округа 188 р. 82 к. Отъ благочинныхъ Старобѣльскаго уѣзда: 1-го округа 226 р. 4 к., 2-го округа 158 р. 9 к., 3-го округа 166 р. 85 к., 4-го округа 326 р. 16 к., 5-го округа 202 р. 70 к. Отъ благочинныхъ Сумскаго уѣзда: 1-го округа 181 р. 39 к., 2-го округа 177 р. 72 к., 3-го округа 88 р. 81 к. Отъ монастырей: Харьковскаго Покровскаго 31 р. 99 к., Куряжскаго 10 р. 51 к., Ахтырскаго 5 р. 48 к., Ряснянскаго 13 р. 90 к., Святогорскаго 25 р., Высокынововаго 3 р. 83 к., отъ Богодуховскаго женскаго монастыря 10 р. 75 к., Николаевскаго 13 р. 65 к., Старобѣльскаго 17 р., Хорошевскаго 17 р. 26 к., Серафимо-Успенскаго Омовскаго 1 р. 50 к. Отъ

надв. совѣт. Г. П. Доронина 3 р., отъ преподавателя 1-й гимназіи Н. А. Чеканова 3 р., отъ діакона А. Браиловскаго 3 р., отъ дѣйств. ст. сов. И. А. Виноградова, Е. В. Озеровой, генерала А. Ѳ. Озерова, доктора Н. П. Прейса, дѣйств. ст. сов. Н. Г. Жаворонкова, священ. А. Лобковскаго и Е. А. Ефремова,—отъ каждаго по 3 рубля,—всего 21 р. Собрано въ каѳедральномъ соборѣ, предъ панихидою по усопшимъ членамъ Комитета 47 р. 98 к., получено процентовъ съ капитала 430 р. 44 к., отъ потомств. поч. гр. Конст. П. Уткина одна 4% государственная рента 1894 г., за № 1999, серія 17-ая—на 100 р. Итого 7120 р. 63 к.

Въ этомъ числѣ—единовремен. пожертвованій 1290 руб. 1 коп., членскихъ взносовъ 2509 руб. 53 коп., кружечнаго сбора 1036 руб., 87 к., сбора въ Нед. Православія 1753 руб. 78 коп. Всего-же, съ остаткомъ отъ 1903 г., въ Комитетъ поступило 19935 р. 85 коп., въ томъ числѣ наличными 16495 руб. 85 коп., билетами 3440 руб.

Въ 1904 году израсходовано—10002 руб. 5 коп., изъ коихъ—послано на содержаніе Алтайской и Оренбургской миссій 9349 р. 25 к., на жалованіе дѣлопроизводителю 200 р., на покупку 12¹/₂ дюж. стульевъ, мелкіе расходы и канцелярскія нужды—452 руб. 80 коп. *Осталось къ 1905 г. наличными 6493 руб. 52 коп., билетами 3440 руб. Итого 9933 руб. 52 коп.*

Предсѣдатель Комитета *Епископъ Сумскій Алексій.*

Дѣлопроизводитель *В. Никитскій.*

Ж У Р Н А Л Ъ

Общаго годичнаго Собранія Харьковскаго Отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества 20 марта 1905 года.

Въ воскресенье, 20 марта, въ часъ дня, члены Православнаго Миссіонерскаго Общества собрались въ Крестовой церкви Харьковскаго Архіерейскаго дома.

Послѣ гѣнія стихиръ: „Днесъ благодать Св. Духа насъ собра“ собраніе приглашено было къ выслушанію отчета Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1904 годъ.

По прочтеніи отчета приступлено было къ избранію трехъ уполномоченныхъ отъ Собранія, не состоящихъ членами Комитета, для повѣрки отчета въ финансовомъ отношеніи, и Товарища Предсѣдателя. По объявленіи выборовъ, произведенныхъ посредствомъ написанія именъ на биле-

тахъ, избранными оказались: въ члены комиссіи — бывшіе въ прошломъ году, а товарищемъ предсѣдателя — редакторъ „Южнаго Края“ Александръ Александровичъ Іозефовичъ, который тутъ же и внесъ 100 рублей.

За снмъ собраніе объявлено закрытымъ до будущаго 1906 года, или до особаго чрезвычайнаго случая, и заключено пѣніемъ „Достойно есть“.

Арсеній Архіепископъ Харьковскій.

Епископъ Сумскій Алексій.

Прот. П. Полтавцевъ, прот. П. Тимовеевъ, прот. Н. Ѳедоровъ, свящ. П. Грома, прот. А. Ѳедоровскій, прот. Павелъ Солнцевъ, прот. Георгій Чеботаревъ, свящ. Іоаннъ Инноковъ, свящ. Влад. Шаповаловъ, З. А. Ковалевъ, свящ. Георгій Введенскій, стат. совѣтн. Іозефовичъ, купецъ Петръ Степановичъ Гончаровъ, свящ. Андрей Жадановскій, свящ. Василій Пономаревъ, свящ. Константинъ Дьяковъ, свящ. Александръ Луценковъ, церк. староста Н. Бузникъ, прот. Николай Гутниковъ, свящ. Николай Любарскій, провизоръ В. Тупиковъ, іеромонахъ Иринеи Харьк. Арх. Дома.

Отъ Харьковского Отдѣленія Попечительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ.

Съ разрѣшенія и благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Харьковскаго Арсенія, согласно указа Харьковской духовной консисторіи отъ 15 февраля с. г. за № 3812, поступило съ 1 мая по 1 іюля с. г. суммъ, собранныхъ въ Недѣлю Женъ Муриносиць, въ пользу училища глухонѣмыхъ въ Харьковѣ, отъ нижеслѣдующихъ церквей и монастырей Харьковской епархіи:

- 1) Отъ Харьковскаго Покровскаго монастыря 12 р. 30 коп.,
- 2) отъ Ахтырскаго Свято-Троицкаго монастыря 98 к.,
- 3) отъ Ѳомовскаго Успенско-Серафимовскаго женскаго монастыря 3 р. 50 к.,
- 4) отъ Ряснянскаго Свято-Дмитріевскаго монастыря 2 р. 26 к.,
- 5) отъ Богодуховскаго Свято-Троицкаго женскаго монастыря 4 р. 20 к.,
- 6) отъ Верхо-Харьковскаго Николаевскаго Дѣвичьяго монастыря 4 р.,
- 7) отъ благочин. церквей 1 округа Зміевскаго уѣзда 26 р. 86 к.,
- 8) отъ благочин. церквей 2 округа Лебединскаго уѣзда 16 р. 44 к.,
- 9) отъ благочиннаго церквей 1 округа г. Харькова 100 р.,
- 10) отъ церкви Нерукотвореннаго образа Спасителя, при Харьковскомъ коммерческомъ училищѣ, чрезъ г. директора училища 61 р. 41 к.
- 11) отъ настоятеля Святогорской Успенской

пустыни 15 р., 12) отъ Старо-Харьковскаго Преображенскаго Куряжскаго монастыря 6 р., 13) отъ Высочинскаго Казанскаго монастыря 70 к., 14) отъ благочиннаго церквей 2 округа Валковскаго уѣзда 20 р. 34 к., 15) отъ благочиннаго церквей 2 окр. Изюмскаго уѣзда 24 р. 21 к., 16) отъ благочиннаго церквей 1 окр. Сумскаго уѣзда 52 р. 50 к., 17) отъ благочиннаго церквей 1 окр. Харьковскаго уѣзда 16 12 к., 18) отъ благочиннаго церквей 1 округа Волчанскаго уѣзда 22 р. 88 к., 19) отъ благочиннаго 4 округа Старобѣльскаго уѣзда 75 р. 45 к., 20) отъ благочиннаго 5 округа церквей Старобѣльскаго уѣзда 48 р. 31 к., 21) отъ благочиннаго церквей 3 округа Старобѣльскаго уѣзда 17 р. 70 к., 22) отъ благочиннаго церквей 2 округа Богодуховскаго уѣзда 19 р. 46 к., 23) отъ благочиннаго церквей 1 округа Старобѣльскаго уѣзда 26 руб. 51 коп., 24) отъ Хорошевскаго Вознесенскаго Дѣвичьяго монастыря 4 р. 03 к., 25) отъ Старобѣльскаго женскаго Скорбященскаго монастыря 4 р., 26) отъ благочиннаго 4 округа Изюмскаго уѣзда 40 р. 07 к., 27) отъ благочиннаго церквей 2 округа Волчанскаго уѣзда 25 р. 66 к., 28) отъ благочиннаго церквей 3 округа Ахтырскаго уѣзда 15 р. 71 к., 29) отъ благочиннаго церквей 3 округа Изюмскаго уѣзда 32 р. 26 к., 30) отъ благочиннаго церквей 3 округа Сумскаго уѣзда 13 р. 50 к., 31) отъ благочиннаго церквей 1 округа Валковскаго уѣзда 32 р. 78 к., 32) отъ благочиннаго церквей 2 округа Харьковскаго уѣзда 32 руб. 50 к., 33) отъ благочиннаго церквей 1 округа Ахтырскаго уѣзда 40 р. 74 к., 34) отъ благочиннаго церквей 2 округа Зміевскаго уѣзда 33 р. 06 к., 35) отъ благочиннаго церквей 4 округа Харьковскаго уѣзда 14 р. 57 к., 36) отъ благочиннаго церквей 1 округа Жупянскаго уѣзда 21 р. 60 к., 37) отъ благочиннаго церквей 1 округа Лебедивскаго уѣзда 25 р. 30 к., 38) отъ благочиннаго церквей 3 округа Харьковскаго уѣзда 25 р., 39) отъ благочиннаго церквей 3 округа Зміевскаго уѣзда 32 р. 71 к., 40) отъ благочиннаго церквей 3 округа Лебедивскаго уѣзда 15 р. 77 к., 41) отъ благочиннаго церквей 3 округа Волчанскаго уѣзда 23 р. 53 к., 42) отъ благочиннаго церквей 2 округа Жупянскаго уѣзда 45 р. 71 к., 43) отъ благочиннаго церквей 2 округа Сумскаго уѣзда 30 р., 44) отъ благочиннаго церквей 2 округа г. Харькова 78 р. 30 к. Итого поступило 1163 р. 93 к. *одна тысяча сто шестьдесятъ три рубля девяносто три коп.*

Харьковское отдѣленіе попечительства о глухонѣмыхъ приносятъ свою глубокую благодарность благотворителямъ глухонѣмымъ:

о.о. благочиннымъ, настоятелямъ церквей, настоятельницамъ женскихъ монастырей и всемъ потрудившимся на это благое дѣло. Благочинныхъ, не доставившихъ выше означенныхъ сборовъ, почтительнѣйше просить посидѣть доставленіемъ таковыхъ. При этомъ отдѣленіе чрезъ напечатаніе дѣлаетъ слѣдующее объявленіе: „Пріемъ въ Харьковское училище глухонѣмыхъ дѣтей обою пола, съ 8—12 лѣтнаго возраста, послѣ каникулъ начнется съ 16, а 20 августа начало ученія, для приходящихъ бѣдныхъ дѣтей бесплатно, съ состоятельныхъ плата за ученіе въ годъ 30 р., для полныхъ пансіонеровъ въ годъ 200 р., съ учебными пособіями, одѣяніемъ и столомъ отъ училища. Въ Кочетовскомъ же ремесленномъ отдѣленіи, послѣ одного мѣсяца каникулъ, начало ученія съ 1 сентября съ платою въ годъ по 120 руб. на полномъ содержаніи отъ училища, пріемъ однихъ лишь полростковъ мужескаго пола 15—20 лѣтъ физически и умственно пригодныхъ для ремесленныхъ занятій и къ обученію грамотѣ, гдѣ преподаются ремесла: столярное, токарное, бондарное, колесное и плетенія разныхъ вздѣлій изъ лозы“.

Членъ Отдѣленія, Казначей, завѣдующій училищами, протоіерей *Василій Ветуховъ*.

II.

Содержаніе. II. Похищеніе и обрѣтеніе изъ Ахтырскаго Собора Чудотворной Иконы Вожіей Матери 1-го апрѣля 1905 г. *Священника Гавріила Бялоусова*.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Юбилей.—† Памяти протоіерея *Михаила Андреевича Румянцева*. (26-го іюня 1905 г.).—Иноепархіальный отдѣлъ.—Что дѣлать духовенству.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Малороссійская пропаганда за границей.—Лютеранское богослуженіе на русскомъ языкѣ.—Объявленія.

ПОХИЩЕНІЕ И ОБРѢТЕНІЕ

изъ Ахтырскаго Собора Чудотворной Иконы Вожіей Матери
1-го апрѣля 1905 г.

Рѣдкій русский богомолецъ, путешествуя на поклоненіе Кіевскимъ святынямъ, не направится въ городъ Ахтырку. Съ весны и до осени по утопающимъ въ зелени садовъ городскимъ улицамъ идутъ усталой походкой вереницы богомольцевъ, среди которыхъ можно встрѣтить и дальняго Сибиряка и выдѣляющагося своимъ живописнымъ костюмомъ Кавказца. Вся эта живая волна силой вѣры влечется къ благодатному сосуду

небесной помощи и милосердія—къ чудотворной иконѣ Божіей Матери, именуемой „Ахтырскою“. Явленная Промысломъ Божиимъ 2-го іюля 1739 года эта святая икона выдѣляется среди другихъ прославленныхъ образовъ Богоматери тѣмъ, что на ней (иконѣ) изображенъ наиболѣе горестный моментъ земной жизни Матери Божіей. Въ глубокой скорби съ ниспадающими на плечи волосами, съ сложенными къ груди руками, съ глазами, исполненными невыразимой печали и благоговѣнія, Богоизбранная Мати взираетъ на распятаго на крестѣ Возлюбленнаго Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа. И какое могучее, умиротворяющее дѣйствіе производитъ на душу молящагося этотъ дивный образъ! Какимъ утѣшеніемъ, какою священной надеждою звучать въ истерзанномъ скорбію сердцѣ слова тропаря: „Преблагословенная Дѣво, Богородительнице чистая, у Креста Сына Твоего и Бога Нашего предстоящи, скорбь велию претерпѣла еси и благодать отъ Него пріяла еси сущія въ скорбѣхъ утѣшати!“ И сколько несчастныхъ страдальцевъ, угнетенныхъ мучительными болѣзнями, потерей близкихъ лицъ, жизненными неудачами, помолившись у святого образа, уходили изъ храма здоровыми, съ облегченнымъ отъ горя сердцемъ, съ свѣтлой надеждой на лучшее будущее. Поистинѣ величественный Ахтырскій Соборъ съ пребывающей въ немъ чудотворной иконой являлся и до нынѣ является для всѣхъ, чающихъ милости и утѣшенія Царицы Небесной, той новой чудодѣйственной купелью Силоамскою, въ которой не единое въ лѣто и токмо первымъ входящимъ здравіе подается, но всегда всякій недугъ и всякая язва душевная и тѣлесная врачуется всѣхъ съ вѣрою и любовью подъ покровъ Богоматери притекающихъ.

Всѣхъ чудесъ изліянныхъ благодатию Божіею отъ святаго образа, записано около 400 ¹⁾, но можно съ увѣренностью сказать, что въ записъ попала только сотая часть изъ тѣхъ дивныхъ знаменій милосердія Матери Божіей, которыя совершились у Ахтырской иконы Ея. Есть тысячи богомольцевъ, которые по

¹⁾ *Примѣчаніе.* Запись чудесъ прекратилась съ 1761 г. т. е. со времени официального признанія иконы чудотворною.

нѣсколько разъ совершали уже изъ далекихъ окраинъ паломничество на поклоненіе Ахтырской иконѣ Божіей Матери въ благодарность за полученныя отъ Нея благодѣянія; есть немало и горожанъ, которые, въ томъ же чувствѣ религиозной благодарности, пользуются всякой минутой свободы, чтобы поклониться и облобызать пречистый ликъ Той, Которая есть теплая молитвенница и скорая утѣшительница всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ, утолившая и ихъ лютыя скорби и печали.

Это святое чувство благодарности шире печатныхъ словъ несетъ во всѣ концы нашего православнаго отечества вѣсть о дивной Ахтырской иконѣ Божіей Матери, умножая и проявленія непостижимой милости Небесной Царицы, и число облагодѣтельствованныхъ Ея неизреченнымъ милосердіемъ.

Благоговѣніе и заботы о благолѣпії великой святыни, современи ея прославленія, заставляли болѣе состоятельныхъ русскихъ людей приносить посильную лепту на Ея украшеніе. Изъ этихъ приношеній нужно отмѣтить золотую ризу, привезенную изъ С.-Петербурга для чудотворной иконы въ 1760 г. придворнымъ протоіереемъ Гиневскимъ, не пожелавшимъ назвать имени жертвователя, и ризу также золотую, пожертвованную въ 1816 г. графиней Анною Родіоновною Чернышевой. Кроме ризъ, въ Ахтырскій Соборъ поступило не мало разныхъ цѣнныхъ пожертвованій предметами церковной утвари и драгоценными вещами.

Собраніе цѣнностей заставило Соборный причтъ и старосту дать имъ наиболѣе желательное примѣненіе и въ 1865 году была заказана у московскаго фабриканта Д. Н. Орлова для иконы новая золотая риза, на сооруженіе которой были употреблены двѣ прежнія ризы, съ добавленіемъ золота и брилліантовъ. Ювелирныя работы были исполнены извѣстнымъ въ то время въ Москвѣ ювелиромъ И. Д. Чечелевымъ. Стоимость ризы, по ея изготовленіи, была оцѣнена въ 30000 рублей. По чистотѣ, товкости и изяществу отдѣлки, и по эстетическому вкусу въ расположеніи и укрѣпленіи брилліантовъ риза эта, по отзыву знатоковъ представляла одно изъ лучшихъ художественныхъ произведеній чеканнаго и ювелирнаго искусства.

Императрица Марія Александровна въ 1871 г. на станціи Серпуховъ изволила осматривать эту ризу, когда ее везли въ Ахтырку, и лестно отзывалась о художественныхъ достоинствахъ ея.

Такимъ образомъ, съ 1871 года икона была облачена въ новую драгоценную ризу, въ которой обычно и пребывала. Хотя при соборѣ имѣется и другая серебряная риза, но эта риза служила постояннымъ одѣяніемъ для копіи чудотворной иконы, которая поставлялась на мѣсто чудотворнаго образа въ то время, когда онъ увозился изъ Собора. Тридцать три года драгоценность, украшавшая Соборную святыню, только радовала сердце молящихся, напоминая о любящихъ благолѣпіе Дома Божія и о томъ благоговѣніи, которое заставляло людей вѣрующихъ къ чтимой святыни вести лучшее отъ щедротъ своихъ. Но у людей съ заглохшею вѣрою, съ развращеннымъ сердцемъ, съ сожженою совѣстью эта драгоценная риза возбуждала адскую мысль о святотатственномъ похищеніи ея. Нельзя сказать, чтобы русское общество въ тотъ или иной періодъ своей жизни было совершенно свободно отъ болѣзненныхъ проявленій порока; были въ немъ и атеисты и революціонеры, были и измѣнники вѣры и коварные слуги отечества; бродили по св. Руси организованные шайки разбойниковъ и грабителей, но никогда порокъ не пріобрѣталъ такого дерзкаго посягательства въ отношеніи къ предметамъ вѣры, какой онъ получилъ въ послѣднее время. Самый порочный русскій человѣкъ, подобно благоразумному разбойнику, находилъ въ своемъ, разбитомъ злобою сердцѣ свѣтлый уголокъ вѣры и эта вѣра во Всемогущаго и Всеблагаго Царя вселенной удерживала привыкшую къ злодѣяніямъ руку отъ посягательства на чтимыя и прославленныя святыни. Но злобный духъ разложенія, проникая все глубже в глубже въ народную массу, исторгъ изъ склоннаго къ злодѣяніямъ сердца и это свѣтлое зерно небесной правды, наполнивъ его полнымъ мракомъ невѣрія и кощунства. Съ ужасомъ вѣрующіе русскіе люди услышали въ 1903 году ужасную вѣсть о дерзкомъ похищеніи Казанской иконы Божіей Матери. Невыразимымъ горемъ и обильными слезами была оплакана эта потеря. Съ по-

нятымъ волненіемъ и напряженнымъ вниманіемъ слѣдило лучшее русское общество за извѣстіями относительно этого небывалаго въ лѣтописяхъ въ русской жизни злодѣянія, но вѣсти не радовали. А между тѣмъ надъ той же частью русскихъ людей собирались новыя тучи, которыя едва не разразились катастрофой, подобной Казанской. Сжигаемые жаждой разгульной широкой жизни, омраченные Іудинымъ недугомъ сребролюбія, злодѣи, поощренные успѣхомъ въ Казани, перенесли свою преступную дѣятельность въ гор. Ахтырку. Слухъ о цѣвностяхъ Ахтырскаго Собора и о драгоцѣнной ризѣ Богоматери вложилъ въ искалѣченную злодѣянiami душу преступную мысль о похищеніи этой ризы и другихъ цѣвностей, принесенныхъ христіанской любовью въ даръ Небесной Царицѣ. Задуманное преступленіе было приведено въ исполненіе въ ночь на 1 апрѣля сего 1905 года.

Ахтырскій Соборъ занимаетъ довольно объемистую площадь въ концѣ такъ называемой бульварной улицы. Цѣлая роща липъ, берестовъ, бѣлыхъ акацій и фруктовыхъ деревьевъ красивой гирляндой окружаетъ величественное зданіе Собора, обнесенное обширною каменною оградой, и въ лѣтній зной влечетъ въ свою напоенную ароматомъ зелени прохладу и утомленнаго длинной дорогой богомольца и желающаго подышать болѣе чистымъ воздухомъ городского обывателя. Съ сѣверной стороны ограды, у святыхъ воротъ, съ одной стороны помѣщается иконная лавка, а съ другой—церковная сторожка; въ юго-восточной сторовѣ возвышается такъ называемая „графская“ церковь, построенная графиней Чернышевой; далѣе съ южной стороны по направленію къ западу тянется крытый навѣсъ для склада разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей храма, заканчивающійся домомъ, въ которомъ живутъ вдовы и безпріютныя старухи. Какъ разъ противъ западныхъ дверей Собора высится соборная колокольня съ отдѣльнымъ подъ ней храмомъ—во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Вся эта масса построекъ при значительномъ числѣ большихъ деревьевъ, даетъ не мало укромныхъ уголковъ для того, чтобы укрыться въ нихъ злодѣю. И потому, когда до города Ахтырки достигъ печальный слухъ о похищеніи Казанской иконы,

причтъ и староста Собора, въ числѣ другихъ предохранительныхъ мѣръ, установили тщательный осмотръ ограды предъ закрытіемъ воротъ и болѣе ранній часъ закрытія ихъ. Озабочиваясь усиленіемъ церковной охраны, Настоятель и Соборный староста усилили штатъ сторожей, который достигъ 8 человекъ и для нихъ уставовлены были часы ночного дежурства; были осмотрѣны и, гдѣ оказалось нужнымъ, заново передѣланы деревянныя внутреннія двери храма и увеличено число запоровъ у желѣзныхъ наружныхъ дверей. Самый храмъ послѣ вечерняго богослуженія тщательно внутри осматривался и запирался въ присутствіи членовъ причта помощникомъ церковнаго старосты. Надежный штатъ сторожей, изъ которыхъ одинъ служилъ при Соборѣ уже 21 годъ, другой—14 лѣтъ, а остальные отъ 5 лѣтъ и ниже, давалъ полную гарантію за бдительную охрану Собора, которая усиливалась какъ намѣреннымъ, такъ и случайнымъ контролемъ со стороны причта и старосты службы сторожей. Что же касается самаго чудотворнаго образа, то облаченный въ драгоценную ризу, онъ неизмѣнно пребывалъ въ томъ величественномъ кіотѣ, который, по преданію, сооруженъ на самомъ мѣстѣ обрѣтенія иконы священникомъ Даніиломъ. Это самой Небесной Царицей избранное мѣсто Ея явленія въ прославленномъ образѣ, оставалось какъ бы постояннымъ Ея селеніемъ и воля человеческая не смѣла нарушить воли Промысла Божія, украсивъ лишь это мѣсто сооруженіемъ художественнаго кіота и цѣлой лентой цѣнныхъ лампадъ, въ одной изъ которыхъ теплился неугасаемый огонь предъ ликомъ Богоматери. Заговоривъ о чудотворномъ образѣ, умѣсто будетъ сказать хотя кратко и о другихъ святыняхъ Собора.

Въ числѣ этихъ святынь достоинъ особаго вниманія большой, художественной работы, напрестольный крестъ съ литымъ изъ золота изображеніемъ Иисуса Христа. Крестъ этотъ передѣланъ изъ небольшого золотого креста, пожертвованнаго графомъ С. Б. Шереметьевымъ. Въ немъ въ особыхъ медальонахъ помѣщены часть древа животворящаго Креста Господня и мощи девяти святыхъ угодниковъ Божіихъ, въ томъ числѣ Св. Предтечи и Крестителя Господня Іоанна. Крестъ украшенъ брилліантами и оцѣнивается въ 10000 рублей.

Великую святыню Собора составляетъ также стариннѣйшая копія Чудотворной иконы, въ серебряной вызолоченной ризѣ, съ придѣланными къ оной ковчезцами, въ которыхъ вложены частицы мощей 103 угодниковъ Божіихъ, въ томъ числѣ Святыхъ Апостоловъ: Петра, Павла, Андрея, Филиппа, Варооломея, Оомы и Іакова.

Но если эти святыни влекли къ Ахтырскому Собору сердца вѣрующихъ, то собранныя при немъ цѣнности привлекли къ нему порочныя сердца злоумышленниковъ. Кто эти злоумышленники, откуда они и сколько ихъ участвовало въ святотатственной кражѣ 1-го апрѣля, въ данное время сказать трудно.

По независящимъ отъ причта обстоятельствамъ, вопросъ объ участникахъ этой выдающейся кражи остается задачей будущаго, давая мѣсто однимъ лишь предположеніямъ и догадкамъ. Пока лишь можно съ нѣкоторой увѣренностью предположить, что въ воровствѣ принимала участіе правильно организованная шайка и что дѣйствовалъ изъ нея въ Соборѣ одинъ, а другіе были на сторожѣ.

Но какъ бы тамъ ни было, ужасный, страшный фактъ кражи совершился.

Былъ четвергъ 5 недѣли поста. На вечернемъ богослуженіи въ Соборѣ присутствовали исключительно одни говѣющіе прихожане, въ числѣ около 200 человѣкъ. Вечерня закончилась, говѣющіе разошлись; въ церкви осталась только одна семья съ больнымъ ребенкомъ, пришедшая помолиться предъ образомъ Богоматери объ исцѣленіи болящаго. Закончился и молебенъ. Седмичный священникъ и члены причта при участіи церковника (помощникъ старосты) и трехъ сторожей, осмотрѣли храмъ. Въ храмѣ царила безмолвная тишина. Потухавшій день еще бросалъ подъ высокіе своды храма слабые проблески вечерняго свѣта, и осѣненный лампадой ликъ Богоматери сіялъ какою-то неземною торжественностію и спокойствіемъ. Ничто не обѣщало той страшной грозы, которая уже висѣла надъ Соборомъ. Отдавъ земной поклонъ святынѣ, осматривавшіе вышли изъ храма, и тяжелыя желѣзныя двери сомкнулись подъ хватомъ надежныхъ замковъ. Пасмурный вечеръ смѣнился ненастной ночью: забушевалъ вѣтеръ, ступились тучи:

и полился мелкій, но непрерывный дождь. Сама природа какъ бы оплакивала то злодѣяніе, которое совершалось подъ покровомъ этой ненастной ночи, одной изъ тѣхъ ночей, о которыхъ народъ вполне правдиво говорить: „хорони Боже, въ эту ночь отъ злого человѣка“. Около полуночи ударили въ набатъ. Звонъ былъ продолжительный и безпрерывный.

Наступило утро перваго апрѣля. Дежурный сторожъ пришелъ и взялъ у священника церковные ключи. По установившемся обычаю, помощникъ церковнаго старосты, въ присутствіи двухъ дежурныхъ сторожей, открылъ церковныя двери. Былъ еще ранній часъ, но открытія храма ждали на его паперти пріѣхавшій съ утреннимъ поѣздомъ по дѣламъ службы діаконъ сосѣдняго села, одна женщина и два Соборныхъ нищихъ. Всѣ эти лица вслѣдъ за церковникомъ и сторожами вошли въ церковь. Одинъ изъ сторожей немедленно направился къ Образу Богоматери, чтобы зажечь свѣчи, а другіе оставались въ притворѣ, ожидая пока будетъ открытъ церковникомъ свѣчной ящикъ. Въ это время вошелъ въ церковь и седмичный псаломщикъ. Между тѣмъ сторожъ, заживавшій свѣчи, замѣтивъ исчезновеніе иконы, въ оцѣпененіи замеръ на мѣстѣ... Подошелъ церковникъ съ женщиной. „Нѣтъ иконы“, вскричали всѣ трое и эта страшная вѣсть, какъ громовой ударъ, пронеслась по Собору. Пришелъ седмичный священникъ. Шумъ и необычайное движеніе въ храмѣ свидѣтельствовали о чемъ-то необыкновенномъ. „Украдена Чудотворная икона“, твердили всѣ съ растерянными лицами. Не хотѣлось вѣрить этой ужасной вѣсти, а между тѣмъ отсутствіе иконы на обычномъ мѣстѣ ея пребыванія подтверждало невѣроятный фактъ похищенія. И дѣйствительно, на верхней ступенькѣ большого кіота лежалъ взломаннымъ малый кіотъ, въ которомъ помѣщалась въ драгоценной ризѣ Чудотворная икона. Боже мой, что—это, тяжелый ли сонъ, или страшная дѣйствительность? Произведенный осмотръ Собора повидимому указывалъ на полный во всемъ порядокъ, а между тѣмъ иконы нѣтъ.

Минута—двѣ и въ церковь прибыли настоятель Собора, церковный староста, другіе члены причта, чины полиціи и сталъ собираться народъ. Снова осмотрѣли храмъ. Оказалось,

что царскія врата въ боковыхъ алтаряхъ немного пріоткрыты, а въ главномъ алтарѣ съ южной стороны на полу у окна слѣды обвалившейся штукатурки и разбитыя стекла. Ближайшее нижнее окно оказалось цѣлымъ, но въ верхнемъ окнѣ обнаружили 5 выбитыхъ стеколъ, отъ которыхъ правильной полосой шелъ по карнизу внутрь Собора вытертый слѣдъ. При болѣе тщательномъ осмотрѣ, на поддерживающихъ напрестольную стѣну колонахъ съ южной стороны замѣчены слѣды крови, замѣчены также слѣды крови на кіотѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ храма, возлѣ которыхъ проходилъ воръ, въ южномъ алтарѣ найденъ около престола небольшой ломъ и часть обожженной окровавленной спички. При внѣшнемъ осмотрѣ храма съ южной стороны его, по стѣнѣ, ведущей къ верхнему алтарному окну, на уступахъ замѣтны слѣды грязныхъ ногъ и въ самомъ низу стѣны—два кровавые пятна.

Съ наружной стороны алтарное окно также оказалось разбитымъ и одинъ изъ деревянныхъ переплетовъ вынутымъ. Въ среднѣ между наружной и внѣшней рамами окна былъ найденъ большой коловоротъ.

Все это указывало, что злоумышленникъ проникъ внутрь Собора черезъ это окно. Ненастная ночь помогла ему остаться незамѣченнымъ.

Между тѣмъ вѣсть о похищеніи Иконы быстро распространилась по городу. Никто не хотѣлъ вѣрить страшной вѣсти, предполагая, что это—грубая апрѣльская шутка... Тѣмъ не менѣе каждый спѣшилъ провѣрить зловѣщій слухъ на мѣстѣ, и вскорѣ церковная ограда, а затѣмъ и самый храмъ переполнились тысячами народа. „Правда ли?“ раздавались тревожные вопросы вновь прибывшихъ и убитыя горемъ лица вопрошаемыхъ вмѣсто словъ давали печальный отвѣтъ... Столько же ужасное, сколько и неожиданное событіе сковывало уста и безпощадно давило чувствомъ невыразимаго горя, сознаниемъ незамѣнимой утраты... „Какъ же мы теперь будемъ жить безъ чудотворной Иконы? Зачѣмъ она понадобилась злодѣю? Взялъ бы себѣ золото, брилліанты, но зачѣмъ, но зачѣмъ взялъ икону?“ слышались сквозь слезы взволнованные возгласы...

Началась утренья. Миромъ и высокимъ духовнымъ утѣше-

ніемъ дарили молящихся священныя молитвы и пѣснопѣнія, но взволнованная ужаснымъ горемъ душа томилась мыслью о похищенной святынѣ. Отвѣчая на жаждавшее утѣшенія настроеніе собравшихся, священникъ въ концѣ утрени обратился къ удрученной горемъ паствѣ съ предложеніемъ помолиться усердно Божіей Матери, чтобы Она явила похищенный злодѣйскою рукою Святой свой образъ.—„Помолитесь, батюшка“—раздались отдѣльные возгласы, и весь народъ склонился для молитвы. Былъ отслуженъ молебенъ Божіей Матери съ акафистомъ „Утоли моя печали“. И какая это была молитва! Тысяча колѣноприклоненнаго народа со слезами на глазахъ какъ одинъ человѣкъ восклицали: „радуйся, радости ваша, избави насъ отъ всякаго зла и утоли наши печали“. Эта молитва была однимъ горячимъ воплемъ вѣрующей души къ Небесной Царицѣ объ утоленіи ужасной печали, вызванной похищеніемъ неопѣненной святыни... и молитва дошла до Неба. Вслѣдъ за молебномъ начались часы и затѣмъ литургія. Едва служащій священникъ успѣлъ, обратясь къ молящимся, возгласить: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“, какъ весь народъ, какъ бы тронутый чьей-то невидимой рукою, всколыхнулся и направился къ выходнымъ дверямъ. „Найдена икона“ раздались радостные крики. Минута... и церковь опустѣла; остались одни служащіе. Жгучее чувство горя смѣшалось томленіемъ ожиданія. Минуты казались часами. Вбѣжалъ одинъ изъ горожанъ и взялъ священническое облаченіе. Еще нѣсколько томительныхъ минутъ и радостный звонъ колоколовъ съ громогласнымъ пѣніемъ десятитысячной толпы „Пресвятая Богородице, спаси насъ!“ какъ вѣсть Маріи Магдалины наполнилъ благодатною радостью святой храмъ. Народъ буквально внесъ на рукахъ въ церковь священника о. Померанцева, который держалъ на головѣ святую икону. Тысячи восторженныхъ взоровъ съ благоговѣніемъ и радостью взирали на знакомыя черты святаго Образа и благодарныя уста въ умиленіи повторяли: „Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!“ Давно уже городъ не жилъ такими повышенными и благодатными чувствами, какъ этотъ день. Восторгъ и слезы радости сіяли на всѣхъ лицахъ. По истинѣ это былъ свѣтлый праздникъ.

горожанъ, праздникъ общей радости, общаго счастья, всѣхъ объединившій въ осязательномъ явленіи неизреченной милости Небесной Царицы. „Слава Богу, Матерь Божія не оставила насъ“ слышалось со всѣхъ сторонъ. Образъ былъ внесенъ въ алтарь, облаченъ въ ризу, а затѣмъ вынесенъ на средину храма для поклоненія народу. По окончаніи литургіи всѣмъ городскимъ духовенствомъ, во главѣ съ настоятелемъ Собора, было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе, предваренное соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ словомъ одного изъ соборныхъ священниковъ.

Дабы фактъ столь быстрого обрѣтенія иконы былъ понятнымъ со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ, нужно сказать, что въ это время производилось недалеко отъ храма постройка церковнаго дома. Работавшій въ домѣ накладчикъ драни, идя изъ дому на работу и услыхавъ о похищеніи иконы, зашелъ въ соборъ и оставался здѣсь до начала литургіи. Когда окончился молебенъ, онъ отправился въ домъ и принялся за работу. Понадобилось взять драни, которая была сложена въ угловой комватѣ. Едва онъ вошелъ въ эту комнату какъ увидѣлъ, что у стѣны обращенной къ улицѣ, между окнами стоитъ на полу икона и возлѣ нея лежитъ сложенный зеленый шелковый платокъ и кусокъ стекла съ сломаннымъ угломъ. Приглядѣлся и узналъ похищенный образъ. Не прикасаясь къ найденному, онъ тотчасъ побѣжалъ въ церковь заявить объ обрѣтеніи иконы, которая затѣмъ и была перенесена отсюда въ церковь. При произведенномъ послѣ этого осмотрѣ дома, на колонахъ галлерей и на одномъ изъ подоконниковъ обнаружены слѣды кровяныхъ пятенъ, аналогичные съ тѣми, какіе замѣчены внутри Собора и на наружной стѣнѣ его, т. е. пятна отъ порѣванныхъ пальцевъ. Это обстоятельство съ одной стороны указываетъ на то, что воръ, похитивъ Св. Образъ, проникъ съ нимъ въ новый домъ и здѣсь снялъ съ него драгоценную ризу, а съ другой служить довольно осязательнымъ подтвержденіемъ обрѣтенія подлиннаго чудотворнаго образа, а не копіи его, какъ было высказано предположеніе кѣмъ-то изъ иногороднихъ скептиковъ. Для того, кто знаетъ образъ, одинъ взглядъ на него уничтожаетъ всякое сомнѣніе въ подлинности;

онъ имѣетъ столько особенностей, что ни одна копія не можетъ передать ихъ даже въ приблизительной точности. Для лицъ же мало или вовсе незнающихъ образа, помимо вышеуказаннаго обстоятельства, доказательствомъ обрѣтенія подлиннаго образа могутъ служить тѣ предметы, которые найдены вмѣстѣ съ нимъ,—платокъ и стекло. Этотъ платокъ былъ подложенъ подъ икону при послѣднемъ переоблаченіи ея, а стекло, вырѣзанное соответственно внутреннему углубленію иконы, прикрывало ликъ и руки Богоматери.

Таковъ фактъ похищенія и обрѣтенія Чудотворной Ахтырской иконы Божіей Матери. Разсматриваемый съ точки зрѣнія юридической, онъ указываетъ на несовершенство существующей охраны церквей: для церквей, владѣющихъ цѣнностями, подобно важнымъ общественнымъ и государственнымъ учрежденіямъ, необходима стража присяжная, отвѣтственная за охрану имущества, а не обычные наемники. Но для сердца вѣрующаго въ этомъ событіи необычайно важна не юридическая сторона его, а та совокупность обстоятельствъ, которая съ несомнѣнностью говоритъ о дивномъ знаменіи милости Божіей.

Объяснивъ фактъ похищенія чтимой святыни люди вѣрующіе съ понятнымъ чувствомъ благоговѣнія останавливаются на обстоятельствахъ обрѣтенія ея. Икона найдена вскорѣ послѣ той необычайной по искренности и глубинѣ вѣры молитвы, которая, по словамъ многихъ, совершенно переродила ихъ, давши возможность испытать въ первый разъ захватывающую силу и дѣйствительность этого благодатнаго дара Премудраго Творца разумной твари. Найдена на томъ мѣстѣ, гдѣ, по рассказамъ старожиловъ, былъ домъ обрѣтшаго ее іерея Даниила и гдѣ, слѣдовательно, около четырехъ лѣтъ она прибывала по первому своему обрѣтенію. Чтобы кажется стоило злодѣю вынести ее за городъ и закопать въ землю или же заложить въ иль одного изъ окрестныхъ болотъ и, быть можетъ, понадобились-бы цѣлыя годы, чтобы отыскать ее; но какъ нарочно она оставлена даже въ чертѣ Соборной ограды и при томъ какъ бы въ нарочито избранномъ мѣстѣ. „Не захотѣла Небесная Царица выйти и за ограду“, говорилъ по этому поводу простой народъ.

Несомнѣнно также, что оставившій во многихъ мѣстахъ храма слѣды крови воръ высматривалъ еще подходящія для себя вещи, но встревоженный церковнымъ набатомъ, поспѣшилъ убраться изъ Собора, оставивъ нетронутыми другія цѣвности собора и даже вскрытый уже свѣчной ящикъ.

Все это для людей невѣрующихъ. покажется случайнымъ стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, но люди вѣрующіе видятъ здѣсь явное дѣйствіе милосердіе Царицы Небесной, попустившей дерзкаго злодѣя совершить святотатственную кражу, но не отдавшей на поруганіе прославленнаго образа своего. И эта вѣра еще болѣе крѣпнетъ подъ впечатлѣніемъ исцѣленія, дарованнаго въ тотъ же день по молитвѣ у св. образа. Одна тяжело больная, узнавши о похищеніи чудотворной иконы, впала въ глубокое обморочное состояніе. Были испробованы всѣ медицинскія средства, но больная не проявляла никакихъ признаковъ жизни и замиравшее сердце видимо говорило о близкомъ концѣ страданій. Тогда семья обратилась къ помощи небесной. Отслуживъ молебенъ Божіей Матери и взявъ воды отъ омытой иконы, семья возвратилась къ больной и этою водою омыла ей лицо. Тотчасъ больная очнулась, начала говорить и цоправляться.

Но злое невѣріе проходитъ мимо такихъ знаменій небесной помощи или съ холоднымъ равнодушіемъ, или съ коварнымъ сожалѣніемъ о мракѣ народномъ, роня въ изрытую пороками почву адскія сѣмена нравственнаго разложенія и полнаго атеизма и подготавливая злодѣевъ, отъ дерзости которыхъ стонетъ вся вѣрующая, православная Русь.

Священникъ Гаоріилъ Блюсовъ.

Архіерейскія богослуженія.

Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ воскресенье, 3-го іюля, благоволилъ совершить литургію въ Покровскомъ монастырѣ.

— 17-го іюля онъ же, Высокопреосвященный Арсеній, благоволилъ служить въ своемъ Каѳедральномъ соборѣ. Благоговѣйное и столь любимое жителями города Харькова архіерейское богослуженіе, съ его обычнымъ благолѣпіемъ, а также прекрасное пѣніе хора архіерейскихъ пѣвчихъ вполне соотвѣтствовали религіозному настроенію молящихся. Но на этотъ разъ богослуженіе это сопровождалось особеннымъ религіознымъ священнодѣйствіемъ. Во время малаго входа, послѣ прочтенія положенной церковной молитвы и церковнаго провозглашенія *аксіосъ*, Высокопреосвященный Арсеній вручилъ іеромонаху Михаилу, инспектору мѣстной семинаріи, возведенному теперь въ санъ архимандрита, архимандричій жезлъ. Новопоставленный архимандритъ опредѣленіемъ Св. Синода назначенъ быть ректоромъ Казанской духовной семинаріи. По этому поводу Высокопреосвященный Арсеній, въ присутствіи всѣхъ молящихся, обратился къ новому архимандриту съ поучительною рѣчью, въ которой указалъ на трудность и великую отвѣтственность, *въ дѣлѣ воспитанія современнаго духовнаго юношества, при исполненіи ректорскихъ обязанностей*, и преподалъ ему мудрое и благовременное наставленіе о томъ, какимъ долженъ быть современный начальникъ и воспитатель духовнаго юношества въ наше время, при нынѣшнемъ, почти всеобщемъ новомъ движеніи среди этого юношества. Рѣчь Владыки тѣмъ болѣе должна была быть поучительною для новопоставленнаго ректора Казанской семинаріи, что была сказана Іерархомъ, пять лѣтъ стоявшимъ во главѣ Казанскихъ духовно-учебныхъ заведеній, какъ высшаго, такъ в низшихъ, и слѣдовательно, хорошо знающимъ эти заведенія. Прекрасная и поучительная рѣчь эта напечатана нами въ началѣ настоящей книжки нашего журнала. — Соборный храмъ былъ переполненъ молящимися.

— 22 іюля, въ высокотожественный день тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ Харьковскомъ Каѳедральномъ соборѣ, въ 9 часовъ утра, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, совершена божественная литургія, а по окончаніи литургіи—благодарственное Господу Богу молебствіе. Послѣ богослуженія на Соборной площади состоялся церковный парадъ отъ частей войскъ мѣстнаго гарнизона. Въ строй были выведены по ротѣ отъ cadaго изъ полковъ 51-й пѣхотной дивизіи и 1 рота отъ 269 пѣхотнаго Богородицкаго полка (по 24 ряда въ ротѣ) и одна сотня казаковъ отъ 17 Донскаго казачьяго полка въ пѣшемъ строю, а также хоръ музыкы отъ 202 пѣхотнаго Старобѣльскаго полка. Парадомъ ко-

мандовалъ штабъ-офицеръ отъ 202 пѣхот. Старобѣльскаго полка. Въ 6-ть часовъ вечера тогоже числа Владыка благоволилъ отбыть въ г. Валки для обозрѣнія тамошнихъ церквей.

— Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій в Ахтырскій, предполагаетъ посѣтить въ іюль: 30—Спасовъ-Скитъ, 31—г. Зміевъ; въ августѣ: 7—Ахтырку, 8—ахтырскій мужской монастырь, 13—Святыхъ горы, 20—Верхо-Харьковскій жен. монастырь; въ сентябрѣ: 3—Богодуховъ, 4—жен. монастырь, (освященіе храма), 7—Хорошевскій жен. монастырь, 16—Дмитріевскій Ряснянскій муж. монастырь, 17—Семереньскую Казанскую жен. общину (открытіе общины). Кромѣ того, 25 августа Владыка посѣтитъ Амвросіевскій пріютъ, а 1 сентября епархіальный свѣчвой заводъ.

Юбилей.

9-го іюля, въ субботу, съ разрѣшенія и благословенія Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія, торжественно былъ отпразднованъ городскимъ духовенствомъ, причтомъ и прихожанами Харьковской Дмитріевской церкви юбилей пятидесятилѣтняго служенія церкви діакона о. Алексѣя Григорьевича Брайловскаго.

Почтенному о. діакону нынѣ 66 лѣтъ. Службу свою онъ началъ въ должности дьячка 1855 года іюля 9-го дня при Харьковской Всѣхсвятской церкви. Къ Дмитріевской же церкви онъ былъ опредѣленъ 1884 г. марта 23-го дня діакonomъ на псаломщицкой вакансіи, а съ 1885 года 9 апрѣля состоятъ здѣсь штатнымъ діакonomъ. Во время своей долголѣтней службы церковно-богослужбной онъ не мало потрудился еще и на поприщѣ народнаго просвѣщенія въ качествѣ учителя сельскаго училища и законоучителя училища Харьковскаго Дмитріевскаго участковаго попечительства, и на общественномъ поприщѣ, какъ членъ Общества защиты дѣтей. Съ 1882 г. по 1897 годъ онъ служилъ письмоводителемъ Харьковскаго епархіальнаго попечительства. На всѣхъ этихъ поприщахъ онъ своимъ чрезвычайнымъ трудолюбіемъ, исполнительностью, удивительною скромностью и уравновѣшенностью характера приобрѣлъ глубокое уваженіе отъ всѣхъ соприкасавшихся съ нимъ, любившихъ его, какъ прекраснаго добрѣйшаго человѣка. При всемъ этомъ почтенный о. юбиляръ былъ образцовѣйшій священнослужитель: благоговѣйный уставный и отъ души усердный. Поэтому его всегда высоко цѣнила и епархіальная власть Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній 6 іюля првнималъ у себя о. діакона и поблагодарилъ его за такую службу и благославилъ прекраснымъ образомъ Божіей Матери.

Празднованіе юбилейнаго дня началось еще наканунѣ 8 іюля, служеніемъ торжественной всенощной. 9-го же іюля, въ самый день юбилея, съ 9 ч. утра началась божественная литургія, которую совершалъ прот. В. Поповъ при участіи всего причта, шести священниковъ и цѣлаго сойма діаконовъ. Въ храмъ собрались помолиться о юбилярѣ многочисленные его родственники, прихожане и городское духовенство. Собственно чествованіе о. юбиляра началось по окончаніи литургіи. Благодѣтельный округа о. П. Фоминъ объявлялъ указъ консисторіи о разрѣшеніи празднованія юбилея. Затѣмъ, въ своей рѣчи отъ лица всего духовенства онъ привнесъ ему поздравленіе съ такимъ знаменательнымъ событіемъ и охарактеризовалъ служебныя достоинства и душевныя качества о. діакона, дѣлавшія его примѣрнымъ діакonomъ, въ причтѣ незамѣнимымъ и любимымъ сотоварищемъ и сотрудникомъ, въ приходѣ почтеннымъ и уважаемымъ священнослужителемъ. Въ заключеніе о. благодѣтельный указалъ на отечески-милостивое вниманіе къ нему Высокопреосвященнаго Архіепископа и передалъ отъ него о. юбиляру св. образъ Божіей Матери съ пожеланіемъ ему еще долголѣтняго благоденствія. О. діаконъ со слезами облобызалъ св. образъ, дорогой ему, какъ Архипастырское благословеніе. Затѣмъ мастытый протоіерей о. І. Чижевскій отъ лица причта привнесъ ему привѣтствіе и въ своей обстоятельной рѣчи обрисовалъ заслуги о. діакона для церкви, причта и прихода, указывая, что онъ своими достоинствами поднялъ въ глазахъ общества, вообще, санъ діакона,—должность, по видимому, незначительную. Вслѣдъ затѣмъ причтъ поднесъ юбиляру св. образъ архид. Стефана, а староста отъ лица прихожанъ—св. образъ великомуч. Прокопія. Потомъ юбиляра привѣтствовали съ подношеніемъ св. иконъ, адресовъ, св. евангелія и хлѣба-соли: представители епархіальнаго попечительства, діаконъ города Харькова, участковое попечительство со школою, Общество защиты дѣтей, причты церквей Всѣхсвятской и Каплуновской. По окончаніи привѣтствій, глубоко взволнованный, почтенный старецъ о. діаконъ благодарилъ всѣхъ, вознося за нихъ горячую молитву Господу. Весь сонмъ священнослужителей, во главѣ съ прот. І. Чижевскимъ, вышелъ на средину храма и совершилъ благодарственное молебствіе Господу съ возглашеніемъ установленнаго многолѣтія Государю Императору, Св. Синоду и архіепископу, достопочтенному юбиляру в прихожанамъ храма. Послѣ молебна, о. діаконъ окружили прихожане и въ теплыхъ сердечныхъ словахъ привѣтствовали его съ пожела-

ніямъ всякихъ благъ. Съѣзжавшіеся многочисленные родственники о. діакона предложили всѣмъ почтввшимъ юбиляра трапезу въ помѣщеніи Дмитріевской церковно-приходской школы. Здѣсь, прѣходя о. діакона, его встрѣтили супруга, семья и родные. Протоіерей о. С. Прокоповичъ поздравилъ его и поднесъ ему св. образъ въ драгоценномъ окладѣ. Во время трапезы была провозглашена первая здравица за благоденствіе Государя Императора и Царствующій Домъ и единодушно было пропѣто „Боже, Царя храни“. Затѣмъ были провозглашены многолѣтія Высокопреосвященному Архіепископу, юбиляру, почтенному о. прот. І. Чижевскому, пресвяттерству и діаконству. Въ застольныхъ рѣчахъ былъ обрисованъ обликъ о. юбиляра, въ особенности какъ семьянина, благороднаго отца и мудраго воспитателя своихъ дѣтей. Это единодушное и искреннее празднованіе юбилея почтеннаго о. діакона показало, что можетъ сдѣлать добрый, честный и усердный труженникъ и въ скромной роли, въ маленькой должности и какого глубокаго уваженія и почтенія отъ общества онъ можетъ достигнуть при внѣшне-незамѣтномъ своемъ положеніи. Побольше-бы такихъ людей нашему вѣку, много говорящему, но мало дѣлающему!

Свящ. П. Оминъ.

Памяти Протоіерея Михаила Андреевича Румянцева.

(† 26-го іюня 1905 года).

26-го іюня, въ воскресенье, въ 12 ч. 5 м. тихо почилъ въ Возѣ протоіерей Спасо-Преображенской церкви г. Харькова Михаилъ Андреевичъ Румянцевъ, на 69-мъ году отъ рода. Это былъ старѣйшій священникъ въ городѣ Харьковѣ, пользовавшійся въ средѣ духовенства особеннымъ положеніемъ какъ его духовникъ и какъ человекъ прекраснаго характера. Въ своемъ Спасо-Преображенскомъ приходѣ — онъ былъ глубоко уважаемъ и почитаемъ, какъ прослужившій здѣсь 34 года, почти съ самаго основанія церкви и образованія прихода.

Почившій о. Михаилъ былъ уроженцемъ села Утѣшева, Мещовскаго уѣзда, Балужской губерніи и былъ сынъ священника. Отецъ его долгое время служилъ при Харьковской единовѣрческой церкви. Отъ отца почившій о. Михаилъ унаслѣдовалъ любовь къ уставному и благолѣпному богослуженію. Обучался онъ въ Харьковской духовной семинаріи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1859 году. Вскорѣ онъ былъ рукоположенъ во священника къ Георгіевской церкви сл. Большой Даниловки, но здѣсь онъ пробылъ около полугода и былъ переведенъ къ Кладбищенской церкви города Чугуева, гдѣ и священствовалъ одиннадцать лѣтъ. Онъ впослед-

ствіи любилъ часто вспоминать свою службу въ Чугуевѣ, пребываніе въ которомъ онъ называлъ счастливѣйшей порою своей жизни. Здѣсь онъ законоучительствовалъ въ училищѣ Военнаго вѣдомства и въ Чугуевской фейерверкерской школѣ и былъ весьма любимъ начальствующими и учениками. Въ 1871 году 26 января о. Михайлъ былъ переведенъ въ гор. Харьковъ къ Преображенской церкви. Въ Харьковѣ, непрерывно служа при одной церкви въ теченіе столь долгаго времени до самой кончины своей, онъ постепенно пріобрѣталъ все большую извѣстность и значеніе какъ въ приходѣ своемъ, такъ и въ области епархіальной жизни. Съ 1871 года сослуживцемъ его при Преображенской церкви былъ извѣстный своею благотворительностію протоіерей Василій Лихницкій, умершій 23-го марта 1902 года. О. Михайлъ былъ всегда съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ: между ними лично никогда не было никакого недоразумѣнія и взаимнаго неудовольствія. Во время смолчать, стерпѣть, въ плое время уступить и оказать услугу, — это было ихъ правиломъ взаимныхъ отношеній. Въ приходской жизни о. Михайлъ отличался чрезвычайнымъ богослужебнымъ усердіемъ, исполнительностью, неутомимостію. Онъ любилъ уставное богослуженіе, хорошо понималъ церковное пѣніе и заботился всегда объ улучшеніи церковнаго хора. Ко всемъ просьбамъ и нуждамъ прихожанъ онъ относился съ полною готовностію исполнить ихъ, не любилъ медлить, заботился, чтобы всякая приходская треба исполнялась въ свое точно назначенное время. Она всегда первый являлся на службу, и ни въ комъ не терпѣлъ опаздываній и проволочекъ. Самъ совершая богослуженіе громко, благозвучно и внятно, онъ того же требовалъ и отъ остальныхъ членовъ причта. Въ то же время въ личныхъ отношеніяхъ къ прихожанамъ онъ былъ всегда благодушенъ, прямъ и откровененъ. Правда, иногда это не нравилось нѣкоторымъ, но онъ всегда свою прямолинейность сглаживалъ благодушіемъ и кротостію. Это былъ человекъ добрѣйшей души. Онъ любилъ благотворить семьямъ бѣдныхъ людей, но никогда объ этомъ не говорилъ, и только случайно приходилось узнавать о крупной помощи, которую онъ оказывалъ многимъ прихожанамъ. Вообще скромность — была выдающаяся черта его прекраснаго характера. Какъ человекъ въ высшей степени трудолюбивый, дѣловитый, аккуратный и честный, онъ обращаетъ на себя вниманіе Епархіальнаго Начальства, и на него возлагается цѣлый рядъ отвѣтственныхъ и почетныхъ должностей по Епархіальному управленію. Такъ Епархіальные Съезды духовенства VI, VIII и X избираютъ его на должности сперва члена, а потомъ и Предсѣдателя Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. Въ этихъ должностяхъ онъ входилъ во все мелочи училищной жизни, усердно заботился объ улучшеніи хозяйственной части училища и

объ обезпеченія его епархіальными средствами. По независящимъ отъ него и совершенно непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, онъ долженъ былъ оставить свою службу въ Епархіальномъ училищѣ, но до конца жизни онъ сохранялъ трогательное воспоминаніе о немъ. Рядомъ съ этимъ онъ въ теченіе 12 лѣтъ проходилъ должность Депутата (Духовнаго Слѣдователя) благочинія церквей гор. Харькова, должность сопряженную съ большимъ и сложнымъ дѣлопроизводствомъ, безпокойную и тяжело отвѣтственную въ нравственномъ смыслѣ. До самой смерти онъ состоялъ, при этомъ, духовникомъ городского духовенства, въ каковой должности онъ проявлялъ въ духовенству столько любвеобильной снисходительности и былъ такъ трогательно и мудро наставителемъ. Въ разные сроки онъ несъ обязанности ревизора Епархіальнаго свѣчнаго завода, члена уѣзднаго отдѣленія Епархіальнаго училищнаго Совѣта, члена благочиническаго Совѣта, законоучителя Харьковскаго женскаго училища имени Ильина, завѣдующаго мѣстной церковно-приходской школы, а съ 1898 года состоялъ членомъ Харьковскаго Епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Если принять во вниманіе не малый приходъ Преображенской церкви, гдѣ особенно въ Великомъ Посту священнику приходится еле выдерживать богослужебный и требиный трудъ, то можно себѣ представить какъ много приходилось работать почившему о. Михайлу. Всегда слабый его организмъ не могъ вынести долгаго и почти непрерывнаго напряженія, силы его были надломлены... При всемъ этомъ о. Михайлу пришлось перенести и въ своей личной жизни тяжелые удары судьбы, какъ напр., преждевременную смерть единственной горячо любимой дочери. Уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1904 г. у о. Михаила обнаружился рѣзкій упадокъ силъ и нервное истощеніе. Съ перерывами недомоганіе тянулось до половины августа мѣсяца, когда онъ окончателно слегъ. Врачи опредѣляли болѣзнь „множественный невритъ“. Всѣ усилія поддержать падавшія силы больного были безуспѣшны. Нѣсколько разъ составлялись консилиумы врачей, которые не видѣли уже благоприятнаго исхода болѣзни. О. Михайлъ медленно таялъ. Его физическое нездоровье усиливалось сознаніемъ невозможности совершать богослуженіе и быть въ храмѣ. Въ дни праздниковъ онъ со слезами на одрѣ прочитывалъ каноны. Часто пріобщался Св. Таинъ. До послѣднихъ дней своей жизни онъ, однако, не терялъ сознанія и своего прежняго благодушія. На Свѣтлый праздникъ въ семь 1905 году принимая весь прятъ, явившійся съ поздравленіемъ, онъ имѣлъ силы встать и, безконечно радый посѣщенію, радушно, подшучивая, угощалъ всѣхъ. Вспыхнула, было, надежда поддержать больного климатическимъ леченіемъ на югѣ Россіи въ маѣ мѣсяцѣ, для чего былъ данъ ему двухмѣсячный отпускъ, но состояніе его здоровья въ началѣ іюня еще рѣзче ухудши-

лось.. Онъ съ благоговѣніемъ сподобился Св. Причастія и, наконецъ, былъ соборованъ. 25 іюня онъ сталъ впадать въ забытѣе и въ 12 час. 5 минутъ 26 іюня тихо скончался. По чину тѣло было приготовлено къ погребенію и установлена была у гроба его первая очередь чтенія Св. Евангелія. Установленный звонъ въ колоколъ оповѣстилъ приходъ о смерти о. Михаила. О кончинѣ его было немедленно сообщено помощнику благочиннаго свящ. А. Луценкову, который доложилъ о семъ Высокопреосвященному Архіепископу; съ его благословенія, оповѣстилъ все городское духовенство и сдѣлалъ всѣ распоряженія относительно погребенія почившаго. Быстро распространилась молва о смерти его, и прихожане непрерывными толпами направились къ квартирѣ покойнаго для возданія послѣдняго долга почившему маститому пастырю. Панихиды совершались мѣстнымъ првчтомъ и причтами городскими въ день кончины и на слѣдующій день 27 іюня утромъ, въ полдень и вечеромъ. Телеграммой былъ вызванъ мѣстный благочинный о. П. Омигъ. Ко времени выноса покойнаго къ 5 ч. вечера 27 собралось многочисленное городское духовенство и во главѣ съ о. благочиннымъ 1 округа г. Харькова прот. П. Полтавцева было торжественно совершено перенесеніе тѣла почившаго въ Спасо-Преображенскій храмъ. Въ 6 час. вечера былъ совершенъ „парастася“ свящ. П. Омидымъ въ сослуженіи съ 6 священниками. 28 іюня было совершено погребеніе. Съ 9 часовъ утра заупокойную литургію совершилъ Предсѣдатель Совѣта Епархіальнаго училища прот. Т. Бутковичъ въ сослуженіи свящ. П. Омидна, А. Луценкова, П. Чернелевскаго и А. Сокольскаго при двухъ діаконахъ. Пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. Послѣ заупокойнаго стиха свящ. Д. Поповъ сказалъ глубоко назидательную проповѣдь, исполненную христіанскихъ утѣшеній въ скорби о почившемъ. Къ началу отпѣванія въ Спасо-Преображенскій храмъ собралось около 28 священниковъ и 12 діаконѣвъ, прибылъ и о. Ректоръ Семинаріи. На гробъ почившаго были возложены вѣнки и букеты отъ родственниковъ почившаго, близкихъ и прихожанъ. Храмъ былъ наполненъ признательными прихожанами: здѣсь присутствовали ученики и ученицы школъ, гдѣ законоучительствовалъ почившій. По выходѣ духовенства къ отпѣванію, прот. Т. Бутковичъ сказалъ краснорѣчивое и прочувствованное слово о почившемъ, въ коемъ обрисовалъ привлекательный образъ почившаго со стороны его характера и дѣятельности: отмѣтилъ его усерднѣйшіе труды по Епархіальному училищу и Епархіальному попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія и его истинно-отеческую роль въ духовенствѣ городскомъ, какъ духовника. Отпѣваніе совершалъ о. Ректоръ Семинаріи при умиленномъ пѣніи всего духовенства и архіерейскаго хора пѣвчихъ. Особенный, содержательный и трогательно-умилительный чинъ іерейскаго

погребенія производилъ на всѣхъ глубокое впечатлѣнiе. Передъ „последнимъ цѣлованiемъ“, сослуживецъ почившаго свящ. П. Оминыя сказалъ прощальное слово, въ коемъ охарактеризовалъ почившаго какъ приходскаго священника и сослуживца въ слѣдующихъ словахъ:

„Итакъ, послѣ продолжительной и медленно-мучительной болѣзни, отошелъ въ страну далече, откуда нѣтъ возврата, ко Престолу Всевышняго, гдѣ нѣтъ лицепрятiя, одинъ изъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ iереевъ нашего города, незабвенный протоiерей Михаилъ Андреевичъ Румянцевъ.

Какъ мы ни были приготовлены къ его кончинѣ давнишнюю его болѣзнию, но горечь утраты и сила скорби по поводу его смерти этимъ не ослабляется. Преждевременная смерть дитяти повергаетъ насъ въ безутѣшную скорбь, но и смерть старца насыщенная днями жизни тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ глубже чрезъ долговременное общенiе, мы сроднились съ нимъ. И смерть незабвеннаго о. Михаила, несомнѣнно, непрошеною скорбию отзывается въ сердцѣ каждаго его духовнаго чада. Онъ священствовалъ въ теченiе—45 лѣтъ. Въ теченiе слѣдовательно *двухъ поколѣний* онъ совершалъ свое великое пастырское дѣло, въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ соприкасаясь съ жизнью прихожанъ. Пастырство тѣмъ и сильно, что нравственнымъ своимъ воздѣйствiемъ, божественною благодатию и молитвою оно входитъ въ самую глубину душевной и сердечной жизни людей. И почившiй за все время своего служенiя сколько молявъ вознесъ за своихъ пасомыхъ у Престола Божiя, о ихъ грѣхахъ вольныхъ и невольныхъ, о ихъ радостяхъ и горестяхъ, о ихъ нуждахъ и потребахъ, сколько онъ возродилъ благодатию крещенiя, освятилъ благодатию брака и прочихъ спасительныхъ таинствъ, сколько уврачевалъ онъ благодатию покаянiя, сколько напутствовалъ въ жизнь вѣчную! Кто изъ васъ, возлюбленные, не вспоминаетъ, по тѣмъ или инымъ случаямъ своей личной жизни, о немъ, какъ о своемъ молитвенникѣ, наставникѣ и руководителѣ? Почти съ самаго начала образованiя сего Преображенскаго прихода (съ 1871 г.) онъ непрерывно въ теченiе 34 лѣтъ пастырствовалъ здѣсь, молилъ съ отцами, наставляя потомъ ихъ дѣтей—руководя затѣмъ ихъ внуками. И вмѣстѣ съ этимъ съ какимъ усердiемъ и честiю онъ несъ здѣсь свое служенiе! Всегда добрый, дѣятельный, исполнительный и точный, онъ съ полною готовностiю спѣшилъ удовлетворить просьбу прихожанъ. Своею удивительною неутомимостiю онъ вызывалъ часто искреннее удивленiе сослуживцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ являлся всегда примѣромъ усердiя и исполнительности. Отъ природы надѣленный добрѣйшею душою, онъ въ житейскихъ отношенiяхъ былъ безконечно незлобивъ, кротокъ и уступчивъ. Такое прекрасное душевное его содержанiе всегда облакалось имъ во всегда неизмѣнное благодушiе. Съ нимъ было отрадно и легко служить на

одномъ поприщѣ и одному дѣлу, всякую минуту благодаря Бога за общеніе съ такимъ примѣрнымъ характеромъ. Но вънцомъ его прекрасныхъ свойствъ, было—удивительное смиреніе и скромность. Всегда отличаемый особеннымъ вниманіемъ Епархіальной власти, удостоиваемый весьма почетныхъ и отвѣтственныхъ должностей и порученій, награжденный высокими отличіями, глубокоуважаемый всѣмъ городскимъ духовенствомъ какъ его духовникъ, —покойный о. Михайлъ, тѣмъ не менѣе, никогда не старался выдаваться изъ ряда другихъ, онъ былъ совершенно чуждъ даже тѣни гордости и превозношенія, овъ не былъ честолюбивъ и искателемъ, онъ всегда довольствовался малымъ, въ своей совершенной непритязательности онъ воплощалъ христіанскую добродѣтель смиренія, того смиренія, которое является основою христіанскаго совершенства. Съ теченіемъ времени въ его пастырскомъ служеніи умножались и усложнялись его труды. Пастырство въ наше время все становится тяжелѣе и по обстановкѣ условій и по отвѣтственности. Сколько приходится іерею, незамѣтно для глазъ мірянъ, терпѣть огорченій отъ излишней къ нему требовательности, отъ несправедливыхъ нареканій, отъ равнодушія къ его не легкому положенію, отъ маловѣрія и невѣрія и отъ удручающихъ способовъ его матеріальнаго обезпеченія. А между тѣмъ, несмотря на всю бодрость и неутомимость человѣка, годы брали свое. Жажда труда ощущалась въ немъ прежняя, но силы въ немъ слабѣли. Отъ постоянныхъ, хотя и незамѣтныхъ напряженій, эти силы стали надламываться, пока, наконецъ, туго натягиваемая тетива не оборвалась, и его, отъ природы слабый организмъ, не былъ разбитъ роковымъ недугомъ..., такимъ долгимъ и такимъ тяжелымъ! Можно ли еще сомнѣваться въ томъ, что своему служенію пастырскому онъ поистинѣ принесъ въ жертву и здоровье свое и жизнь? Да, не обинуясь, мы скажемъ это. А въ такомъ случаѣ жизнь почившаго, незабвеннаго о. Михаила, становится *подвигомъ*, тѣмъ *подвигомъ*, который увѣнчиваетъ человѣка высшею славой и честью и надеждою вѣчнаго блаженнаго покоя.

Идущихъ путемъ подвига, людей труждающихся и обремененныхъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ призываетъ къ Себѣ, глаголя: „прійдите ко *Мнѣ* вси труждающіеся и обремененные и Азъ упокою *Васъ*“. Мы вѣруемъ, что Господь призвалъ къ Себѣ и почившаго труженника—подвижника для вѣчнаго покоя, и вѣчнаго блаженства, какъ достойнаго награды.

Искренно скорбя о смерти почившаго, но и ободренные надеждою небесной ему награды, помолимся, возлюбленные, да вспомнятъ почившій служитель Божій у Престола небеснаго и насъ грѣшныхъ и да не престанетъ своею любовію быть въ молитвенномъ общеніи съ нами всегда и во вѣки! Аминь“.

Отпѣваніе окончилось около 1 ч. дня и всѣ присутствовавшіе присту-

пили къ прощанію съ почившимъ. Многіо изъ прихожанъ, въ своей искренней скорби о смерти уважаемаго пастыря, горько плакали, и эти вздохъ и слезы служили почившему лучшей наградою на землѣ за его неунынные пастырскіе труды. Въ половинѣ 2 часа погребальное шествіе съ тѣломъ покойнаго двинулось по пути къ Холодногорскому кладбищу. Масса прихожанъ провожала покойнаго. У Дмитріевской и Озерянской церквей были совершены литіа по умершемъ. По прибытіи на кладбище, тѣло было предано землѣ въ семейномъ склепѣ почившаго—возлѣ алтарной стѣны Всѣхсвятской церкви.

Почившій всего священствовалъ 45 лѣтъ. Въ теченіе своей такой долголѣтней службы онъ былъ награжденъ набедренникомъ, скуфією, камилавкою, наперстнымъ крестомъ, саномъ протоіерея, и орденами св. Анны 3-й и 2-й степени. Въ семействѣ почившаго осталась жена его, 60 лѣтъ, и женатый сынъ его Анатолій, 31 года, врачъ г. Харькова.

Миръ праху твоему, самоотверженный труженикъ на нивѣ Христовой! Да воздастъ тебѣ, Божественный Пастыреначальникъ, въицомъ правды за подвиги твои во благо пасомыхъ и да будетъ жизнь твоя—примѣромъ тѣмъ дѣлателямъ жатвы Божіей, кои стануть на твое мѣсто святой службы Божіей!

Свящ. П. Доминг.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Что дѣлать духовенству?

„Положеніе пастыря, какъ проповѣдника и учителя,—пишетъ В. Скворцовъ въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ (№ 2 1905 г.),—въ настоящее тяжелое время намъ представляется слишкомъ важнымъ и отвѣстственнымъ,—прямо трагическимъ. Такихъ моментовъ въ исторіи русской церкви и въ жизнедѣятельности духовенства было немного, а за послѣдніе три вѣка переживаемая нынѣ государственная смута, можно сказать, единственная по своему характеру и размѣрамъ. Если присяжные публицисты и государственные люди сами не знаютъ, куда буря вынесетъ нашъ государственный корабль, чѣмъ взлѣчатся, когда и какъ окончатся наши внутренніе волненія, то тѣмъ болѣе наше духовенство, всегда удалявшееся и нынѣ далекое отъ политки и разумныя соціальныя вопросовъ и нужды внутренней государственной жизни,

не подготовлено къ тому, чтобы сказать свое вѣское слово по существу этихъ вопросовъ или въ разрѣшеніе политическихъ или социальныхъ проблеммъ и запросовъ нашей современности, при томъ, политива—не дѣло пастырей церкви. А между тѣмъ служебный долгъ церковнаго проповѣдника и патриотическія его чувства, какъ гражданина, повелительно требуютъ отъ духовенства релігознаго отъклика на современныя событія и освѣщенія въ съ точки зрѣнія разума церкви. Жаждаютъ живого пастырскаго слова не только вѣрующіе пасомые, но и невѣрующіе, друзья и враги церкви одинаково слѣдятъ за проповѣдничествомъ пастырей, внимательно преслушиваются къ голосу церкви, явленіе знаменательное¹⁾. Трагизмъ положенія духовенства усугубляется въ наши дни еще тѣмъ раздѣленіемъ между духовенствомъ и интеллигенціей страны, которое существуетъ уже давно и имѣетъ свои историческія основанія въ противорелігиозномъ направленіи свѣтскаго образованія, въ равнодушіи къ вѣрѣ высшихъ классовъ.

Если мы посмотримъ вверхъ, на верхніе слои нашего общества,—говоритъ Церковный Вѣстникъ (№ 8),—то видимъ тамъ въ большинствѣ, при прежнемъ равнодушіи къ вѣрѣ, только острое желаніе во что бы-то ни стало сохранить свое положеніе, или же крайнюю растерянность: если оттуда и раздаются иногда воззванія къ церковному авторитету, то силошь и рядомъ исключительно въ своекорыстныхъ видахъ²⁾. Отсюда вытекаетъ крайне тяжелое и неопредѣленное положеніе пастыря—проповѣдника.

„Когда церковь молчитъ по поводу современныхъ событій, пастырей ея упрекаютъ въ бездѣйствіи, въ апатіи, въ безучастіи къ современнымъ явленіямъ жизни; если же, говоритъ В. Скворцовъ, какой пастырь коснется бюрократизма, начнетъ указывать на несправедливость заводовладѣльцевъ въ отношеніи рабочихъ, на угнетеніе народа капиталистами—его легко заподозрять въ сочувствіи къ смутѣ, въ возмущеніи массы, и единымъ почеркомъ пера упразднить“³⁾.

„Если, наоборотъ, проповѣдникъ начнетъ громить смуту нашихъ дней, такого радикальная печать сейчасъ же обвинитъ въ безсердечіи къ нуждающимся и обремененнымъ,—къ меньшей братіи, въ невѣжествѣ, обскурантизмѣ и проч... На страницахъ сто-

1) Стр. 404

2) Церковн. Вѣстн. 1905 № 8 стр. 227.

3) Мисс. обзор. 1905. Февраль. «Со скрижалей сердца» стр. 404.

личныхъ радикальныхъ газетъ въ послѣднее время часто можно встрѣчать ядовитую критику проповѣдей духовенства касательно современныхъ событій. Дерзкой критикѣ подвергалось на страницахъ журналовъ и газетъ даже само посланіе св. Синода, чего раньше никогда не встрѣчалось въ нашей печати...

Враждебная церкви либеральная печать наша въ настоящее время особенно придирчива къ патріотическимъ проявленіямъ и рѣчамъ нашихъ пастырей. Она не стѣсняется даже подтасовки фактовъ и извращеніемъ смысла словъ духовенства 1).

Съ другой стороны, уклоненіе отъ правды и явное чело-вѣкоугодничество въ церковномъ словѣ, которое говорится въ храмѣ и отъ лица Божія, ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ, лишая духовенство довѣрія со стороны чернорабочихъ классовъ. Безъ довѣрія же невозможно и какое-либо нравственное вліяніе. Тотъ же обозрѣватель „Церковнаго Вѣстника“, слова котораго выше приводились, говоритъ: обратимся ли мы внизъ,—но тамъ какъ будто совсѣмъ не до насъ: вчерашніе скромные труженики, жовавшіе своими мозолистыми руками могущество Россіи, обратили эти руки на нарушеніе установившихся порядковъ, не внимаютъ даже голосамъ, указывающимъ на то, что ихъ волненія—прямо на руку нашимъ врагамъ, и не желаютъ слышать нашихъ увѣщаній. Только простой деревенскій народъ по прежнему вѣренъ своимъ духовнымъ руководителямъ, спокойно продолжая свой богатырскій трудъ, трудъ Мвкулы Селяниновича,—но среди него по мѣстамъ заводится опасная тля, подрывающая его простую вѣру и заставляющая покидать своихъ православныхъ пастырей и бросаться въ объятія иныхъ вождей²⁾.

Слово церковное, отвѣчающее запросамъ времени, крайне необходимо. Но изъ всего сказаннаго выше вытекаетъ одно требованіе, касающееся современнаго проповѣдничества, это требованіе осторожности, осмотрительности въ словахъ. Проповѣдникамъ необходимо соблюдать и мудрость змѣную и кротость голубиную, непреставно памятуя Завѣтъ Апостола: „блюдайте, какъ опасно ходите“. (Ефес. 5 гл., ст. 15).

Осторожность эту, впрочемъ, надо понимать не въ лукавомъ и трусливомъ уклоненіи отъ истины, нѣтъ, «въ проповѣдническихъ обличевіяхъ смуты нашего времени, долгъ пастыря обязываетъ

1) Доказательствомъ чему могутъ служить, напр., корреспонденція «Нашей Жизни», привод. «Мисс. Обзор.» февр. 1905 стр. 405.

2) Цер. Вѣстн. 1905, № 8, стр. 227.

быть граждански мужественнымъ, хранить нелицепріятную правду, не склоняясь отъ христіанской истины ни на десно, ни на шую. Было бы лицемѣріемъ и челоуѣкоугодничествомъ, когда пастырь, увѣщевая, положимъ, желѣзнодорожныхъ забастовщиковъ оставить смуту и насилія, оставилъ бы безъ слова христіанскаго обличенія безсовѣстныхъ эксилуататоровъ рабочаго люда. Въ томъ то и явна наша, что никто въ мирное время не хотѣлъ видѣть неправды сильныхъ в угнетенія меньшей братіи. Болѣзнь давно назрѣвала, теперь же всѣ явы государственнаго организма разомъ открылись. Нынѣ читаемъ въ газетахъ и столичные іереи взялись изучать записки объ устроеніи рабочаго быта. Поздно, отцы, учиться, когда надо дѣйствовать во всеоруженіи и съ большимъ напряженіемъ¹⁾.

Проповѣднику необходимо нынѣ соблюдать осторожность отъ одностороннихъ увлеченій. «Живое пастырское слово, будетъ ли оно провнесено съ церковной кафедры, или напечатано на столбцахъ газеты, заключается вовсе не въ томъ только, чтобы писать и говорить на современные жгучія темы въ духѣ свѣтской публицистики,—трактовать о соціальныхъ и политическихъ запросахъ общества, народа фельетоннымъ языкомъ газетъ, разрѣшать церковно-общественныя проблемы на основаніи послѣдняго слова свѣтской науки, съ придаткомъ лишь для «церковной оправы» двухъ-трехъ евангельскихъ изрѣченій въ свободномъ изложеніи».

„При современныхъ обстоятельствахъ пастырь долженъ быть прежде всего проповѣдникомъ церковнымъ и религіознымъ и на всѣ событія нашего времени онъ долженъ смотрѣть съ точки зрѣнія строго христіанскаго идеала“²⁾.

„Съ этой точки зрѣнія проповѣдникъ долженъ судить и рѣшать современныя, волнующіе Россію, вопросы политической и общественной жизни и тогда только голосъ Церкви будетъ вліятеленъ и безапелляционенъ для слушателей и читателей“³⁾.

По мнѣнію одного изъ современныхъ пастырей, печатно высказанному въ недавнее время, слово христіанскаго проповѣдника въ нынѣшнее время должно быть словомъ любви и состраданія и словомъ покаянія глубокаго, искренняго и сознательнаго.

Проповѣдь о милосердіи онъ понимаетъ не въ узкомъ смыслѣ обычной благотворительности имущихъ неимущимъ со стороны кармава, а въ болѣе широкомъ и болѣе цѣлкомъ,—въ смыслѣ

1) Мисс. Обзор. 1905 г. февраль, стр. 408.

2) Мисс. Обзор. 1905 стр. 411 мѣс. февраль.

3) Тамъ же, стр. 412.

братской любви и участія къ пуждамъ бѣдныхъ и страждущихъ людей.

Проповѣдь покаянія въ грѣхахъ дурной минувшей жизни онъ считаетъ первымъ условіемъ лучшей будущей. „Церковная проповѣдь съ полнымъ сознаніемъ нравственнаго права могла бы открыто и громко сказать всю правду о грѣхахъ народу, и правительству:

— „Въ историческомъ прошломъ народной жизни проявлены многія вины и грѣхи. Вины народа такія то, такія-то и такія, а грѣхи правительства въ томъ-то, въ томъ-то и въ томъ. Не безъ вины исторической и вины немалой и сами представители церкви.

Всѣ были нерадивы. Всѣ корыстны и себялюбивы. Мало думали о роднѣ и о благѣ народа. Теперь конецъ этому.

Появився искренно другъ предъ другомъ, каждый въ своихъ историческихъ грѣхахъ. Появився сообща передъ родной страной, а всю землей появився предъ Богомъ. Простимъ взаимно общіе народныя и общественныя грѣхи, стряхнемъ съ себя ихъ бремя, мѣшающее мирному и быстрому развитію и устройству государственной жизни, и съ удвоенной, утроенной, удесятеренной энергіей примемся наверстывать упущенное дорогое время за долгіе годы позорной и преступной общей спячки.

Впередѣ предстоитъ громадная общенародная работа. Нужны тѣсное общеніе всѣхъ силъ народа, взаимное довѣріе, уваженіе къ чужимъ правамъ и сознаніе собственнаго долга“ 1).

Только такая проповѣдь о христіанской любви и всепрощенія, соединенная съ смиреннымъ сознаніемъ своихъ грѣховъ, и можетъ утишить народную смуту, умротворить страсти и направить мысли къ идеалу правды и братолюбія.

Особенно нужно остерегаться пастырямъ обвинять въ общемъ бѣдствіи отдѣльныхъ лицъ и даже отдѣльныя сословія. Положительно необходимо избѣгать въ обличительныхъ проповѣдяхъ къ крестьянамъ такихъ словъ: „невѣрующая гнилая интеллигенція“, „образованные люди или классы—безбожныя враги Царя и церкви, крамоольники и предатели отечества“, „бунтари студенты“ и т. п. Во-первыхъ, огульно всѣхъ интеллигентовъ или студентовъ въ сочувствіи къ смутѣ обвинять несправедливо, смута и крамола срываетъ ядовитые цвѣтки со всѣхъ слоевъ, а во-вторыхъ—легко разбудить въ народныхъ массахъ того страшнаго звѣря классовой

1) Свящ. Петровъ. Двѣ проповѣди. Русс. Слово 1905 г. № 56.

ненависти, который въ деревняхъ способенъ разнести всѣ преграды и запоры. Кто не знаетъ, какъ безпомощна наша провинція въ смыслѣ охраны¹⁾. Пастырское слово здѣсь не должно сѣять новую смуту въ народѣ, а охранять миръ и тишину народнои жизни. И если духовенство „не воздремлетъ, ниже уснетъ“, то эта охрана будетъ самой сильной и надежной. (Тамб. Е. В. № 25).

М. Васильевъ.

Малороссійская пропаганда за границей.

Гостеримная Австрія пріютила вблизи русской границы, во Львовѣ и въ Черновцахъ, господъ, открыто пропагандирующихъ революцію въ Россіи.

Во Львовѣ съ Новаго года сталъ выходить журналъ „Правда“ на малорусскомъ нарѣчій, органъ „украинской соціалъ-демократичной силки“ (т. е. общества). Этотъ журналъ, редактируемый какимъ-то г. Виткомъ, предназначенъ для „сільскаго рабочаго люду“ и объясняетъ своимъ чтателямъ, что настоящіе „лионці“—это правительство, духовенство и помѣщики: „на іх ставайте, іх поскывайте“. Въ одной тинографіи съ „Правдой“ печатается множество прокламацій и листовъ, предназначенныхъ для Россіи и вызывающихъ къ насильственному перевороту. На нѣкоторыхъ листовкахъ напечатанъ сверху приказъ: „Перечитати зараз (сейчасъ) усім селом на сходи“. Въ Черновцахъ фабрикутся воззванія и брошюры „революційной украинской партіи“, открыто призывающія, какъ и львовскія изданія, къ революціи въ Россіи.

Характерной чертой революціонной пропаганды въ Малороссіи является то обстоятельство, что лица, ведущія эту пропаганду, съ одной стороны призывають народъ „скинуть пінівъ“ и стараются внушить народу ненависть и презрѣніе къ духовенству, а съ другой—очень хлопочуть о томъ, чтобы склонить духовенство на свою сторону и завербовать въ свои ряды семинаристовъ. Къ сожалѣнію, есть факты, указывающіе, что въ семинарской средѣ въ настоящее время хохломанско-революціонная пропаганда находитъ откликъ. (Совр. Литоп.). Конечно, все это происходитъ среди

¹⁾ Мисс. Обзор. 1905 февраль, стр. 412.

австрійскихъ малороссовъ, австрійскаго духовенства, австрійскихъ семинаристовъ. Слава Богу, среди русскихъ малороссовъ ничего подобнаго еще нѣтъ. Тѣмъ не менѣе *caveant consules*.

Лютеранское богослуженіе на русскомъ языкѣ.

Петербургскіе лютеране, считающіе роднымъ своимъ языкомъ — русскій, по словамъ „Нов.“, рѣшили обратиться съ ходатайствомъ о введеніи въ лютеранской церкви св. Петра и Павла, что на Невскомъ проспектѣ, а также въ лютеранской церкви св. Екатерины, на Васильевскомъ Островѣ, рядомъ съ церковною службою на нѣмецкомъ языкѣ, такой же службы по-русски. Въ Петербургѣ находится нѣсколько тысячъ лютеранъ, совершенно не владѣющихъ или плохо владѣющихъ нѣмецкою рѣчью. Большею частью лица эти принадлежатъ къ 3—4 поколѣнію переселившихся когда-то въ Россію нѣмцевъ, которые совершенно обрусѣли, приняли русское подданство, ввели у себя въ семьяхъ русскіе обычаи и русскую рѣчь; словомъ превратились въ русскихъ, оставаясь въ то же время вѣрными исповѣданію своихъ предковъ-лютеранъ. („Х. В.“). Газеты извѣщаютъ, что подобное же рѣшеніе принимаютъ русскіе нѣмцы и въ Москвѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Предложеніемъ Его Высокопреосвященства отъ 19 іюля 1905 г. за № 440, даннымъ Харьковской Духовной Консисторіи, книги Преосвященнаго Алексія, епископа Сумскаго, викарія Харьковской епархіи: 1) „Южно-русскій необаптизмъ“ и 2) „Опытъ православнаго противощундистскаго Натихизиса“, какъ весьма полезныя для Харьковской епархіи, наполненной сектантами, рекомендуются во всѣ церковныя и благочинническія бібліотеки, а равно и въ бібліотеки второклассныхъ и учительскихъ церковно-приходскихъ школъ.

Новыя изданія Н. Н. Страхова.

(Харьковъ, Духовная Семинарія):

Руководство къ обученію грамотѣ	цѣна 40 к.
Грамотка — Первинка (букварь)	„ 20 „

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, словъ и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической инпровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихристѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руоѣ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія моназма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Ляницкаго.—„Законы причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ».

Контора редакціи открыта ежедневно, отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~■~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНОНІЙ
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.